

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЧАСТЬ

Т. Д. Равдоникас

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ОДЕЖДЫ
НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
(V в. до н. э. — конец XVII в.)

Предисловие

Одежда является памятником исторических эпох. Она помогает разобраться в вопросах этногенеза, до известной степени освещает идеологию создавшей ее социальной среды, указывает на производственные и социальные отношения, нашедшие отражение в материале и покрое платья.

В настоящее время многие этнографы уделяют внимание одежде народов разных регионов страны, в том числе и Кавказа. Опубликовано многочисленных монографий, посвященные материальной культуре отдельных народов Северного Кавказа, в которых авторы отводят большое место описанию костюма. Однако все они, как правило, исследуют материалы XIX—начала XX в.

Только отдельные исследователи занимаются вопросами исторической этнографии и изучают северокавказский костюм более раннего времени или делают экскурсии в прошлое при описании недавно бытовавшей народной одежды. В качестве примера приведем статью Е. Н. Студенецкой, описавшей и реконструировавшей по материалам П. С. Палласа одежду черкесов второй половины XVIII в., и ее же недавно вышедшую книгу «Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв.» (М., 1989), в которой имеются экскурсии в более ранние времена. Интересны в этом плане статьи Г. А. Сергеевой по одежде различных групп аварцев, монографии С. Ш. Гаджиевой по материальной культуре народов Дагестана (кумыки, даргинцы, ногайцы), С. С. Агашириновой — по материальной культуре лезгин — и другие.

Большой интерес представляют также публикации археологического материала, среди которого довольно часто встречаются остатки одежды, обуви, головных уборов из погребений разных кавказских народов VIII—XV вв. Подготовлена к публикации насыщенная новым материалом книга А. А. Иерусалимской по одежде обитателей верхнего Прикубанья VIII—IX вв. (Мошечая Балка). Однако одежду обитателей Северного Кавказа более отдаленного от нас времени пока, насколько нам известно, не изучали.

Наша монография состоит из ряда очерков, посвященных выявлению и описанию типов одежды, бытовавшей в древности и в средние века у населения Северо-Западного и отчасти Центрального Кавказа эпохи средневековья. Работа основана на сообщениях древних и средневековых авторов, археологических материалах, на исследованиях надгробных рельефов с изображениями людей, торевтики, малой пластики, средневековых скульптур и фресок

христианских храмов. Широко использован сравнительный материал по одежде народов Советского Союза и сопредельных стран в различные хронологические периоды, что является особенно необходимым для правильного понимания бытовавшего в далеком прошлом покроя одежды, связанного с низким уровнем развития производительных сил.

При изучении одежды скифского времени по произведениям торевтики был применен метод увеличения фотографий некоторых изображений в несколько раз, что дало неожиданно очень интересные результаты: были выявлены подробности покроя и отделки одежды, в частности ритуальной, головных уборов и обуви.

В качестве сравнительного материала для одежды средневековья автор привлекает росписи дворцов среднеазиатского средневековья, альбомы типов восточных одежд XIV—XV вв., западноевропейских XVI—XVII вв., пользуется современными исследованиями по истории византийского и западноевропейского костюма.

Автор не ставит своей задачей изучение влияния грузинской культуры на культуру и одежду обитателей Северного Кавказа, а ограничивается выявлением только византийских элементов, носителем которых была и средневековая Грузия. Тема взаимовлияний грузин и народов Северного Кавказа, как нам кажется, может быть в лучшей степени освещена трудами северокавказских и грузинских этнографов, тем более что работы грузинских ученых, представляющие большой научный интерес и освещающие не только этнографию грузинского, но и сопредельных народов, публикуются только на грузинском языке. Не затрагивается в монографии также вопрос о влиянии на одежду обитателей Северного Кавказа русской культуры, и прежде всего материальной культуры терского казачества. Тема эта сложна и требует специального исследования, так как необходимые для изучения материалы крайне малочисленны.

К сожалению, автор в своих очерках не имела возможности - воссоздать полную картину истории одежды народов Северо-Западного Кавказа за рассматриваемый период: с одной стороны, ряд необходимых автору сведений фрагментарен, с другой - имеющийся археологический материал часто недоступен для исследования.

Автор выражает благодарность всем организациям и сотрудникам, предоставившим ей возможность работать с материалами или по прочтении работы сделавших замечания или давших советы, принятые автором с благодарностью: сотрудникам Гос. Эрмитажа, Гос. Исторического музея, Керченского историко-археологического и Краснодарского краеведческого музеев, Института этнографии АН СССР, Гос. музея этнографии народов СССР. С особой теплотой и признательностью автор вспоминает руководителя сектора Кавказа, Средней Азии и Казахстана Л. И. Лаврова, чья дружеская поддержка в течение ряда лет являлась неоценимым подспорьем в работе.

Глава 1

О ДРЕВНЕЙШЕМ ТИПЕ ОДЕЖДЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Основным источником при изучении типов одежды, бытовавшей в период позднего эллинизма среди обитателей Черноморского побережья Северного Кавказа и восточной части Крыма, представлявших в рассматриваемый период единую культурно-историческую общность, является скульптура и живопись того времени. Это прежде всего надгробные памятники: статуи-полуфигуры (IV в. до н. э. — II в. н. э.) и надгробный рельеф с изображениями людей (III в. до н. э.—II в. н. э.).¹ Затем произведения малой пластики — многочисленные терракотовые статуэтки местного производства.² И наконец, фрески боспорских катакомбных погребений I в. до н. э.—II в. н. э., дающие дополнительные сведения не только о покрое, но и о возможной цветовой гамме одеяний древних.³

В данной главе мы остановимся главным образом на надгробных рельефах и статуях-полуфигурах Боспорского царства, привлекая остальные источники только в качестве сравнительного материала.

На горельефах Боспора крупным планом изображались фигуры одного, двух или нескольких человек, представителей одной семьи, чаще всего супругов или близких родственников, как о том повествуют в большинстве случаев сохранившиеся греческие надписи, выбитые под изображениями. Это основные персонажи памятников, и размеры их фигур на одном и том же рельефе имели почти одинаковую высоту. Мы говорим почти потому, что при изготовлении фигур учитывался возраст и общественное положение. Так, например, фигуры женщин или юношей были несколько ниже фигур, изображавших мужчин зрелого возраста. Фигурки же детей были и вовсе небольших размеров. Часто на стелах показаны второстепенные персонажи — оруженосцы (свободные), фигуры которых были меньших размеров, чем фигуры их господ, и, наконец, рабы и рабыни, незначительные размеры изображений которых подчеркивали их зависимое положение.

Многие писатели древности сообщали о том, что греческие колонисты частично или полностью заменили свою традиционную одежду местной, более приспособленной к климату Северного Причерноморья. Дион Хрисостом, например, посетивший в 100 г. н. э. Ольвию, оставил описание костюма борисфенита (ольвиопо-лита) Каллистрата: «Он был опоясан большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство, на плечах был небольшой тонкий черный плащ, какой обыкновенно носят борисфениты. И другая одежда у них по большей части черного цвета по примеру одного скифского племени, которое... получило у эллинов название меланхленов».⁴

Овидий Назон, сосланный в I в. н. э. в город Томи за участие в заговоре против Августа, неоднократно упоминает греческих колонистов, защищавшихся от морозов «... звериными шкурами и сшитыми штанами...».⁵

Графические изображения костюмов на боспорских надгробных памятниках подтверждают известия памятников письменности. Наряду с чисто греческими одеяниями изображается также одежда, нетипичная для греков, носящая следы местного влияния, а иногда прямо говорящая о чуждом для греков племенном происхождении изображенного. Таким образом, появляется возможность получить некоторое представление об одежде племен, окружавших Боспорское царство в течение более полутысячелетия, а частично и проникших в среду его обитателей. Можно выделить несколько типов мужской одежды, начиная от довольно примитивных ее форм и кончая выкроенной и сшитой по определенному образцу.

На мужских фигурах надгробных рельефов Пантикапея и отчасти Фанагории, изображающих воинов и гражданских лиц в самых разнообразных костюмах, встречается распашная наплечная одежда (кафтан), изготовленная, судя по внешнему виду, из шкуры парнокопытного животного (олени, лося, козы и др.) или сохраняющая этот покрой при использовании нового материала.

Древние авторы, начиная с Геродота и кончая писателем эпохи позднего эллинизма Гезихием, сообщали о том, что многие «варварские» племена употребляли шкуры диких или домашних животных в качестве материала для одежды. Например, часть скифских племен делала свою наплечную одежду из овечьих шкур, обитатели Каспийского побережья — пактии и каспии — из козых. На некоторых рельефах Пантикапея показана наплечная одежда из шкуры оленя или лося.

Несколько слов о том, почему мы считаем изображенные на этих стелах кафтаны сделанными из шкуры парнокопытного. Дело в том, что несколько вариантов подобной наплечной одежды бытовало до конца XIX—начала XX в. у различных народов Крайнего Севера, Сибири и у некоторых племен Северной Америки, и их покрой (внешний вид) известен: у народов самодийской языковой группы это кафтан из одной шкуры специфического облика; у тунгусоязычных — «тунгусский кафтан» с нагрудником; у эскимосов Гренландии, Канады, Аляски, атапасков Северной Америки — глухая одежда с пришитым нагрудником. Н. Ф. Прыт-кова и Г. М. Василевич по швам и орнаменту этой уже поздней одежды воссоздали ее первоначальный облик, который был неразрывно связан с формой

самой шкуры.⁸ Как оказалось, этот простейший тип одежды по своему внешнему виду почти полностью совпадает с изображением наплечной одежды на фигурах указаных выше памятников. Ниже мы поговорим об этом более подробно.

Рис. 1. Изображение человека в кафтане самодийского облика на рельефе из Пантикапея.

На боспорских рельефах имеется изображение всех трех вариантов наплечной одежды из шкуры парнокопытного животного. Первый вариант — кафтан, напоминающий нижнюю наплечную одежду народов самодийской группы, встречается чаще остальных и именно в Пантикапее. Появляется его изображение с момента возникновения на Боспоре массового надгробного рельефа с фигурами людей (III—II вв. до н. э.) и бытует вплоть до его исчезновения во II в. н. э.⁹ Кафтан самодийского облика входил в состав костюма, в котором сочетались древнегреческие и туземные элементы одежды. Насколько можно судить по сохранившимся изображениям, этот костюм состоял из сшитого хитона с прямым или овальным краем ворота, кафтана (куртки) с очень своеобразными полами, которые в виде острых углов неправильной формы сходились посередине груди, где завязывались вязками или скалывались. Книзу полки постепенно суживались и, не доходя до бедер, исчезали за спиной (рис. 1). При такой их форме верхняя часть груди и середина живота оставались незакрытыми. Рукава, очень узкие, в одних случаях доходили почти до кисти рук, в других — только до локтя.¹² На фигурах отдельных памятников рукава на таком кафтане отсутствовали вовсе — куртка превращена в безрукавку.³ Ворот и полы куртки обшивались мехом. В тех случаях, когда мужская фигура изображена стоящей спокойно, на куртке морщин нет, но если фигура показана в движении, ворот и полы показаны перекошенными, а движения рук кажутся связанными слишком узкими рукавами.¹⁴ Нижняя половина фигуры до середины голени изображалась укутанной в широкий и длинный плащ — гиматий, один конец которого спускался с левого плеча на грудь, а другой обертывал бедра и, выходя, справа из-за спины, перебрасывался поперек туловища через левую руку или, закрывая ее, свисал вниз. Из-под края плаща видны неширокие штаны и обувь — полусапожки,¹⁵ иногда обувь со шнуровкой.¹⁶ Конусообразный головной убор показан только на одной фигуре пожилого мужчины, который, возможно, был лысым,¹⁷ на других фигурах головы обнажены. Прическа — длинные почти до шеи

волосы, иногда уложенные в локоны,¹⁸ но чаще прямые; ¹⁹ усы и небольшая бородка. И еще одна характерная деталь — мужские фигуры в описанной выше одежде всегда изображались без оружия. Очевидно, перед нами надгробные рельефы с изображением основных обитателей Пантিকাпея — милетских колонистов, традиционный костюм которых дополнен наплечной одеждой, штанами и сапогами, воспринятыми ими у местного населения.

По внешнему виду наплечная одежда пантикапейских греков напоминает меховой кафтан народов самодийской группы — энцев, селькупов и нганасан, сделанный из одной шкуры крупного оленя без ее предварительного раскроя и конструктивных швов. Подобный кафтан бытовал еще в начале XX в. в качестве нижней женской и мужской одежды.²⁰ Изготавливали его из шкуры осеннего оленя, повернув ее вверх хвостовой, самой широкой частью: отрезали лапы, прорезали отверстия — проймы, в которые вшивали длинные узкие рукава из остатков меха. На груди кафтан зашивали наглухо. Для того чтобы утеплить одежду и закрыть бедра и нижнюю половину живота, спереди от пояса до края подола вшивали клин полукруглой формы.²¹ Как показала в своем исследовании Прыткова, одежда эта в прошлом была распашной, а шкуры, снятые с задних ног, служили рукавами. Подобные рукава были слишком узкими, «. . . так как в неразрезанном виде при любом растягивании кожи в мокром состоянии такой „рукав“ после высыхания садился, а потому и был неудобен для движения».

Н. Ф. Прыткова считала, что одежда, представляющая собою одну целую некроеную шкуру, «обернутую» вокруг тела, являет собой очень древнюю форму, характерную для южной территории, и относила ее к старосамодийскому слою одежды. В условиях Крайнего Севера эта одежда была трансформирована в глухую. Аналогии своеобразному расположению шкуры хвостовой частью вверх Прытковой найти не удалось.²⁴

Сравнив наплечную одежду, изображенную на стелах, с кафтанами энцев и нганасан, мы пришли к выводу, что на интересующих нас рельефах изображена одежда, изготовленная из одной целой повернутой вверх хвостовой частью некроеной шкуры крупного парнокопытного; рукавами, очевидно, служили шкуры, снятые с задних ног. Нам стала понятна форма одежды, причины появления сковывающих движения рук узких рукавов, а также их различных вариантов, возникших при попытках древних обитателей Боспора усовершенствовать этот кафтан: узкого и длинного, короткого, надставленного и, наконец, их отсутствие.

Можно предположить также, что когда милетские греки поселились в Пантикапее, они заимствовали у обитавшего там населения меховой кафтан. Для утепления одежды на зимний период колонистам были не нужны ни клин, вшивавшийся в кафтан энцами, мигрировавшими в XVII в. с Саян на Крайний Север, ни нагрудник тунгусского «фрака». В составе костюма они сохранили гиматий, для которого можно было употребить достаточно теплую и плотную шерстяную ткань.

Этот смешанный греко-варварский вид костюма, существовавший в западной части Боспорского царства более полутысячелетия, как о том повествуют надгробные рельефы, сделался традиционным для обитателей Пантикапея греческого происхождения. Только этим можно объяснить столь длительный период его бытования. Вначале, по-видимому, эта одежда была характерна для мужчин разного возраста,²⁵ может быть купцов, ибо в древности только купцы не нуждались в оружии, пользовались правом свободного прохода через чужие территории и завоевывали народы не оружием, а торговлей.²⁶

На одном и том же рельефе более позднего времени можно встретить мужские фигуры, изображенные в костюмах разных типов. Описанная нами одежда встречалась на фигурах мужчин преклонного возраста, у которых по-прежнему не было оружия, в то время как юноши или молодые люди носили кафтаны более совершенного покроя и были снабжены военными плащами и оружием.

По-видимому, кафтан самодийского облика на рубеже первых веков нашей эры сделался самой древней формой обрядовой одежды, так как, кроме рельефов, изображение его встречается на терракотовых статуэтках, представляющих популярных в те времена на Боспоре богов: Аттиса, Мена и Митру. А боги, «жившие», как известно, в «незапамятные времена», естественно, изображались в наиболее древних одеяниях — из числа одежд, сохранявшихся еще в памяти племени.

Статуэтки этих богов были найдены во время раскопок гробниц, храмов, жилых помещений и мастерских короластов, среди терракот, изображающих богов и богинь в античных одеяниях, а простых смертных — в костюмах, соответствующих эпохе или традиционным представлениям.

Появление новых персонажей в сонме богов вызвано проникновением новых этнических элементов в состав населения боспорских городов и греческих колоний Северного Причерноморья, где период позднего эллинизма был временем очень пестрого племенного состава населения, синкретизма религиозных верований и смешения атрибутов при изображении божеств. Мен, Митра и Аттис изображаются в наплечной одежде самодийского облика, для них не характерной, и в колпаке или капюшоне фригийского типа, в прошлом присущего главным образом Аттису.

Бог Мен — фригийское божество Луны, считался повелителем смерти, богом растительности и плодородия и изображался обычно безбородым юношей с серпом месяца за плечами и хлебом на голове.²⁷ На аверсе пантикапейских оболов I в. до н. э. Мен изображен с полумесяцем за плечами, во

фригийском колпаке на кудрявой голове.²⁸ Однако в Северном Причерноморье чаще встречаются терракотовые статуэтки, изображающие Мена в другой ипостаси — в виде пухлого полуобнаженного мальчугана, сидящего на петухе — птице зари и плодородия. Голову его венчает массивный колпак фригийского типа с изогнутым наперед верхом или, как считает М. М. Кобылина, башлык; спину, бока и наполовину грудь закрывает рукавный кафтан самодийского облика, застегнутый на груди.²⁹ В руке он держит кисть винограда. Этот Мен считался богом-покровителем детей и был, очевидно, связан с погребальным культом, так как такие терракоты часто находят в детских погребениях того времени.

Мы внимательно просмотрели альбом терракот Ф. Винтера,³⁰ отдельные публикации,³¹ корпус терракот Северного Причерноморья,³² но ничего похожего на плечевую одежду, изображенную на статуэтках Мена из Пантикапея, не обнаружили. Терракоты, изображающие сидящего на петухе ребенка, которого для Северного Причерноморья определили как бога Мена, имеют параллели в средиземноморском искусстве позднего эллинизма. Различные типы статуэток, представляющих сидящих на петухе детей, найдены в Италии, Таренте и Аттике,³³ но при всем сходстве сюжета ни одна из этих фигурок не обладает особенностями одежды боспорских терракот.

Митра — древнее индо-иранское божество добра и света, позже (Мидия, Персия, Парфия) — бог Солнца — изображался в виде юноши, убивающего быка или стоящего на быке в короткой развевающейся одежде.³⁴ Костюм, изображенный на статуэтке Митры из Пантикапея, более полный, чем костюм Мена, и состоит из головного убора, «кафтана», поясной одежды типичного для тех мест и времени покроя и обуви. Убор, венчающий голову юного бога, это уже известный нам фригийский колпак или башлык, аналогичный головному убору Мена.

Кафтан, изображенный на Митре, по покрою близок к наплечной меховой одежде милетских колонистов. Судя по внешнему виду, он изготовлен из тонкого материала. Так как Митра изображен в стремительном движении, узкие полы кафтана показаны отогнутыми, по традиции «развеваются». На солнечном боге изображены две надетые порознь узкие штанины типа высоких ноговиц, верхний край которых срезан наискось и пристегнут или привязан к поясу или поле кафтана. Штанины покрывали ноги во всю их длину (голени, бедра) и плотно их облегли. Глубокая, охватывающая ногу до лодыжки обувь напоминает обувь, изображенную на фигуре фракийца или фригийца, вырезанной на печатке перстня работы Афинада (перстень был найден в женской гробнице на горе Митридат в Керчи; племенную принадлежность вырезанной на нем фигуры можно определить по головному убору, сделанному из лисьей шкурки, который был у эллинов своеобразным эталоном при определении фракийцев).

Аттис — фригийское божество умирающей и воскресающей природы. Поклонение ему связывалось с культом Матери богов -богини Реи Кибелы.³⁵ Аттис изображался во фригийском колпаке с сиригой в руках. На нашей терракоте показан фригийский колпак, наплечная одежда типично самодийского облика с длинными узкими рукавами и очень короткими несходящимися на груди лапами, которые удлинялись к бокам и обрисовывали живот полукругом. На ногах — ноговицы во всю длину ноги с косо срезанным верхом.

Культ Митры, по мнению М. М. Кобылиной, «...на Боспоре не занимал большого места и, встретившись здесь с более популярным культом Аттиса, существовал только в виде культа Митры—Аттиса».³⁶ Тем не менее терракоты, изображающие Митру—Аттиса, довольно часто встречаются в Пантикапее, а показанная на них одежда характерна только для данного района и в других местах на фигурах Митры и Аттиса не обнаружена.³⁷

Таким образом, только в Северном Причерноморье Мен, Митра и Аттис изображены в одежде, покроем которой напоминает одежду из шкуры парнокопытного.

В какой-то мере это подтверждает нашу мысль о том, что наплечная одежда из оленьей шкуры могла возникнуть на территории Северного Причерноморья самостоятельно, а если была принесена извне, то «акклиматизировалась» настолько прочно, что не только сделалась бытовой одеждой выходцев из Милета, но и сохранялась длительное время в качестве обрядовой.

Попробуем определить хотя бы приблизительно этническую принадлежность верхней наплечной одежды из одной шкуры парнокопытного. Мы нашли на рельефах три варианта такой одежды. Первый — кафтан без нагрудника из шкуры, повернутой хвостовой частью вверх, который вошел в состав традиционной одежды пантикапейских греков, заимствовавших его у какого-то местного племени, обитавшего на Керченском п-ове до них и, возможно, занимавшегося также и рыбной ловлей. Основанная здесь ионийская колония получила название Пантикапей, что на древнеиранском значило «путь рыбы» (*панти* 'путь', *капа* 'рыба'). По мнению Фасмера, этим именем до прихода греков назывался Киммерийский Боспор (Керченский пролив).³⁸ В. И. Абаев по этому поводу пишет: «...трудно было бы подобрать более удачное название: пролив этот был путем массового хода рыбы, а Пантикапей — едва ли не крупнейшим в мире центром рыбного промысла».³⁹

Древнеиранское название пролива и самой колонии говорят об обитавшем в этих местах до греков племени древнеиранского языка, которое, возможно, и изготовляло свою верхнюю наплечную одежду из повернутой вверх хвостовой частью оленьей шкуры, а может быть, даже имело нагрудник, в

котором у колонистов не было необходимости, и они от него отказались, заменив традиционным гиматием.

Второй вариант наплечной одежды из шкуры парнокопытного — кафтан с нагрудником. Изображение его на стелах встречается редко и появляется не раньше I в. н. э. Нам известно только два таких памятника, опубликованных в альбоме Кизерицкого и Ватцингера.⁴⁰ Оригиналы вместе с рядом других надгробий во время оккупации Крыма в 1856 г. были вывезены в Лондон и помещены в Британский музей.

Так как изображенная на этих памятниках одежда представляет большой интерес и находит аналогии, с одной стороны, среди материалов археологии Сибири, с другой — в этнографии народов Сибири, а стелы с подобными рельефами встречаются редко, мы опишем изображенную на них одежду более подробно.

Этот тип наплечной одежды, несмотря на ее почти полное тождество с тунгусским кафтаном (*мирэлэн*),⁴¹ во избежание могущих возникнуть недоразумений мы назовем кафтаном с косыми полами. Изображение такого кафтана мы нашли на надгробных памятниках Пантикапея — «Гераклид, сын Гастия»⁴² и «Гай и его мать Базилейн, дочь Мены».

На рельефе, посвященном Гераклиду, помещены три фигуры: крупная — Гераклида, меньших размеров — юноши, может быть, младшего родственника, и маленькая фигурка — слуги. Грек показан в греко-варварском одеянии: хитон, наплечная одежда самодийского облика, окутывающий фигуру гиматий; из-под гиматия виднеются неширокие длинные штаны и сапоги (или обувь типа закрытых массивных калаш).

Кафтан с косыми полами показан на фигуре юноши, который, по нашему мнению, сопровождает Гераклида, так как его фигура ниже фигуры грека и имя не упомянуто в надписи рельефа. Наплечная одежда, изображенная на нем (вид спереди), короткая, едва прикрывающая бедра, с длинными и узкими рукавами; полы соединяются в верхней части, а ниже косо расходятся по сторонам, обнажая часть надетого под кафтан нагрудника. При переходе в подол полы образуют тупой угол, а край подола, плавно удлиняясь, переходит на спину. Видимая часть нагрудника украшена двумя круглыми пластинами разной величины, расположенными по вертикали, а край его подола имеет выступ (мыс) треугольной формы. Полы подола кафтана и нагрудника по краям очерчены контурным швом (может быть, обшиты мехом?). На ногах — сапожки с голенищем до середины голени, обвязанные вокруг лодыжки вязкой, и длинные ноговицы до конца бедра. Спереди они прошнурованы и с наружной стороны покрыты крупными овальными пластинами (оборонительное приспособление). За спиной — военный плащ до середины голени. По-видимому, из-за спины выступает край цилиндрического колчана. У пояса слева подвешен меч (?) с крестовидным перекрестьем и круглым навершием. Позы Гераклида и юноши одинаковы.

На фигуре Гая (стела «Гай и его мать Базилейн. . .»)⁴⁴ показан кафтан, полы которого соединяются в верхней части груди и даже частично закрывают ее. Ниже груди они слегка суживаются и, оставляя открытой середину туловища, почти вертикально спускаются к подолу. Между полами виден надетый под кафтан нагрудник, край которого выступает ниже подола кафтана полукруглым мысом. Полы и подол кафтана и нагрудника по краям обшиты полосой меха (может быть, это не мех, а рельефные швы?). У талии с правой стороны на кафтане видна часть широкого накладного пояса, полы одежды в этом месте соединены застежкой в виде двух больших подвесных петель, скрепленных массивным круглым шпильком. Узкие рукава спускаются до кисти, длинные ноговицы плотно облегают ноги. Вдоль рукавов, ноговиц и сапог, от носка до верхнего края голенища, изображена шнуровка, стягивающая их противоположные стороны. За спиной — военный плащ до середины голени. На груди (под горлом) — крупная фибула. Фибула производит впечатление четырехугольной, косо поставленной, но, может быть, она была круглая. Ниже пояса у левого бедра подвешен меч с массивным перекрестьем и круглым навершием. Из-за спины выступает край колчана, через правое плечо проходит широкая перевязь от меча (?-).

Фигурки слуг на этих двух рельефах изображены в одинаковом костюме. Плохая сохранность памятников, а также плохое качество фотографий не дают возможности детально рассмотреть одежду, плотно облегающую туловище фигур. Четко видны длинные, до конца бедер, ноговицы, прошнурованные вдоль ноги.

Г. М. Василевич восстановила первоначальный облик тунгусского кафтана по покрою шаманского кафтана эвенков,⁴⁵ а дальнейшее его развитие — по швам и расположению орнамента на более поздних типах тунгусской одежды.⁴⁶ В прошлом тунгусы делали свою наплечную одежду из одной шкуры крупногопарнокопытного животного без ее предварительного раскроя и конструктивных швов. При этом шкуру они не переворачивали, как энцы, нганасаны или селькупы, а клали вверх грудной частью. Короткими рукавами служили шкуры, снятые с верхних частей передних ног. В. Я. Серошевский, изучавший в конце прошлого века этнографию якутов, констатировал: «Тунгусский фрак не больше, как целая оленья кожа, передние ноги которой сняты чулком и употреблены вместо рукавов».⁴⁷ В 20—30-х гг. XX в. старики-эвенки еще донашивали парки (кафтаны) с такими рукавами.⁴⁸

Форму кафтана с мысом на подоле определяла конфигурация шкуры и привычка отрезать по косой линии части с задних ног (от хвоста к животу), так как «шкура со срезанными по косой линии частями с задних ног при первичной просушке в распяленном виде оканчивалась острым мысом (хвостовая часть), который первоначально и сохранялся в цельном виде».⁴⁹ На изготовление кафтана шла одна шкура крупного парнокопытного животного или две-три мелкого (козы, кабарги, косули). Место соединения шкур проходило по талии и образовывало шов, который был параллельным подолу, т. е. спускался по середине спины мысом.

Василевич считала тунгусский кафтан с несходящимися полами и прикрывающий грудь нагрудник особенностью тунгусской культуры, «. . . выделявшей тунгусов, а также и юкагигов среди всех других народов на протяжении веков».⁵⁰ Неоспоримым полагала она также тот факт, что кафтан с мысом развился среди тунгусо-язычных народов Сибири и, судя по археологическим материалам, основы его были унаследованы тунгусами от их предков — неолитических таежных охотников Прибайкалья — Приангарья.⁵¹ По мнению Василевич, от тунгусов кафтан перешел к целому ряду народов Сибири, у которых длительное время сохранялся частично или целиком в обрядовой одежде: нагрудник — в ритуальном костюме невесты — у нанайцев, ульчей, орочей, удэ; как погребальный кафтан — у ульчей, маньчжуров.⁵²

Интересно отметить, что изображение кафтана с расходящимися полами и нагрудником на рельефах Пантикапея дают разные варианты мирэлэна.

На юноше стелы Гераклида кафтан по покрою (облику) почти полностью совпадает с тунгусским. Правда, полки его сходятся на груди и даже в какой-то мере закрывают ее верхнюю часть, что нетипично для мирэлэна. Это можно объяснить большими размерами шкуры парнокопытного (благородный олень?).

На фигуре Гая мы видим кафтан с прямым краем подола и с мысом на подоле нагрудника, в области талии показан широкий накладной пояс. Василевич доказала, что с применением нового материала (сукно, ткань) линия подола выпрямляется. В кафтане, изготовлявшемся из двух шкур, выпрямилась и линия их соединения на спине, покрывавшаяся орнаментом, а орнамент этот постепенно превратился в накладной пояс.⁵³

Таким образом, два имеющихся в нашем распоряжении изображения кафтана с нагрудником дают и два последовательных этапа его развития.

Мужские фигуры, изображенные в этой одежде, показаны с оружием: лук и стрелы, меч. Следовательно, перед нами воины. Латинское имя Гая говорит не о его этническом происхождении, а скорее всего о принадлежности к римским легионам: известны случаи, когда варвары, становясь легионерами, получали новое имя. Возможно, Гай и безымянный юноша попали на Боспор в составе римского легиона, оккупировавшего побережье северо-восточной части Черного моря, а может быть, были мобилизованы именно на самом Черноморском побережье.

Кроме кафтанов с нагрудником на фигурах некоторых боспорских рельефов встречается изображение такой же по типу наплечной одежды, но без нагрудника.

Наконец, имеется еще один вид наплечной одежды, который, если мы правильно прочли памятник, следует отнести к типу одежды из шкуры крупного парнокопытного животного в качестве его завершающего варианта. Мы говорим о кафтане, изображенном на фигуре вольноотпущенника Филофема, стела которого датирована 440 г. боспорской эры или 143 г. н. э.⁵⁴ Голова и фигура Филофема поставлены в три четверти поворота к зрителю, а ноги — вполоборота. Рельеф в нижней части по диагонали расколот, поэтому не вполне ясны тип обуви и ее украшения, а также одежда слуги. Костюм, изображенный на Филофеме, состоит из кафтана, ноговиц, обуви, плаща и головного убора. Кафтан с длинными рукавами, от кисти до локтя покрытыми налокотником, верхний край которого несколько выступает над локтем и украшен пластиной. Сделан кафтан из плотного материала, как мы думаем, из шкуры парнокопытного (?), повернутой мехом внутрь. Перед кафтана закрыт нагрудником, который, по-видимому, наглухо прикреплен (пришит) к кафтану. Подол нагрудника образует выступающий угол. Так же заканчивается, очевидно, и задняя часть подола кафтана, поэтому над бедром (нам видна правая половина фигуры) образуется отверстие, в которое виден верхний край ноговицы, пристегнутый на пуговку (?). Выступающие края подола окаймлены бахромой (мех?). На боковой части подола нагрудника вырезана двойная петля в виде восьмерки с пуговками в середине, которая, возможно, имеет отношение к креплению ноговиц (?). Нагрудник украшен на груди крупной колесообразной фигурой, а ниже пояса — узором из поставленных друг на друга треугольников. На ногах сапоги, охваченные у лодыжки вязкой, с голенищем до середины голени, и высокие ноговицы. На плечи Филофема накинут плащ из толстого материала. Плащ скреплен на правом плече и спускается сзади до бедер. На голове — корытообразный головной убор, напоминающий капюшон, от которого сохранилась только верхняя половина (до ушей). Такой же головной убор изображен и на слуге (оруженосце?), сравнительно крупная фигура которого помещена слева за колонкой, на которую облокотился Филофем.⁵⁵ На слуге кафтан, ниже подола видны пластины панциря.

Отдельные представители племени — носители глухой одежды, очевидно, давно проникли в

Пантикапей и были эллинизированы. В своем обрядовом костюме, однако, они сохраняли традиционный племенной покрой наплечной одежды.

Рис.2. Юноша изображенный на керченском расписном саркофаге.

Пример глухой одежды встречается на Боспоре еще на одной из фресок саркофага I в. н. э. (Керчь),⁵⁶ расписанного внутри под склеп. На фреске изображен юноша, опирающийся на невысокую колонку. Невдалеке от него нарисована лошадь, слева — горит скифского типа с луком и стрелами, подвешенный на двойном ремне. Юноша был художником, но в случае необходимости становился воином. Его костюм состоит из рубахи, безрукавки, плаща, покрытых поперечными складками длинных узких штанов и обуви (рис. 2). Покрой безрукавки напоминает крой глухих кафтанов из шкуры с пришитым нагрудником, имеющим на подоле спереди и сзади выступы, которые в нашем случае увеличены и имеют трапециевидную форму. Эта форма выступов (мысов кафтана из шкур парнокопытных) заставляет нас предположить, что на фреске изображен панцирь, возникновение которого, по нашему мнению, неразрывно связано с глухой одеждой описанной выше формы. Каков бы ни был в те времена климат Северного Причерноморья, ни в Предкавказье, ни в Крыму, ни тем более в западной части Черноморского побережья и на Балканах не был нужен кафтан с пришитым нагрудником, однако глухая одежда из толстой и прочной шкуры (лошади, быка, вола) могла оказаться неплохим панцирем, удобным благодаря своему крою также и при верховой езде. Крой этой глухой одежды усовершенствовали, расширив и удлив передний и задний мысы подола и создав, таким образом, броню для бедер и ног. Страбон, живший на рубеже первых веков до нашей эры, оставил интересное описание вооружения племени роксоланов, как нам кажется, подтверждающее наше представление. «Они, — писал географ, — носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи и сплетенные из прутьев щиты, а наступательным оружием им служат копья, лук и меч».⁵⁷ В начале новой эры роксоланы были вытеснены, как полагают, аланами, на запад от Днестра, и в середине I в. н. э. вступили в соприкосновение с римлянами.⁵⁸

На триумфальной колонне побед имп. Трояна в Добрудже над соединенными силами восставших варваров среди изображений поверженных врагов Рима встречаются мужские фигуры в длиннорукавной опоясанной одежде. Подол этой одежды образует два прямоугольника, в боковые

отверстия между ними видна верхняя часть длинных штанов, на одной фигуре покрытых многочисленными мелкими складками,⁵⁹ на других складок меньше и они крупнее.⁶⁰ На головах части фигур изображен глубоко сидящий конический шлем из кожи(?).

Возможно, здесь изображены представители сарматского племени роксолан в панцирях из сырой воловьей кожи, напоминающих глухую одежду из шкуры парнокопытного животного. Как бы то ни было, но в те времена на территории Причерноморья сложились все условия для того, чтобы кафтан с расхлывшимися полами был изобретен. Там существовали многочисленные стада благородных оленей (местами сохранившиеся и до наших дней), о чем свидетельствуют описания древних авторов, топонимика, остеологический и, наконец, археологический материал — во время раскопок найдено множество изображений оленя. Писатель римского времени Гай Юлий Солин в «Сборнике достопримечательностей» сообщал об огромном количестве оленей, которые тогда водились в Скифии.⁶¹ Река Березань в то время носила название Оленной — *Ἰασηνίς* (буквальный перевод В. И. Абаева: «Там, где находят оленей»)⁶² В. И. Цалкин, проводивший изучение костных остатков домашних и диких животных, обитавших в период железного века на территории Восточной Европы, на основании большого количества костных остатков благородного оленя, найденных во время раскопок в Северном Причерноморье, делает вывод о его широком распространении и важном промысловом значении для обитавших там племен.⁶³

Но раз были олени, должны были быть и охотники на оленей, а может быть, и оленеводы. Юлий Солин в том же сборнике сообщает о существовании холощенных оленей: «У холощенных самцов рога никогда не растут, но и не опадают».⁶⁴ В письме к Василию Великому Юлиан Отступник упоминает на Дунае племя *Еауи-йаред*. Абаев расшифровывает этот термин, сравнивая его со староосетинским, в котором *за̄-с!аг* означает «имеющие оленей».⁶⁵

Была и одежда из оленьей шкуры. Вергилий Маррон в «Георги-ках» красочно описывает охоту на оленей «свободного племени, которое под гиперборейской медведицей поражается дуновением рифейского Евра и покрывается щетинистыми рыжими шкурами животных».⁶⁶ Автор эпохи позднего эллинизма Гезихий из Александрии на основании более ранних источников приводит в своем словаре название животного, из шкуры которого «скифы» делали одежду: «. . . таранд, похожее на оленя животное, шкуры которого скифы употребляют на одежду».⁶⁷ Далее он дает также термин для одежды, бытовавшей на территории Скифии, переводя его «скифская одежда».⁶⁸ Абаев, исходя из данных староосетинского языка (дигорского, более архаичного диалекта), считает, что *зак-̄шип-с!ак* обозначает не скифскую одежду, а одежду из оленьей шкуры, где *ёак* обозначает шкуру.⁶⁹ Анализируя термин, Абаев показывает его бытование и перевоплощения в течение почти двух тысячелетий: *^захотдахт* 'скифская одежда' (Гезихий); осет. *зак-^ип-йак*: «одежда» — *1ак* (ёак), «из оленьей» — *зак*, «шкуры» (или шерсти?) — *̄шип*. Первоначально термин *йак* или *1ак* значил «одежда» и входил в состав названия одежды из оленьей шкуры, в дальнейшем из оленьей (?) шерсти (так как *̄шип* стало обозначать уже в новых условиях не шкуру, а шерсть).⁷⁰ Наконец, при появлении ткацкого станка *1ак* в осетинском языке начинает обозначать нить, из которой (в домашних условиях) ткался материал для одежды, и входит в состав названия материй, сотканных из нитей на ткацком станке (из конопляных нитей — *кае1*- (из *каегйа̄* 'холст' от *капа* — 'конопля'), из шелковых — *гае1*-

Таким образом, данные дигорского диалекта осетинского языка свидетельствуют о том, что у ираноязычных предков осетин бытовала наплечная одежда из оленьей шкуры, внешний облик которой (=покрой) длительное время определялся конфигурацией шкуры. По-видимому, такая же или близкая по типу наплечная одежда существовала и у иноязычных обитателей Северного Причерноморья, но лингвистические данные, которые подтвердили бы это, нами пока не обнаружены.

Итак, лингвистика, литературные сообщения и изображения одежды на фигурах надгробных рельефов Пантикапея свидетельствуют о бытовании на северном берегу Черного моря в древности наплечной одежды из шкуры парнокопытного (оленя, лося, козы, жеребенка?), а поздние этнографические параллели к этой одежде уточняют не только ее внешний облик, но и конструкцию (покрой).

Поясной одеждой, дополняющей костюм коренных обитателей этих мест, служили, очевидно, ноговицы с вертикальными швами, т. е. сшитые из шкурок, снятых с ног оленя, которых нужно было взять несколько, чтобы сделать одну ноговицу. В Северном Причерноморье изображения таких ноговиц часто встречаются на фигурах торевтики скифского времени. Совсем недавно они еще бытовали у северян.

Как мы уже говорили, такая одежда могла появиться на побережье Черного моря самостоятельно, так как тип ее вначале определялся формой самой шкуры, а возникновение — уровнем развития производительных сил, объектом охоты и климатическими условиями. Можно также предположить, что именно одежда самодийского облика была аборигенной, известной в этих местах еще в киммерийскую эпоху, в то время как близкие по типу и принципу изготовления кафтаны с расходящимися полами и нагрудником, без нагрудника и с пришитым нагрудником могли быть принесены сюда разными хронологически волнами кочевников. Эта мысль, как мы полагаем, подтверждается и небольшим числом памятников, на которых мужские фигуры показаны в кафтанах с

косыми полами, и поздним временем их появления на боспорских рельефах — не ранее I в. н. э., а также отсутствием такой одежды на фигурах милетских колонистов, в состав ритуального костюма которых вошел кафтан самодийского облика, а не кафтан с косыми полами. Возможно, не все таежные охотники Прибайкалья—Приангарья мигрировали на север и северо-восток (на Аляску, в Гренландию и Канаду). Какая-то часть из них могла, выйдя на плоскогорье, постепенно превратиться в скотоводов и в поисках пастбищ и водоемов несколькими разновременными волнами направиться на запад, юго-запад и юг и в составе племен скифо-сарматского круга дойти до побережья Черного моря.

Выше уже говорилось о том, что, кроме тунгусов, у ряда других народов азиатского материка Василевич обнаружила следы бытования одежды из шкуры парнокопытного, сохранявшиеся частично или полностью вплоть до XX в. в ритуальной одежде. (У европейских народов не сохранилось даже воспоминаний об одежде такого типа).⁷² Василевич, как известно, считала распространение кафтана тунгусского вида результатом влияния предков тунгусо-язычных народов, в состав которых входили племена, обладавшие своими особыми локальными вариантами культуры.⁷³ Однако такая наплечная одежда могла возникнуть и независимо от предков тунгусов. Возникнуть, развиваться и под влиянием контактов с народами более высокой культуры либо в результате развития производительных сил исчезнуть или частично сохраниться в одежде обрядовой. Собственно, только благодаря почти полной изоляции, отсутствию таких контактов и неблагоприятной среде, их окружавшей, тунгусы тысячелетиями сохраняли тип одежды, ставший в конце концов отличительным признаком их материальной культуры, в то время как у других народов он исчез уже в глубокой древности. В связи с этим возникает предположение о том, что культуры малых народов Севера являются осколками культур, когда-то господствовавших на обширных территориях.

Глава 2 ОДЕЖДА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ (V—III вв. до н. э.)

Одежда негреческого населения Северного Кавказа (как и Крыма) античного времени фактически не изучена. Связано это, по-видимому, с тем, что располагаем мы довольно скромными и не всегда достаточно четкими материалами. Естественно, в погребениях такого отдаленного от нас времени одежда не сохранилась. Небольшие остатки материалов, из которых она была изготовлена, найденные во время раскопок, ничего или почти ничего не говорят нам ни о покрое платья, ни о его внешнем виде. В дошедших до наших дней описаниях древних авторов об одежде говорится также очень мало. Иногда упоминается материал, иногда — тип платья (хитон, штаны, головной убор и т. п.), но ничего не сообщается ни о покрое одежды, ни о тех особенностях, по которым различались между собой костюмы различных племен Северного Причерноморья.

Более надежным источником для изучения одежды того времени являются ее изображения, сохранившиеся на памятниках материальной культуры: надгробных памятниках, оставленных местными племенами, а также греко-варварским населением Бос-порского царства, одежда которого сочетала греческие и туземные элементы; терракотовых статуэтках, изображающих людей в варварских одедах; на произведениях торевтики, найденных в погребениях родовой знати VI—III вв. до н. э.

Надгробные памятники, оставленные местным населением, немногочисленны и разбросаны на обширной территории от Дуная до Дона и горных ущелий Северного Кавказа. Хронологически они датируются скифским временем — IV—III вв. до н. э.² Шульц разделил все «скифские» изваяния территориально на семь групп: придунайскую, буго-днепровскую, крымскую, донецкую, донскую, прикубанскую и северокавказскую — и указал на локальные различия, возникшие уже в архаический период.³ Наиболее древняя часть памятников — антропоморфные менгирообразные, часто фаллические стелы в форме каменных плит с закругленными гранями, на которых рельефно или резьбой показаны контуры лица, рук, одежды, оружия, ритона. Они изображают воина-родоначальника.⁴ Все подобные изваяния победренные.

Судя по этим изображениям, племена, обитавшие в Северном Причерноморье (или некоторые из них), носили рукавную, прикрывающую бедра одежду, опоясанную по талии. Пояс в одних случаях показан узким и гладким,⁵ в других — широким с поперечными черточками, изображавшими, очевидно, металлические пластины, которые часто находят в погребениях того времени.⁶ К поясу спереди на лопасти подвешивался акинак, слева — горит, справа — секира. Как правило, в правой руке изваяния показан ритон, иногда плеть. На том месте, где полагалось бы быть шее, часто бывает изображена массивная витая гривна.

Необходимо обратить внимание на одну черту, общую для большинства известных нам архаических памятников. Почти на всех изваяниях воины показаны без бороды, но с длинными, свисающими к подбородку усами,⁷ иногда и без них.⁸ Неизвестна нам и прическа ранних скифов, так как волосы на стелах тогда не изображались. Большой интерес поэтому приобретает находка в Чечено-Ингушетии

близ с. Мескеты изваяния, на обратной стороне которого под головой высечено изображение, имитирующее, как считают опубликовавшие его авторы, «. . . косу, сложенную в волнистую прическу».⁹ Заметим, что отсутствие бороды и заплетенные в косу волосы никак не вяжутся с нашими представлениями о скифах. А. А. Миллер рассматривал памятники, оставленные скифами, как результат взаимодействия местных традиций с пришлыми.¹⁰

От V в. до н. э. дошли до нас только единичные памятники, изображающие воинов. Сделаны они с большим мастерством и в некоторых случаях напоминают скульптуру: руки отделены от туловища, намечено изображение ног. Одежда также показана подробнее, с более тщательно проработанными деталями, поэтому локальные различия здесь проявляются резче.

В нашем распоряжении имеются три памятника, сохранившиеся от той поры: из Прикубанья, с северного побережья Азовского моря и из Западного Крыма. Они дают представление о трех разных типах плечевой одежды.

Стела из Прикубанья представляет собой скульптурно обработанную каменную плиту (руки отделены от туловища, изображены ноги, которые кончаются на уровне середины бедер). У изваяния отбиты голова, левое плечо и рука, местами повреждена поверхность. Воин изображен в рукавной одежде, поверх которой надет пластинчатый панцирь с оплечьем. Рельефно выбитые пластинки панциря поперечными рядами покрывают грудь фигуры от оплечья до пояса. От панциря оплечье отделено широкой выпуклой полосой, с которой соединяется такая же полоса, идущая от ворота вдоль плеча. В центре оплечья изображен олень с подогнутыми ногами, на сохранившемся правом плече — четыре грифона: два спереди и два на спине. Талия охвачена широким пластинчатым поясом, ниже которого по правому боку и отчасти сзади изображена «решетка из пересекающихся линий». А. А. Миллер, впервые опубликовавший изваяние, считает эту решетку изображением панциря. В руке воина — ритон, спереди у пояса — акинак, слева — горит с чашей, справа — плеть."

По-видимому, плечевой одеждой племени, оставившего прикубанскую стелу, была кожаная рубашка, сверху которой надевалось оплечье и нашивались пластинки брони — тип оборонительного вооружения, известный по находкам в курганах Прикубанья VI— V вв. до н. э. В погребениях пластинки из бронзы или железа, а иногда комбинированные из этих двух материалов прикреплены металлическими заклепками к остаткам меховой или кожаной одежды.¹² Б. Н. Граков считал такой одеждой рубашку, сплетенную из тонких ремешков. «Плотно налегая друг на друга, — писал он, — ряды чешуек были трудно проницаемы, но доспех был гибок благодаря подпушке из тонких ремней. . .»¹³ (и действительно, как один из вариантов плечевой одежды в Прикубанье существовала рубашка из ремней: на одной из фигурок борющихся с грифонами варваров золотого калафа из кургана Большая Близница (IV в. до н. э.) четко просматривается рукавная рубашка из ремней, украшенных линиями круглых бляшек (см. рис. 9)).¹⁴ Найдены в погребениях и вырезанные из золотых пластинок чеканные изображения зверей, в том числе лежащего оленя и грифонов.¹⁵

Пояс, показанный на полуфигуре воина, широкий и покрыт пластинами, последовательно накладываемыми одна на другую и слегка отогнутыми. А. П. Манцевич, специально занимавшаяся изучением боевых поясов скифского времени по остаткам их в погребениях и изображениям на произведениях торевтики и скульптуры того времени, пишет, что такой пояс состоял из трех слоев кожаного ремня, поперек которого, нашивались бронзовые или железные пластины, прямые или слегка изогнутые, «последние как на поясах из курганов Чертомлык, Солоха, Елизаветинская и на краснодарской стеле».¹⁶ В тех местах, где к поясу подвешивалось оружие, узкие пластины прерывались квадратной с отверстием в центре для продевания жгутообразного ремня. К концам поясного ремня прикреплялись полуовальные пластины с одним-двумя отверстиями посередине для ремней-вязок, стягивающих пояс на талии. С обратной стороны пояса подшивался второй ремень, скрывающий швы и неровности, а по краям бортик из узких ремешков, сложенных вдвое. Последней операцией было подшивание третьего ремня, уже окончательного, закрывающего все швы.¹⁷

Манцевич отметила широкое распространение остатков подобных поясов в Приднепровье в V—III вв. до н. э. и почти полное отсутствие их в Прикубанье.¹⁸

Следующий памятник был обнаружен на северном побережье Азовского моря среди камней, заполнявших могильную яму, и хранится ныне в Историко-краеведческом музее г. Мариуполя. Стела, сделанная из гранитной плиты, изображала воина. От изваяния сохранилась только нижняя половина, которая начинается непосредственно над поясом. На ней видны охваченная узким гладким поясом талия и чуть ниже бедер прямой край подола одежды. При помощи лопасти и дополнительного ремня к поясу слева прикреплен прямой акинак с брусковидным навершием, там же — горит больших размеров, справа — секира и плеть.¹⁹ Следовательно, для обитателей северного побережья Местиды плечевой одеждой служили кафтан или рубаха длиной немного ниже бедер, с прямым краем подола, перетянутая узким гладким ремнем. На изваянии из музея в Мариуполе не изображены полы кафтана, хотя такие детали, как пояс и оружие, обрисованы тщательно и искусно. Поэтому можно предполагать, что либо это был кафтан, но в соответствии с традициями еще архаических изваяний полы не изображены, либо это была рубаха с длинными рукавами или, как называли греки такой вид платья,

«хитон с рукавами». «Хитон, прикрывающий бедра», наблюдал Ксенофонт в горных областях Балканского п-ова у фракийского племени одриссов во время отступления десяти тысяч.²⁰

В районе ольвийского теменоса были найдены терракотовые статуэтки комических актеров V в. до н. э. (так называемые куклы с подвесными ногами), на которых изображена рукавная рубаха из толстого материала,²¹ по талии опоясанная, — «хитон с рукавами», по-видимому, из овчины; на Таманском п-ове — стела IV в. до н. э., представляющая собой полуфигуру воина в рукавной рубахе из тонкого материала.²² Очевидно, нераспашиная плечевая одежда была сравнительно широко распространена среди племен Северного Причерноморья, и мы вряд ли ошибемся, сочтя рубахой одежду, изображенную на стеле из краеведческого музея в Мариуполе.

Третья стела найдена на западном побережье Крыма. Несмотря на то что голова, правые плечо и рука, а также ноги отсутствуют и поверхность памятника выветрена, на изваянии виден рукавный опоясанный кафтан длиной по бедра с выступающими ниже линии подола концами пол и запахом справа налево. Оружие представлено массивным акинаком с валютообразным навершием и лопастью для прикрепления к поясу, горитом с выкружкой-чашей. В правой руке изваяния изображен традиционный ритон.²³ Следовательно, у насельников побережья Крыма, кочевавших по соседству с городом-полисом Киркинитидой, плечевой одеждой служил рукавный кафтан длиной по бедра, полы которого спереди были немного длиннее и образовывали небольшой выступ. Покрой этого кафтана несколько напоминает «скифские» кафтаны, изображенные на произведениях торевтики.

Даже на основании исследования таких скромных материалов, как изображение одежды на трех стелах V в. до н. э., можно говорить о разнообразии форм плечевой одежды, бытовавшей в то время в Северном Причерноморье.

Наши выводы подтверждаются сообщениями древних авторов (Геродот, Ксенофонт, Страбон), которые считали одежду одним из отличительных племенных признаков, так как при описании различных варварских племен всегда, если знали, отмечали и особенности их костюма, а если одежда была не самобытной — то откуда и почему произошло заимствование. Геродот, например, писал, что «персы больше всех склонны к заимствованию чужеземных обычаев. Они носят ведь даже индийскую одежду, считая ее красивее своей, а на войну надевают египетские доспехи».²⁴

Одежда как отличительный племенной признак подчеркнута Геродотом, и при передаче версии о происхождении савроматов: «. . скифы не могли объяснить себе случившегося, так как не знали ни их (амазонок. — Т. Р.) языка, ни одежды, ни народности. . .».²⁵ Очевидно, Геродот считал одежду таким же важным признаком для определения народности, как и язык. При описании скифских и нескифских племен, обитавших на территории Восточной Европы, Геродот иногда прибавлял: «одеваются, как скифы» или «носят одежду, похожую на скифскую», и в этих случаях оказывалась либо общность происхождения, либо сходные условия существования. Так, об аргиппеях, живших в предгорьях Урала, Геродот писал: «. . у подножия высоких гор обитают люди, как передают, все они, как мужчины, так и женщины, лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками. Говорят они на особом языке, одеваются по-скифски. . .».²⁶ Об андрофагах Геродот сообщил следующее: «Они являются кочевниками. Одежду носят подобную скифской, но имеют особый язык».²⁷ По сообщениям древних писателей, племена, обитавшие в Северном Причерноморье, изготавливали свои одежды из шкур и кожи диких и домашних животных, а автор I в. н. э. Юлий Полидевк в «Словаре», составленном на основании более ранних источников, сообщает название скифской кожаной меховой одежды: «. . были и кожаные одежды. . . сисирна — кожаный хитон, волосатый, с рукавами».²⁸ Только фракийцы (которые, очевидно, жили там же, иначе бессмысленно было бы о них упоминать), по словам Геродота, одни из всех племен изготавливали свои одежды из пенькового полотна, так как конопля в диком и культурном виде в Скифии произрастала в изобилии.

Существовала одежда и из шерстяной ткани. «Племена, обитавшие на Каспийском побережье Кавказа, рисовали на своих одеждах (буквально шерсти) узоры красками, полученными из листьев растущих там деревьев, и эти узоры не смывались, а старились вместе с шерстью, как бы вотканые с самого начала».³⁰

Кафтаны опоясывались. Кожаные пояса с металлическими, поставленными ребром пластинами были и в то время широко распространены среди различных варварских племен Причерноморья.

Поясной одеждой мужчин являлись штаны. Иппократ считал штаны, которые скифы носили постоянно, одной из причин появления в их среде энареев.³¹ Штаны были двух типов: несшитые, которые представляли собой две длинные ноговицы, прикрепляющиеся к поясу вязками, и сшитые. Овидий Назон (43 г. до н. э.— 18 г. н. э.), сосланный имп. Августом в устье Дуная на о-в Томи, писал о том, что его жители защищаются от жестоких холодов звериными шкурами и сшитыми штанами.³²

Головными уборами саков, по сведениям Геродота, были шапки из твердого войлока, стоящие прямо, — кирбасии.³³ В окрестностях Ольвии была найдена головка от терракотовой статуэтки рыжеволосого варвара в высоком войлочном головном уборе (Иппократ писал о том, что все скифское племя рыжее).³⁴

Обувью скифам служили сапожки, которые греки называли «скификами». Эти сапожки, судя по

высказываниям древних авторов (а также по изображениям), подвизывались.

До нас не дошло сведений, различалась ли одежда по сезонам. Только говоря о царских скифах, Иппократ отмечает, что они «носят одну и ту же одежду летом и зимой».³⁵

Были ли у скифов плащи, столь характерные для многих племен этого периода, неизвестно. Ни Геродот, оставивший классическое описание Скифии, ни другие авторы V—IV вв. до н. э. ничего об этом не сообщают; на произведениях торевтики IV—III вв. до н. э. плащи также не изображаются. Геродот описывает только экзотические скифские плащи из скальпов убитых врагов, которые скифы шивали «наподобие козых шкур».³⁶ По-видимому, у части племен, населявших Скифию, были плащи из шкур животных и войлока. На одной из терракот изображен сидящий варвар в войлочном головном уборе и мохнатом войлочном плаще.³⁷ О бытовании в это время мохнатой ткани черного цвета рассказывает Геродот, сообщая о «не скифском» племени ме-ланхленов, которое получило такое название по цвету плащей.³⁸ Термин *хлена* уже во времена Гомера обозначал мохнатую ткань, плащ. Позже термин также не изменил своего значения, хленой называет мохнатую ткань и Страбон, автор I в. н. э.

Однако поздняя эллинистическая традиция приписывала скифам плащи в качестве одной из основных частей одежды. Туллий Цицерон в своей книге приводит якобы текст письма Анахарсиса Аннону, в котором Анахарсис сообщает, что «. . .одеянием ему служит плащ, обувью — кожа подошв, ложем — земля. . .».³⁹ Однако при отсутствии плащей обычного для античного времени типа, т. е. изготовленных из куска так или иначе оформленной несшитой ткани, существовали плащи-халаты с очень длинными ложными рукавами, носившиеся внакидку. Такие плащи в основном изображались в ритуальных сценах на женских фигурах золотых бляшек из курганов IV—III вв. до н. э. Куль-Оба, Карагодеуаш, Черто-млык и Верхний Рогачек и для этого времени имели уже, возможно, только обрядовое значение. Распашную плечевую одежду (кафтаны, тулупы, шубы) некоторые племена обшивали мехом. Геродот писал о том, что в стране будинов есть большое озеро, в котором водятся «. . .выдры, бобры и другие животные с четырехугольными мордами; их мех употребляется на опушку кафтанов».⁴⁰ Иллюстрацией к словам Геродота служит изваяние IV в. до н. э., найденное у с. Ольховчик Донецкой обл. на северной стороне Азовского моря, а также изображения кафтанов на произведениях торевтики из упомянутых курганов IV—III вв. до н. э.

Памятник почти кубической формы представляет собой фигуру, в руках которой вместо ритона новый символ власти — плеть. Детали одежды и вооружения тщательно исполнены. Воин одет в длиннополый опоясанный тулуп с широкой опушкой по бортам и длинными рукавами. Широкий пояс проходит под опушкой.

Поверх тулука изображено оплечье с нагрудными накладками. На шее — массивная витая гривна, на голове — аттический шлем. Спереди к поясу подвешен суживающийся к концу акинак с оваловидным навершием.⁴¹ По форме шлема и акинака изваяние датировано 1-й половиной IV в. до н. э. Шульц относит его к периоду поздних скифов, «ко времени сложения скифской государственности и создания больших скифских курганов».⁴²

Мы со своей стороны считаем это изваяние самобытным вариантом развития местной скульптуры, а одежду, изображенную на нем, одним из типов плечевой одежды, бытовавшей, по-видимому, еще во времена архаических изваяний. Не случайно этот памятник найден на территории племен, занимающихся кочевым скотоводством, отдаленной от торжищ Северного Причерноморья. Древние донесли до нас известия о стремлении варваров сохранить в неприкосновенности свою культуру (религию, одежду). «Скифы, как и другие народы, упорно избегают чужеземных обычаев, — писал Геродот, — притом они сторонятся не только обычаев прочих народов, но особенно эллинских. Это ясно показала судьба Анахарсиса и потом Скила».⁴³

Племенам, вступившим в непосредственные контакты с греческими колониями и городами Боспорского царства, не удалось избежать влияния античной культуры. Значительно дольше сохраняли свою самобытность варвары, кочевавшие в южнорусских степях, несмотря на то что и они постепенно восприняли у колонистов многие черты их культуры, и в первую очередь оборонительное и наступательное вооружение.

О бытовании у скифов одежды типа тулука или шубы сообщали и античные авторы. Так, Платон писал: «. . .скиф вряд ли предпочтет иметь прекраснейший дом, чем кожаный тулуп, ибо последний ему полезен, а первый бесполезен».⁴⁴ Кроме длинного тулука у местных племен бытовали короткие кафтаны, изображения которых встречаются на произведениях торевтики, терракотах и надгробных рельефах. Вокруг ворота и вдоль пол эти кафтаны обшивались мехом, а на некоторых бывают показаны и небольшие меховые воротники треугольной формы. Кафтан дополнялся поясной одеждой, поясом, обувью, оружием, а иногда и головным убором.

На скульптурных фризах, украшающих бытовые предметы, на золотых бляшках, покрывавших одежду, изображены военные и мифологические сцены из жизни местных племен, одежда и вооружение которых переданы в мельчайших подробностях. Такие вещи находили и продолжают находить в курганных погребениях племенной аристократии IV—III вв. до н. э. на широкой территории от

Прикубанья и Крыма до Воронежской обл., Урала и Сибири.

На территории Керченского п-ова и Северо-Западного Кавказа, в курганах Куль-Оба, Большая Близница, Карагодеуашх и у дер. Мерджаны, найдены произведения торовтики с интересующей нас тематикой. На каждом из них костюм, вооружение и прическа, изображенные на человеческих фигурах, обладают какими-то только им присущими особенностями.

В кургане Куль-Оба на Керченском п-ове найдены шаровидный золотой кубок (ваза) со сценами из жизни местных племен; золотая витая гривна с протомами конных скифов на концах; многочисленные нашивные бляшки из золота, изображающие сцену братания, фигуры стоящего и конных скифов; бляшки, на которых изображена сидящая в кресле женская фигура в ми-дийском плаще и стоящий перед ней и пьющий из ритона молодой варвар.⁴⁵

На золотом кубке из кургана Куль-Оба показано семь мужских фигур, которые для удобства описания мы разбили на группы с условными названиями: «военный совет» (рис. 3, а), «лечение зубов» (рис. 3, б), «бинтование ноги» и «стрелок из лука».

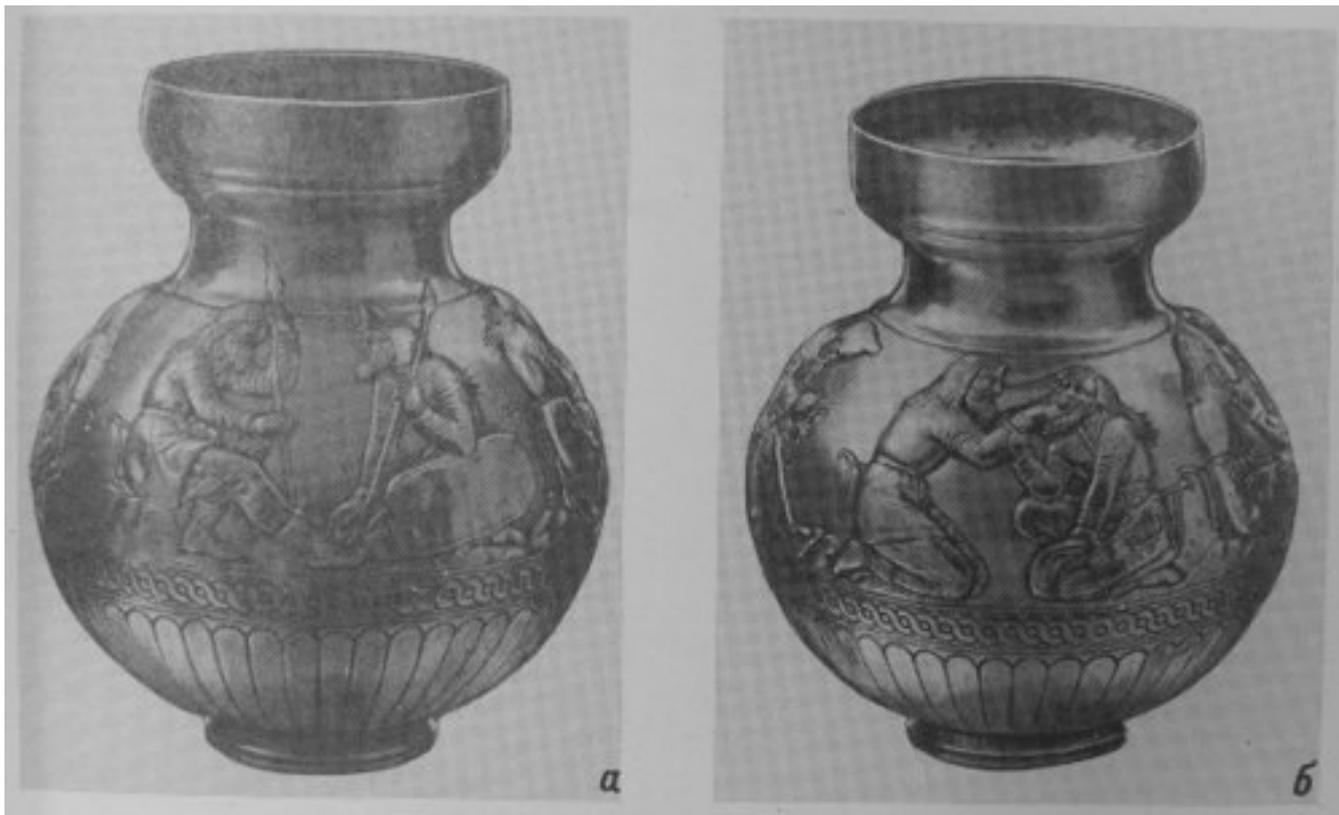

Рис. 3. Типы одежды и вооружения скифов, изображенных на золотом кубке (курган Куль-Оба).

а - сцена «военный совет»; б - сцена «лечение зубов».

На мужских фигурах куль-обской вазы и почти на всех штампованных бляшках с изображениями людей показана очень близкая по крою одежда. Плечевая одежда — кафтаны, как правило, короткие, длиной до середины бедер или закрывают бедра целиком, изготовлены из овечьей шкуры, положенной шерстью вниз и предварительно выкроенной.

Каждый кафтан состоит из двух пол, спинки и рукавов. Спинка бывает цельной, иногда сшивной—из двух половин. Вертикальный шов в этом случае проходит посередине спины. Боковые швы, соединяющие передок и спинку, располагаются либо под рукавами — от нижнего угла проймы до обшивки подола, либо заходят на спину. В некоторых случаях срединный шов на спине был покрыт ремнем или кожаной полосой (фигуры «лекаря» на куль-обской вазе и «охотника» на золотой бляшке). Плечевые швы проходят от края ворота до рукава. Все это говорит о том, что все части кафтана выкраивались из одной или двух шкур и использовались не традиционно, а в зависимости от размера шкуры и умения мастера. Все кафтаны по краю подола обшивались кантом. На пекторали видно (рис. 4), что такой кант бывает снабжен металлическими пластинами. Вероятно, он имел и оборонительное значение. Запах пол неглубокий, так как на некоторых фигурах они легко расходятся. Край подола бывает прямым, коротким, изредка с разрезом, но чаще концы пол выступают углом ниже подола; в других случаях они свисают, так как плохо закреплены вязками или поясом, и возникает ощущение, будто они также длиннее края подола. В отдельных случаях полы имеют резко удлиненную форму.

Ворот и борта обшивались мехом, хотя, возможно, иногда полоса меха не пришивалась, а просто накладывалась сверху и закреплялась у талии туго надетым поясом, причем концы ее из-под пояса выступали.

Рукава показаны в нескольких вариантах. 1. Прямые неширокие, гладкие — на фигурах гривны. 2. Узкие, облегающие, на которых складки равномерно распределялись вдоль руки или образовывались только на верхней части рукава и над кистью — на фигурах куль-обской вазы. Край рукавов обшит широким кантом или выделен декоративным швом, при этом образуется подобие манжета. 3. Рукава прямые, облегающие, но не сшитые от проймы до локтя (стрелки из лука), отметим как один из вариантов, возникший при попытке освободить руки воина от стесняющих движения рукавов (при прямом узком рукаве и отсутствии выкроенной проймы).

На фигурах золотой бляшки со сценой братания изображены своеобразные костюмы. Материал, из которого они сделаны, производит впечатление очень плотного, прочного. На правой фигуре показан короткий кафтан с резко удлиненными полами, которые вытянуты острыми углами и недалеко от нижнего конца соединены между собой вязкой. Кафтан с такими же длинными полами изображен и на прикубанской стеле, зарисовку которой опубликовал Н. П. Анфимов.⁸ Кафтаны с удлиненными полами показаны также на фигурах варваров, стреляющих из лука, на фигуре левого всадника гривны, на конном скифе с копьем в руке. Утрированно длинные полы играли, вне всякого сомнения, защитную роль.

Кафтаны, а иногда безрукавки с удлиненными полами своим покроем напоминают безрукавку парфян. Геродот писал о том, что, по его сведениям, парфы — это скифы, изгнанные из своего рода за совершенные ими проступки, и одежду они носят аналогичную скифской. У нас нет сравнительного материала для V—III вв. до н. э., но на бронзовой статуе вельможи парфянского времени из Шами (Тегеранский музей) изображена безрукавка, своим

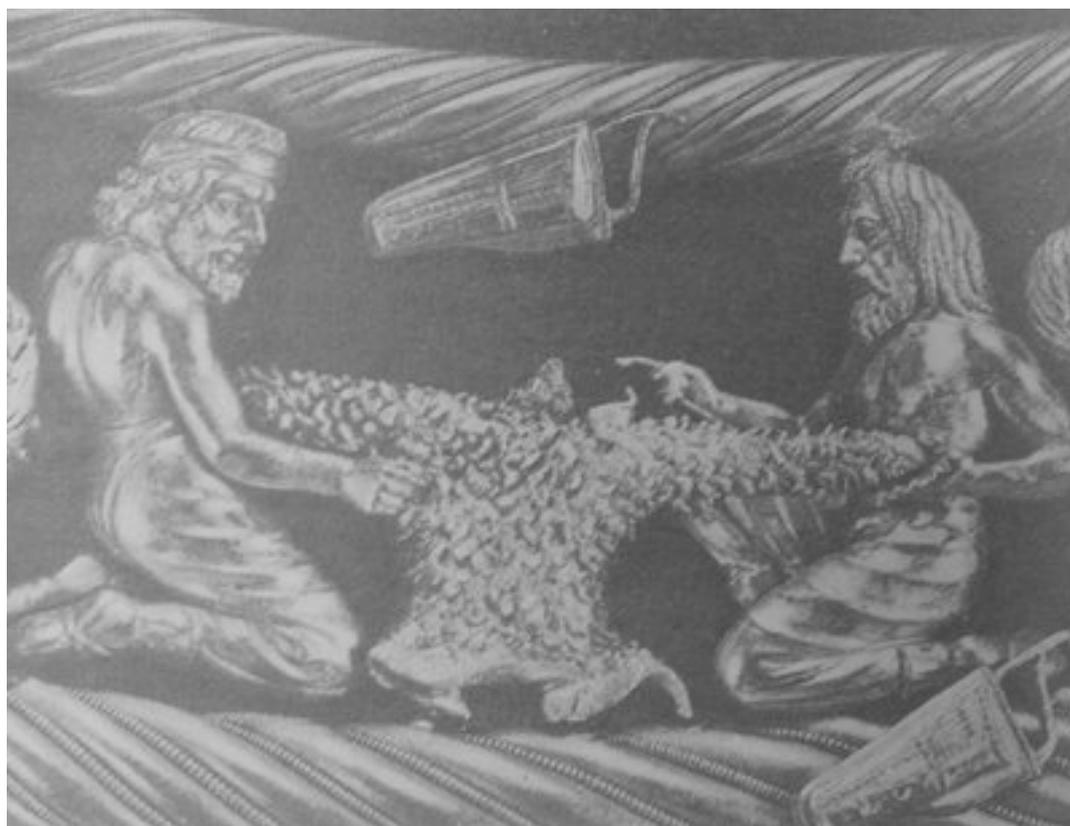

Рис. 4. Изготовление кафтана, показанное на пекторали (курган Толстая Могила).

покроем напоминающая «скифские» безрукавки (кафтаны) с удлиненными полами (например, безрукавку пехотинца на золотом гребне из кургана Солоха). На скульптуре из Тегеранского музея показана безрукавка с косыми полами, обнажающими почти всю грудь фигуры, но плотно запахнутая на подоле, причем правая пола у края подола углом глубоко заходит на левую, заложенную под правую таким же образом.⁴⁹ Вероятно, если ослабить туго завязанный пояс, то остроугольные края пол соскользнут вниз и образуют типичный подол с удлиненными полами (как, например, на бляшках «Сидящая женщина и пьющий из ритона юноша»).

На фигуре правого стрелка из лука и на фигурах конных варваров золотой гривны показан меховой воротник, углом спускающийся на спину, и нижняя одежда. Интересно отметить, что до недавнего времени у энцев — одного из малых народов нашего Крайнего Севера, на нижние, а значит и более

древние, женские кафтаны пришивался небольшой воротничок треугольной формы, собранный из нескольких полосок меха. При носке воротничок выправляли на верхнюю одежду «или же, что было больше распространено, воротник сшивали из нескольких полосок меха в форме угла, спускавшегося на спину одежды».⁵⁰

Заслуживает также внимания кафтан, изображенный на фигуре левого варвара сцены братания. Он длиннополый, с прямым срединным разрезом ворота. Примечательно, что пояс отсутствует. По сторонам талии спереди прикреплены две свисающие полосы, соединенные между собой на конце и образующие свободный полупояс, может быть, это вязки кафтана. Изображение такого кафтана нам встретилось впервые. Известно, что у племен, обитавших в скифское время в Северном Причерноморье, бытовали длинные тулупы или шубы. Однако перед нами не тулуп, сделанный из шкуры мехом внутрь, и не подбитая мехом шуба. Изображенный на левой фигуре кафтан изготовлен из плотного материала — войлока или толстого сукна и мехом украшен только снаружи. Вдоль полы кафтан обшит мехом с длинным ворсом, напоминающим мех козы. На ворот нашит мех другого вида. Говорит это не о бедности изображенного на бляшке варвара, а скорее о том, что мех мог играть роль оберега. Известно, что мех верблюда, выдры и лисы в Средней Азии (у узбеков Хорезма) играл роль оберега от духов и дурного глаза. Нечто подобное могло иметь место и в данном случае.

Кафтан на талии заужен и носился без пояса, что было абсолютно нехарактерно для обитателей Северного Причерноморья. Пояс не носили эллины. Для них он был синонимом варварства, а у варваров он был обязательным элементом одежды. Однако перед нами не эллин, надевший туземный костюм: иконография образа, прическа и остальные элементы костюма выдают в нем местного жителя, представителя иранского племени. Все кафтаны, кроме кафтана левого варвара, в сцене братания опоясаны. Пояса узкие, гладкие, иногда с рантом по краям, чаще с поперечными пластинами, иногда — с украшением из мелких круглых бляшек.

Интересно, что на всех пальцах левой руки правой фигуры по самой их середине изображены широкие массивные кольца, напоминающие кольца, надеваемые кочевниками средневековья для защиты руки при стрельбе из лука. По словам Платона, скифы в равной мере пользовались обеими руками как для натягивания лука, так и для накладки стрел, поэтому, очевидно, нужно было защищать в равной степени обе руки. Но тетива могла травмировать левую руку, в которой обычно держали лук, в любом случае. Как полагает К. Ф. Смирнов, для защиты руки на край рукавовшивались бронзовые пластины (например, у савроматов).⁵³ В скифских погребениях не найдено ни защитных колец, ни пластин. Не было до сих пор выявлено и их изображений на произведениях торевтики.⁵⁴

Рис. 5. Всадник в скифском костюме на детали золотой гривны (курган Куль-Оба).

Поясная одежда тоже трех типов: 1) штаны широкие, образующие на ногах складки (рис. 5), 2) узкие, из плотного материала, покрытые вертикальными полосами украшения, 3) узкие же с украшениями, расположенными по горизонтали.

Широкие штаны из тонкого материала украшены крестообразным узором из бляшек или вышивки, который равномерно распределяется по всей поверхности (не создавая отдельных полос). Эти штаны напоминают поясную одежду, изображенную на мужских фигурах золотой пекторали из кургана Толстая могила.

Изображение широких штанов часто встречается на рельефах и терракотах Персии, так как они были характерны для древних иранцев. По-видимому, о них писал Аристофан, говоря о персидских воителях, которых греки «... кололи, как тунцов, в мешки штанов».⁵⁵ У иранцев бытовали штаны «несшитые», они представляли собой две длинные и широкие ноговицы из тонкой материи, одевавшиеся по отдельности. Климатические условия юга России вызвали к жизни более теплую одежду — штаны сшитые, состоявшие из двух ноговиц и срединного клина (крой, очень четко видный на пекторали). Однако в различных вариантах штаны-ноговицы бытовали очень долго, а местами сохранились до конца XIX в. Так, например, в Азербайджане в Шеки еще в конце XIX в. существовала своеобразная женская поясная одежда *чохчур* — ноговицы с обувью.⁵⁶ У многих народов нашего Крайнего Севера длинные ноговицы с косо срезанным верхом были непременным дополнением к коротким штанам — натаз-никам и прикреплялись специальными ремешками к поясу поверх них.⁵⁷

Узкие ноговицы, покрытые горизонтальными полосами украшений, отделенными друг от друга поперечными декоративными швами, показаны на фигуре варвара с поврежденной ногой, изображенного на куль-обском кубке. По словам Овидия Назона не «сшитые» штаны были характерны для варваров Северного Причерноморья. Ясно видна снятая с больной ноги ноговица которая подложена под ступню сломанной ноги. Эти ноговицы по крою и стилю украшений связаны с изображенной поясной одеждой некоторых персонажей краснофигурных ваз, найденных в Керчи, на которых показаны различные мифологические сюжеты происходящие из Фракии и Фригии.⁵⁸ Со своей стороны Манцевич считает, что такие штаны это «... скорее всего ЯчЛакее **шнхЯоне** — т. е. пестрые мешки, о которых говорил Эврипид, описывая костюм Париса» (рис. б).⁵⁹

Рис. 6. Изображение охотника на золотой бляшке (курган Куль-Оба).

На большей части фигур ноговицы покрыты вертикальными полосами украшений. Изготавливались они, вероятно, из продольных полос кожи, сшивавшихся между собой, как это видно на ноговицах некоторых фигур варваров золотого калафа из кургана Большая Близница, где при сильном увеличении на фотографии просматриваются изображения линий косых стежков. Каждая полоса (передняя, задняя и две боковые) имеет свой особый тип украшения. Таким же способом украшена поясная одежда некоторых варваров куль-обской вазы. Возможно, что изображенные на этих фигурах ноговицы (или

штаны) сшивались из отдельных продольных полос кожи или шкуры мехом внутрь и соответственным образом украшались. Заметим, что у многих северных народов территории Сибири еще в XX в. ноговицы изготовлялись из отдельных полос камусов для зимы или ровдуги (замши) для лета.⁶⁰ Вероятно, впрочем, и другое: в нашем случае сохраняется только традиция украшения ноговиц по вертикали, создающая впечатление мнимых полос.

Ноговицы, покрытые поперечными полосами украшений, исходят из другой традиции, чем ноговицы, украшенные продольными полосами. И если последние связаны с узкими шкурами, снятыми с ноги животного (камусами), которых нужно было взять несколько для того, чтобы сделать ноговицу, то первые, как мы полагаем, связаны с ткачеством, а в архаический период, возможно, с обматыванием ног в целях защиты узкими полосами луба, ткани или материала, плетеного из растительных волокон. На вазе из Куль-Обы изображенная на мужских фигурах обувь различна. Она хорошо видна на фигурах военачальника, воина, натягивающего тетиву на лук, варвара, которому бинтуют ногу. Обувь представляет собой голенище высотой в $\frac{1}{3}$ голени, пришитое к выкроенной подошве. Правда, иногда создается впечатление, что подошва отсутствует, а мягкая обувь плотно облегает ступню. От края носка до конца голенища на сапожках заложена и закреплена или зашита глубокая долевая складка или проложен ремень, придающий им форму и увеличивающий прочность. В области лодыжки к складке прикреплен поперечный ремешок, закрепляющий сапог на ноге и так туго охватывающий ногу, что вокруг голени образуются складки. На подъеме — петля из поперечного ремешка, у некоторых фигур она прорезная. На фигуре военачальника с повязкой на голове сапожки того же типа (рис. 3, а), но, очевидно, с «носочком» (по терминологии Г. М. Василевич),⁶¹ На фигурах «стоматолога» и «страдающего зубной болью» такая же обувь без носочка (рис. 3, б), по-видимому, дополнительно по подъему охвачена наискосок еще двумя ремнями (типа чарыков?).

Обувь типа чарыков изображена также на фигурах сцены братания. На правой фигуре показана двойная обувь: внутренняя — носки или чувяки без подошвы и внешняя — сандалии-чарыки, длинный узкий ремешок которых оплетает ноги поверх штанов почти до колена (рис. 7). На ногах у левого варвара — разная обувь: на левую босую ногу надет чарык, на правую чарык надет поверх внутренней обуви типа носка (чувяк?).⁶²

На всадниках золотой гривны изображена обувь типа низких чувяк на толстой подошве, охваченная по бокам и подошве полукольцом. Наконец, интересны сапожки типа высоких чувяк, сшитые вдоль подъема через край, изображенные на фигуре левого стрелка из лука. А. С. Армагян экспериментально изготовил похожие сапожки, считая их этапом в развитии обуви.⁶³

Таким образом, кроме «скификов», которые «подвязывались», бытовали еще чарыки, чувяки низкие и примитивные высокие, сшитые через край из одного куска кожи каждый.

У всех фигур куль-обской вазы показаны борода, усы, почти одинаковая прическа на фигурах, изображенных без головного убора: длинные волосы, рассыпанные по плечам, падают на спину, а спереди надо лбом зачесаны вверх и завязаны, изредка закручены в валик.

В связи с этим небезынтересно вспомнить высказывания древних авторов, живших, правда, в период позднего эллинизма, но писавших о более ранних вещах и событиях. Один из них — знаменитый философ древности Люций Аннэй Сенека (I в. н. э.), писавший о прическе скифов и о царском скифском головном уборе: «Распустишь ли ты их [волосы] по обычаям парфян, или свяжешь по обычаям германцев, или рассыплешь по плечам, как это делают скифы. . .»⁶⁴ Действительно, мы видим у всех фигур, изображенных на вазе, волосы, рассыпанные по плечам или выбивающиеся из-под головного убора и падающие на спину. Эта прическа доминирует. Однако встречается и другая, говорящая, быть может, о другой этнической группе. У варваров, стреляющих из лука, волосы на затылке уложены в большой тяжелый узел, а на фигурах конных скифов на золотой гривне и на бляшке со сценой братания волосы надо лбом и по бокам ровно подстрижены, а сзади на затылке сколоты шпильками и углом падают на спину.

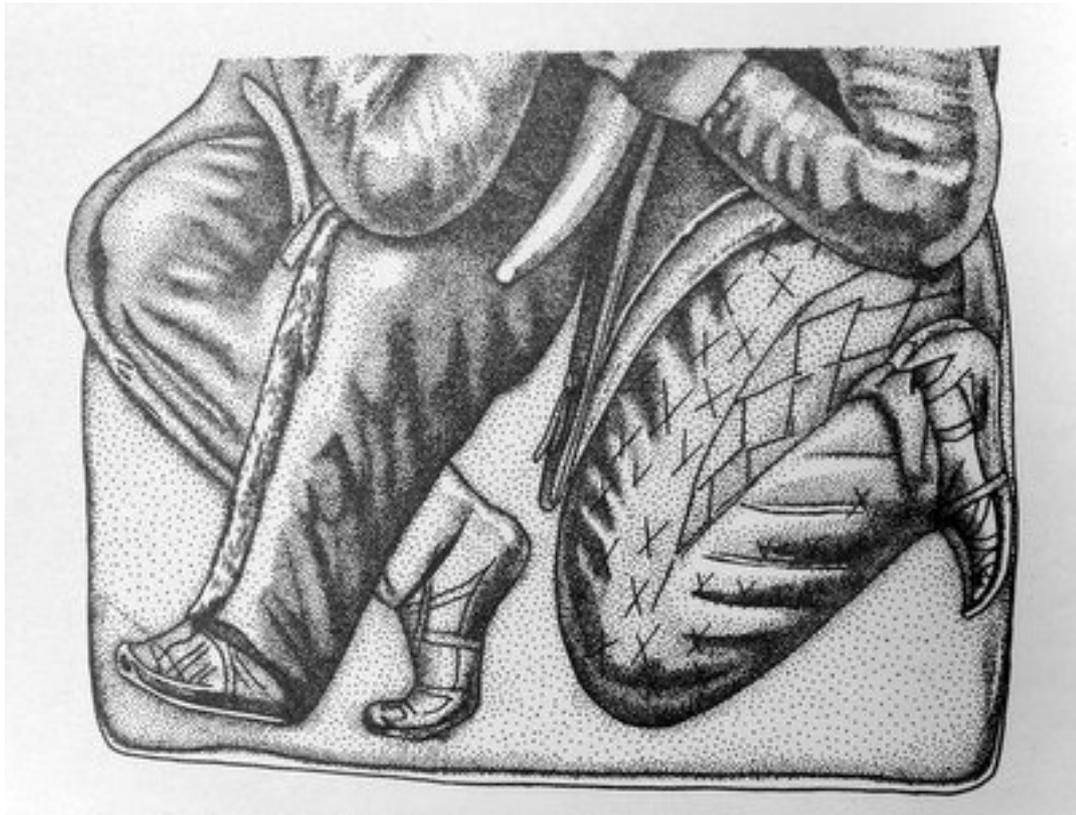

Рис. 7. Прорисовка нижней части одежды на бляшке «братание» (Куль-Оба)

На некоторых воинах куль-обской вазы изображен головной убор в форме прямостоящего, слегка изгибающегося наперед колпака с овально удлиненной вершиной. Колпак по краям украшен точками, которые изображали, вероятно, золотые нашивные бляшки, и декоративными швами (рис. 3, а). Обычно этот убор отождествляется с войлочным головным убором саков — кирба-сием.⁶⁵ Колпак напоминает башлык, сплошной нижний край которого защищает затылок, шею и боковые части головы; спереди могла быть застежка (вязка), такая изображена на фигуре воина-начальника с копьем и щитом. Этот колпак (кирбасий), без сомнения, играл роль шлема и мог изготавливаться из войлока или кожи. Шлем сшивался. Шов на головном уборе того же начальника изображен спереди и проходит перпендикулярно от вершины до основания колпака. Колпак на фигуре лекаря шит из двух частей, швы (вертикальные) показаны спереди и сзади. Такой головной убор изображен на трех воинах из семи, показанных на вазе. Три воина простоволосы; у одного вокруг головы повязана узкая, украшенная бляшками лента-повязка, напоминающая повязку воина золотой пекторали (рис. 4). «Видишь того скифского или сарматского царя, украшенного царским головным убором, — в другом месте спрашивает Сенека, — . . . развяжи эту повязку, под ней прячется много зла. . .»⁶⁶ Следовательно, скифские военные вожди — «цари» носили вокруг головы повязку как символ власти. На наших изображениях только-два воина носят такие повязки (ваза из Куль-Обы и золотая пектораль). В остальном их костюм ничем не отличается от одежды остальных воинов. Но почему же одни воины простоволосы, другие — в головных уборах? На этот вопрос нам дает ответ Лукиан Самосатский. В новелле «Скиф или гость» он описывает встречу приехавшего в Афины скифа Анахарсиса (которого эллины впоследствии причислили к мудрецам) со скифом Токсаридом, раньше Анахарсиса прибывшим в Грецию и уже вполне эллинизированным.

Лукиан пишет о Токсариде, что он происходил «. . . не из царского рода и не из „шляпоносцев“, а из толпы простых скифов, каковы у них так называемые „восьминогие“, т. е. владельцы пары быков и одной повозки».⁶⁷ Следовательно, можно предположить, что на вазе изображены представители всех слоев «скифского» населения: царского рода, «шляпоносцев» и «восьмино-гих».

С описанной выше плечевой одеждой в различных вариантах сочетаются упомянутые виды поясной одежды и обуви. Такое явление, по-видимому, можно объяснить пестротой племенного состава населения этого региона и происходящим там смешением различных этнических групп. Кроме поясной одежды разного кроя о бытовании в этом районе различных племенных образований свидетельствуют и разные виды орнамента, украшавшего плечевую и поясную одежду. На плечевой одежде чаще всего украшались плечи и стан вдоль пол. Геометрический и растительный орнаменты составлялись из крупных и мелких пластин или вышивки. Изредка геометрический узор был в виде кругов — крупных пластин, разбросанных по всей поверхности кафтана. На поясной одежде нам встречался только геометрический узор в виде креста и полукреста (вышивка?), крупных круглых пластин (?),

образующих горизонтальные ряды, и крупных и мелких круглых бляшек, украшавших ноговицы в вертикальном направлении.

В кургане Карагодеуашх (IV—III вв. до н. э.) в Прикубанье были раскопаны мужские и женские «царские погребения». ⁶⁸ В мужском для нас представляют интерес 2 золотых обруча, очевидно, остатки от украшения головного убора. Подобные обручи надевались на высокий край митры — царского головного убора индийских и персидских царей.

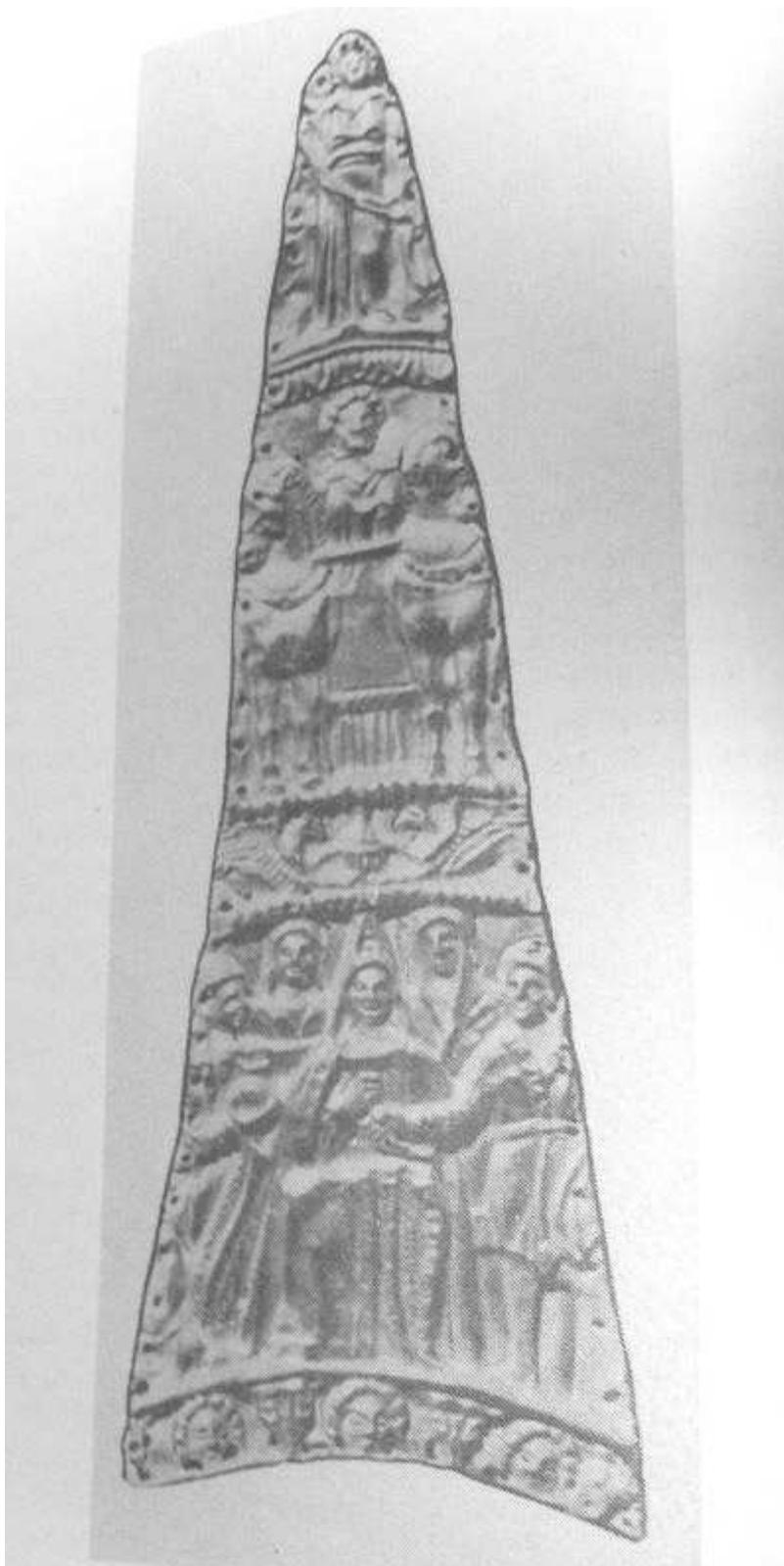

Рис. 8. Золотая пластинка с изображением погребального пира (курган Карагодеуашх).

В женском погребении была найдена золотая пластинка от высокого головного убора, на ней помещено три пояса изображений: на самом верху в центре женская фигура, которую исследователи интерпретируют как богиню судьбы, счастья (Тихе); ниже — возница, управляющий бигой, также в виде женской фигуры (Ника — Победа), а в самом низу изображена сцена приобщения к загробной

жизни или погребальный пир, пять участников которого представлены в местных одеждах (рис. 8).⁶⁹ Троекратное увеличение нижнего пояса изображений выявило на фотографии подробности, объясняющие особенности кроя одежды некоторых фигур и проливающие свет на мировоззрение народа, изготовившего эту пластинку.

Главной фигурой верхнего пояса изображений на пластинке является сидящая в центре женщина в высоком головном уборе, покрытом длинным покрывалом, спадающим вдоль спины до края подола и с левой стороны несколько прикрывающим верхнюю одежду. Плечевая одежда состоит из длинного, до пола, платья с длинными и широкими рукавами, закрепленными у кисти (видна правая рука) широким браслетом с расстегнутой застежкой в виде крючка на одной стороне и стерженька — на другой. Поверх платья на плечи накинут широкий (мидийский) длинный плащ-халат с ложными рукавами длиннее руки. Плащ почти целиком закрывает подол платья. Вдоль ворота и пол он обшит каймой, украшенной пуансонным узором в виде ритмично повторяющихся трех точек. Такой же узор на подоле и стане, а за ним, ближе к обшивающей полы кайме, нанесен узор, напоминающий «усики винограда», переходящие в розетку.

Головной убор в форме плоского чепца с прямой тульей ниже ушей и застежкой — узким стерженьком у нижнего правого края — сверху украшен округло-четырёхугольным базисом с овальным стержнем с цветком (?) посередине высоты (кораллы?). На него наброшено покрывало. Подбородок подвязан бинтом, отчетливо видимым с левой стороны лица. Один край бинта свернут и просунут между витком бинта и левой щекой, другой спускается на шею. В приоткрытом рту виднеется край монеты (?). Невольно бросается в глаза необычайная ширина шеи. При увеличении фотографии на шее слева просматривается морда оленя в профиль, за ней помещен ксанф с головы мужчины с черными волосами и черной бородкой. Перед складками рукава правой руки, в которой женщина держит сосуд, изображена голова молодой коровы с загнутым наперед рогом. На коленях женщины лежат две рыбы, правая с изогнутым хвостом, который заканчивается двумя птичьими (?) лапами.

По сторонам от женщины сидят двое юношей (?).⁷⁰ Направо, в кресле с гнутыми ножками, заложив ногу за ногу, сидит юноша (?), протягивающий женщине не ритон, как считали раньше, а фигурку морского конька. На голове у юноши показан облегающий головной убор с длинными и узкими боковыми сторонами (четко видна правая сторона), на темени и левой половине головного убора изображена фигура черепахи (?), схватившая непонятный предмет (створка раковины?), лежащий на темени.

Плечевая одежда — кафтан из тонкой ткани или кожи с рукавами по локоть (видна правая рука). Соединительный шов проходит вдоль плеча и посередине рукава. Очевидно, передние части рукава, плеча и стана выкроены целиком из одной точки. Интересна конструкция этой плечевой одежды: под рукавами и побокам она не сшита, подол не подрублен. Точка спускается овально-удлиненным концом до низа подола, образованного из ряда кусков ткани или кожи такой же формы, причем полы длиннее остальных частей подола и соединены между собой поперечной полосой, положенной по диагонали. Треугольный вырез ворота образован двумя косыми полками с запахом справа налево. Вокруг ворота и вдоль бортов наложена полоса, украшенная пуансонным точечным узором. Концы полосы спускаются ниже талии и закреплены туго надетым поясом. Пояс массивный, покрыт рядом пластин и сверху обшит тонким крученым ремешком с кольцом на конце. Ниже кольца к поясу подвешен ксанф, а справа — горит. Несшитые части одежды расходятся и обнажают нижнюю одежду с подолом такой же формы, изображенную более светлой. Поясная одежда — штаны (?), спереди с наголенником (?). Правая рука (левая не видна) от локтя до кисти покрыта ребристым защитным вооружением. Горит в форме двойной плоской коробки (большой и малой) с одной закругленной боковой стороной (другие прямые). На меньшей коробке — колчане — нанесен пуансонный точечный узор.

Юноша (?), сидящий слева, положил на плечо женщины (или на спинку кресла?) левую руку, а правой протягивает ей шаровидный сосуд с отогнутым венчиком. На нем изображена плечевая одежда в форме кафтана, украшенного вокруг ворота и вдоль бортов полосой с пуансонным узором из трех повторяющихся точек. Пояс закрыт протянутой рукой с сосудом, который он подает центральной женской фигуре. Рукава, возможно, такие же, как у фигуры юноши, сидящего справа; руки от локтя до кисти закрывает оборонительное приспособление, покрытое многочисленными поперечными ребрами. Юноша изображен сидящим в полу-фас, полы его кафтана расходятся и обнажают шаровары, охваченные вокруг лодыжки ножным браслетом и заправленные в обвязанный ремнями невысокий сапог на подошве. Вокруг обнаженной головы юноши последовательно завязаны три венчика-полосочки, возможно, из растительных волокон (трава?), одни концы которых заплетены в косичку и спускаются на левое плечо, а другие падают на лоб. На темени помещена фигурка утенка и голова утки (священной птицы индоевропейцев). Возможно, что три венчика должны были символизировать гнездо. Слева у пояса подвешен горит больших размеров с двойным футляром. Форма у горита овально-удлиненная, боковые стенки стянуты трнким ремешком, образующим узор из ромбов. В одно отделение («налучие») вставлен лук больших размеров, чем-то обмотанный край которого виднеется наверху. В другое — древко стрелы.

За сидящими фигурами помещены две стоящих — женская (справа) и мужская (слева). На женской показано длинное, до полу, платье (хитон?), на голову наброшено покрывало, края которого сходятся под подбородком, а сверху накинут плащ, застежки его видны на правом плече. На мужской фигуре верхняя одежда напоминает уже описанные кафтаны, но с большим треугольным вырезом ворота, в который виднеется нижняя одежда с запахом справа налево (возможно, это кусок ткани). На головном уборе фигуры на оборотной стороне показан козлиный рог.

Сцена, изображенная на этой пластине, без сомнения, ритуальная, поэтому и одежда, изображенная на фигурах, также должна быть ритуальной. Изображение плащей с рукавами длиннее руки, подобных показанному на центральной фигуре, изредка встречается в ритуальных сценах на женских фигурах золотых, нашивающихся на одежду бляшек (курганы Куль-Оба, Чертомлык, Верхний Рогачек). Можно считать, что в то время такой плащ был только женской одеждой и, как о том свидетельствует содержание изображенных на бляшках сюжетов, не бытовой, а обрядовой.

Плащ с очень длинными рукавами (которые часто бывали ложными) — *кандис* — считается индийской одеждой. Ксенофонт в «Киропедии» рассказывает о встрече Кира Младшего со своим дедом индийским царем Астиагом, который был одет в пурпурные хитоны, кандии и т. д. (IV в. до н. э.). Затем такой плащ был воспринят персаии, считавшими индийскую одежду красивее своей. Ксенофонт в «Анабасисе» писал о кандисах персидской знати, которые делались из дорогой материи, а также о том, что персидские воины надевали плащи в рукава только во время инспекций. Юстин отмечал, что кандис носят парфяне.

В дальнейшем плащ с длинными ложными рукавами широко распространился. Даже в погребениях горного Алтая в слое вечной мерзлоты была найдена мужская и женская одежда типа кандиса. Характерна в этом плане одежда, обнаруженная в курганных погребениях Катанды. Катандинский халат — это длинная одежда с длинными ложными рукавами на собольей меху с верхом из иозаичного узора из меха горноста и многочисленными деревянными декоративными, крытыми золотом пластинами и пуговицами.⁷¹ Появился кандис и в Предкавказье, и на Восточно-Европейской равнине. Возможно, вернувшиеся из Малой Азии скифы или выведенные ими из Мидии савроматы принесли этот тип одежды в Предкавказье, где со временем он превратился в женскую обрядовую одежду.⁷²

Но возможно и другое. Кандис распространился так широко потому, что он возник стадильно из одежды-шкур, когда с ног животного шкуры снимались чулком, но из-за узости не могли служить рукавами. Постепенно такой кафтан стали изготавливать из предварительно раскроенного материала, а рукава уже по традиции продолжали делать длинными и узкими — ложными.

На фигурах юношей (а по нашему мнению, девушек или молодых женщин), сидящих по сторонам от женской фигуры, изображена однотипная плечевая одежда, но в то время как на фигуре, сидящей слева, кафтан оформлен как обычно, на сидящей справа шов на кафтане проходит только вдоль плеча и посередине рукава, по сторонам же он не сшит, подол не подрублен. Явление это связано с мировоззрением того времени, отголоски которого дошли до наших дней. Так, у узбеков Хорезма, например, «. . . когда на ребенка надевали первую рубашечку, подол ее ни в коем случае нельзя было подрубить. . . чтобы ребенок долго жил».⁷³ Узбечки Ташкента верили, что подшивание платья молодых женщин и малых детей до рождения следующего ребенка может привести к прекращению деторождения. У шугнанцев Памира невесте шьют пять-шесть платьев, подол которых не подшивается для того, чтобы она имела детей и удача не отвернулась от нее.⁷⁵ У узбеков и сейчас на покойника надевают саван с незашитыми боковыми сторонами⁷⁶ — по верованиям узбеков, душа умершего могла навещать родных, превратившись в птицу или какое-нибудь животное, но могла и перевоплотиться — войти в новорожденного. В прошлом в это верили многие народы мира. Так, африканские бамбарра считали, что душа умершего родственника вселяется в первого новорожденного, появившегося на свет в этой семье,⁷⁷ а индейцы таккули — что лекарь может непосредственно перенести душу умирающего обратно в семью и передать ее первому родившемуся там ребенку.⁷⁸ У узбеков в Хорезме не так давно существовала «ловля душ», когда во время похорон очень старого и многодетного человека женщины, не имеющие детей, старались избавиться от этого недостатка, для чего стремились перебежать дорогу похоронной процессии — «словить душу».⁷⁹ По-видимому, и в древности на умершего надевали плечевую одежду с незашитыми боковыми частями и неподрубленную, для того чтобы душа его могла возродиться к жизни.

Ритуальной одеждой также служил, очевидно, длинный плащ с капюшоном и застежками, изображенный на женщине, стоящей справа.

Наконец, нужно сказать несколько слов о ксанфах. До сих пор об изготовлении ксанфов на Черноморском побережье в древности ничего не было известно. По описаниям Геродота и других античных авторов, по тем крупницам седой старины, которые сохранил нартский эпос, известно, что скифы снимали скальпы с голов побежденных врагов, но о ксанфах никто никогда ничего не говорил. Разумеется, чисто теоретически можно было бы предположить, что они могли существовать, так как из черепов делали чаши, но такой вопрос даже не возникал. Изображение ксанфов на пластине свидетельствует о том, что в те далекие времена не только снимали скальпы, из которых шивали

экзотические плащи, но и изготовляли ксанфы, снимая кожу со всей поверхности головы.⁸⁰

Говоря о чеканных фигурах пластины из кургана Караго-деуашх, хочется прежде всего отметить совершенно не греческую манеру изображения. Мы не говорим о семантике пластины, которую нашли возможным связать с кавказским богатырским эпосом, сохраняющим необычайно архаичные слои.⁸¹

На Таманском п-ове в Большой Близнице — кургане IV в. до н. э. — в 1864 г. были раскопаны погребения трех жриц. В одном из погребений, получившем название «Склеп богини Деметры», среди прочих вещей найден золотой калаф — головной убор, надевавшийся жрицами при исполнении ритуальных плясок. Калаф представляет собой слегка расширяющуюся кверху корону (корзину) высотой 10, шириной 26 см. Он составлен из тридцати золотых пластинок на кожаной основе. Пластины по краям украшены чеканным узором (меандр, розетки, швы), а в центре — сценой змеборства: молодые варвары сражаются с семью грифонами. Каждая фигурка вырезана из золотой пластинки и золотыми штифтиками прикреплена к калафу.

Три варвара, стоя на коленях (одном или двух), сражаются с грифонами. Три других изображены во весь рост: один танцует и бьет в «щит-бубен»; второй занес над головой для удара клевец; третий бежит за убегающим от него грифоном, держа в правой руке перо, выдернутое из его (?) крыла. У каждой фигурки на головном уборе свой особый символ, в руках — оружие; поза соответствует изображенному на калафе мифу (рис. 9).⁸²

Первая фигурка показана танцующей. В правой руке у нее плетеный щит с полукруглым вырезом наверху (пельта), в левой — кинжал без рукояти, играющий роль колотушки. На головном уборе спереди помещен диск с изображением колеса. Вторая, сражаясь с грифоном, упала на колени (правая нога полусогнута, левая вытянута). Правой рукой она сдавливает грифону горло, а кинжалом без рукояти в левой бьет его по лапе, которой тот пытается освободить горло. На головном уборе — морда щенка (или медведя?). Третья в пылу битвы упала на левое колено и, опершись на левую руку, откинулась назад от наступающего грифона. Правая рука с кинжалом без рукояти отведена для удара назад. На головном уборе с оборотной стороны перед кинжалом помещена фигурка длинноухого белого зайчонка с кудрявой шерсткой (рис. 9, а). Четвертая фигурка изображена упавшей на левое колено. Правой рукой она сдавливает грифону горло, а в левой, на которую она опирается, у нее большая круглая раковина. На головном уборе показана фигурка крокодила (варана?) (рис. 9, б). Пятая преследует убегающего грифона. В одной руке у нее перо, в другой — кинжал со сложной рукоятью. На головном уборе — фигурка черепахи (рис. 9, в). Шестая стоит с занесенным для удара клевцом, двойную рукоять которого она сжимает обеими руками. Изображение на головном уборе не читается (рис. 9, г).

Большой интерес представляет ритуальная одежда, показанная на этих фигурках. По внешнему виду она почти одинакова для всех фигур, поэтому отметим вначале общие черты, а потом более подробно остановимся на костюме каждой в отдельности.

На пяти варварах изображен однотипный головной убор в виде чепца с длинными узкими объемными боковыми сторонами, которые заканчиваются закруглениями, по нашему мнению, головками змей. Волосы разделены на прямой пробор и спереди остаются открытыми. На головном уборе шестой фигурки боковые стороны отсутствуют (может быть, обломаны?). На донышках головных уборов помещены фигурки животных, у одной — диск. Все головные уборы украшены вогнутыми круглыми пластинками — крупными и более мелкими, которые образуют узоры и создают дополнительные черты для характеристики облика животного.

Из-под широкого горизонтального ворота наплечной одежды выступает высокий воротник (нижней одежды?) или гривна из нескольких витков. Воротник украшают перевязи с пронизью, кольцами, бусами и пр. Плечевая одежда представляет собой своеобразный панцирь из соединенных между собой полос кожи (?) (ремней?), по краю подола обшитых полосой. На трех фигурах, стоящих во весь рост, поверх панциря надет покрытый складками хитон, сколотый на плечах.

Полосы одежды иногда прямые, сплошные, длинные, иногда доходят до талии, где закрепляются на поперечный ремешок или соединяются (переплетаются) с полосами подола. Ниже талии на трех фигурах показана юбка из полос; на двух она спереди состоит из полос, положенных в поперечном направлении (дополнительная защита?), а по сторонам — из вертикальных, на одной — только из вертикальных. У талии полосы юбки отворачиваются и образуют дополнительный пояс, на одной из фигур спереди скрепленный крупной пряжкой четырехугольной формы из таких же полос (ремней). Длинные рукава составлены из поперечных полос, закрепленных продольным швом с внутренней стороны руки. Ниже края подола видны высокие ноговицы или штаны, у четырех фигурок — кожаные, у двух — плетеные, с подколенными креплениями. Обувь в форме сапожек разных типов высотой по лодыжку; у четырех она из кожи, у двух плетеная.

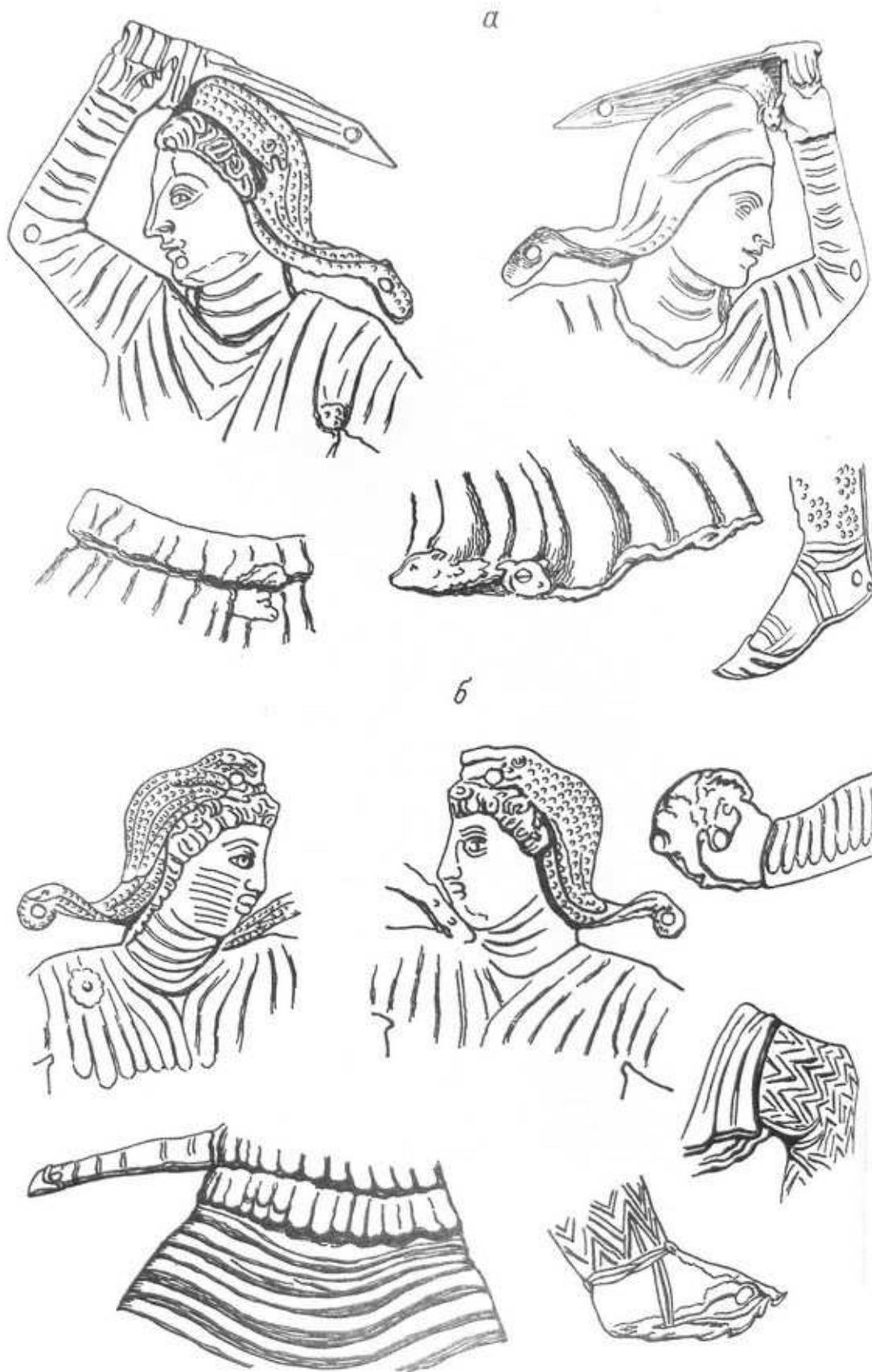

Рис.9. Фрагменты календарной сцены сражения варваров с грифонами на калафе жрицы (курган Большая Близница)

а – одежда варвара с фигуркой зайчонка на головном уборе (вид слева и справа);
 б – одежда варвара с фигурой крокодила на головном уборе (вид слева и справа).

Рис. 9. Продолжение
 в – одежда варвара с пером грифона (?) в руке; г – одежда женщины с кувцом в руке.

На фигурах варваров изображена архаичная и разноплеменная одежда: это прежде всего греческий хитон из двух отдельных кусков ткани, сколотых на плечах и не сшитых по сторонам. Хитон широкий и образует на стане и подоле многочисленные складки (у фигур с пельтой в руке, с кувцом, с пером). В отдельных случаях на хитон надета ременная безрукавка из узких, переплетающихся между собой ремней, украшенных бляшками, а также иранский плащ, сшитый из продольных полос, по вертикали орнаментированных линиями мелких круглых бляшек: тип одежды, известный на территории Ирана еще со времен бронзы. Развернутый плащ показан на фигуре с кувцом в руках.

На трех воителях показан высокий панцирный воротник от нижней панцирной одежды (а может быть, он одевался отдельно?). На танцующей фигуре воротник состоит, очевидно, из двух половин — средней и задней, по бокам скреплен вязками, а спереди украшен пронизью. На фигурке воина с пером в руке изображен широкий, высотой до подбородка, негнувшийся воротник, также украшенный бусами и пронизью.

На трех других фигурах вместо воротника изображены широкие и плоские трехвитковые гривны, прочно закрывающие всю шею, а вырез ворота одежды украшен нитями бус. Гривна была характерным

украшением иранцев и бытовала в Мидии, Иране, Северном Причерноморье; бусы встречаются в мужских погребениях VI—V вв. до н. э. как во Фракии, так и в Северном Причерноморье.

Большой интерес представляет и поясная одежда молодых воинов. На трех фигурах изображены плотно облегающие ноги штаны (или ноговицы), по-видимому, из кожи (ткани?), украшенные частым рисунком в форме кругов из мелких круглых бляшек (рис. 9, а, в). На одной фигуре (воительница, режущая грифону лапу) показаны ноговицы, изготовленные из нескольких вертикальных полос кожи: передней, двух боковых, задней. Спереди во всю длину ноги пришит наголенник из толстой ременной полосы с дырочками по краям; на боковых полосах ноговиц изображен рисунок «усики винограда», составленный из мелких круглых бляшек. Уникальны ноговицы, плетенные с узором в «елочку» и с периодически повторяющимся изображением ромба (рис. 9, г).⁸³

Обувь, показанная на воинах, чаще всего представляет собой поршень с отдельно пришитым носком и боковыми частями.⁸⁴ В одном случае это, как мы полагаем, деревянная подставка, к которой в отдельных местах прикреплен закрывающий пальцы и подъем носок, боковые части и задник.

На лицах части фигур показана татуировка в виде толстых прямых полос, проведенных поперек лица. Этот тип татуировки был распространен среди знатной части женщин Фракии. Геродот пишет, что «татуировка (на теле) считается у них (фракийцев. — Т. Р.) [признаком] благородства».⁸⁵ Артемидор заявляет, что знатные фракийцы татуируют своих детей,⁸⁶ а Дион Хрисостом пишет о том, что у фракийцев татуировку имели свободные женщины;⁸⁷ Помпоний Мела сообщает, что у агафирсов также существовала татуировка (порезы на коже).⁸⁸

Вооружение и одежду скифов М. И. Ростовцев считал иранскими и отмечал отсутствие греческого влияния как в мужском, так и в женском скифском костюмах. По его мнению, «иранского типа был их плотно облегающий верхнюю часть тела камзол с узкими рукавами, запахнутый спереди и охваченный поясом, часто отороченный и подбитый мехом, кожаные или матерчатые штаны, приспособленные для верховой езды, мягкие кожаные сапоги, связанные ремнем над ступней, меховой кафтан с широкими и длинными рукавами — „обычный персидский кандис“, а также головной убор типа восточного башлыка» у мужчин, а у женщин длинная рукавная рубашка, стянутая на шее и на рукавах и доходившая до ног, опоясанная по талии, кафтан того же типа, что и мужской с длинными прорезными рукавами, который носили и как шубу, и как плащ; в торжественных случаях надевали высокий остроконечный головной убор и покрывало.⁸⁹

Однако при увеличении в три-четыре раза фотографий, снятых с вещей, выявились детали костюмов, позволившие говорить о существовании в то время разных традиций в одежде и, следовательно, об изображении представителей различных племенных групп, а также о том этническом процессе, который нашел отражение в смешении этих традиций.

Костюмы фигурок калафа в календарной сцене сражения с грифоном, как мы отметили, носят архаический характер, а некоторые из деталей их одежды, по-видимому, можно увязать с предметами одежды эпохи бронзы индоевропейцев и местных кавказских племен. Так, например, плащ из вертикальных полос аналогичен плащу, показанному на фигуре женского божества бронзового века из Ирана (керамика); крупная пряжка, скрепляющая пояс (из полос хитона?), напоминает пряжки кобанского типа;⁹⁰ хитон по крою совпадает с хитоном древних греков; ноговицы, плетенные из растительных волокон, как говорят об архаике, так, возможно, служат характерной деталью для определения фигурок сражающихся воителей. Такую же древность имеет и одежда, показанная на пластине головной убора «царицы» из кургана Карагодеуашх. Причем очень ценно и интересно, что изображенную на ней сцену можно связать с нартским эпосом народов Северного Кавказа.

Глава 3 ОДЕЖДА ОБИТАТЕЛЕЙ ПРИКУБАНЬЯ (IV в. до н. э.—V в. н. э.)

У каждого этноса памятники обладали своеобразием, которое проявлялось не только в стиле и технике их изготовления, но и в типах одежды, изображенной на фигурах стел.

Во время работ Таманской археологической экспедиции под руководством Н. И. Сокольского на южном берегу Ахтанизовского лимана в 1963 г. была найдена часть фундамента здания I в. до н. э., почти целиком состоявшая из фрагментов статуй-полуфигур, принадлежавших большей частью местному населению (по мнению Сокольского, синдам). Опубликовав материалы раскопок, Сокольский ввел в научный оборот новый оригинальный материал.¹

Для нас большой интерес представляют одежда и вооружение, показанные на статуях-полуфигурах: юного воина из раскопок Сокольского и пожилого мужчины-синда, обнаруженной в 1896 г. вблизи распаханного кургана недалеко от древних Кеп. Стелы сделаны из местного известняка и рассчитаны на обозрение спереди: их передняя часть тщательно отделана, боковые — хуже, тыльная почти не обработана.

Полуфигура пожилого мужчины в прошлом была раскрашена, следы краски сохранились на плаще.

Костюм, изображенный на полуфигуре, состоит из рубахи, плаща и головного убора. Рубаха с длинными, плотно облегающими рукавами и довольно широким треугольным, рельефно окантованным вырезом ворота, который, слегка обнажая плечи, спускается до верха груди. На рубаху надет плащ, спадающий с плеч по бокам фигуры и образующий при этом многочисленные веерообразные складки, которые на правом плече, очевидно, были скреплены застежкой, так как на камне сохранились следы от фибулы (?). На нижних концах некоторых складок, а также на противоположных внутренних сторонах плаща видны рельефные круглые пуговицы и петли. Частично они изображены застегнутыми. Часть складок образует на передней стороне туловища своеобразный жилет (рис. 10).²

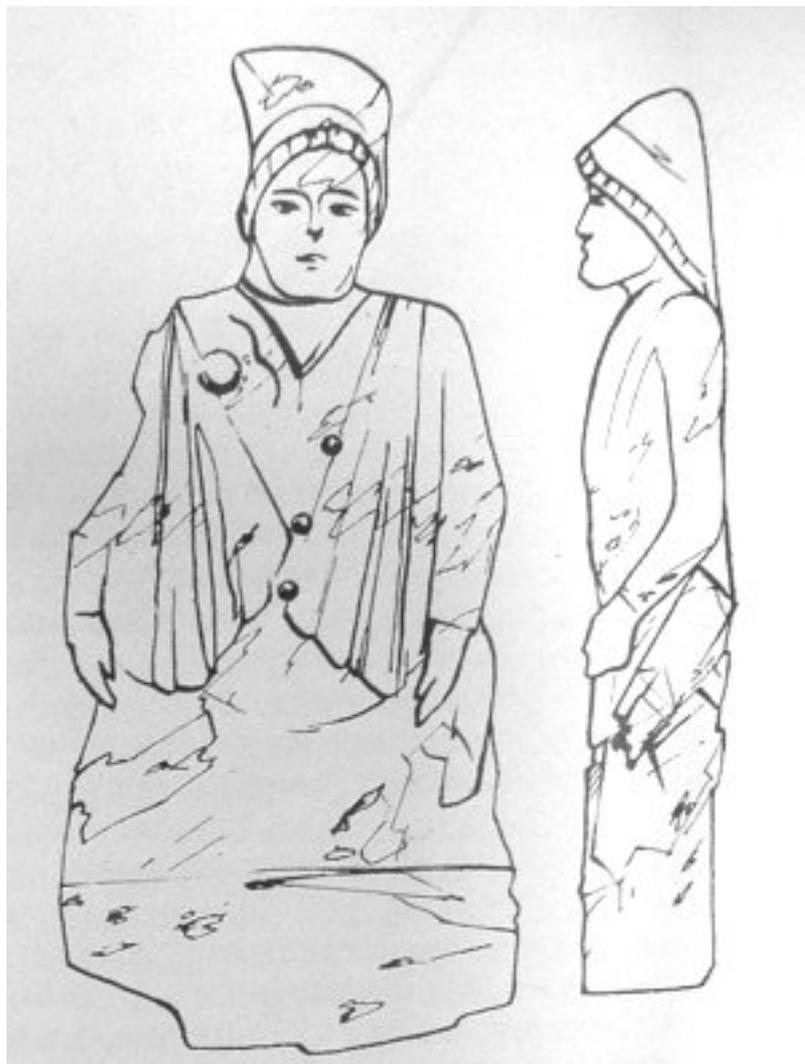

Рис. 10. Статуя полуфигура пожилого синда.

На голове синда показан высокий головной убор, по мнению Сокольского, сделанный из войлока. Его передняя и задняя стороны имеют форму трапеции с коротким основанием и более широкой верхней гранью, а боковые — треугольную форму с закругленной вершиной. Между сторонами, возможно, было вшито доньшко, но, может быть, верхняя часть тульи стянута лентой или шнуром и оставляет открытой макушку. Если смотреть на полуфигуру спереди, убор несколько напоминает папаху, а сбоку — конусообразный колпак. В месте соединения передней и левой боковой сторон шапки видно утолщение, при взгляде на которое создается впечатление, будто край боковой стороны подвернут внутрь головного убора. Вдоль нижнего конца проходит широкая полоса. Сокольский считает, что «. . . головной убор обрамлен широкой повязкой, сзади завязанной в узел. Концы повязки спускаются на спину».³ Однако возможно, что это не повязка, а околышек, пришитый к тулье, ибо четко видно, как край левой грани подвернут внутрь вместе с «повязкой» и составляет с ней одно целое. Из-под шапки выступают ровно подстриженные пряди волос, обрамляющие лицо.

На боковой стороне памятника ниже полусогнутой в локте левой руки изображен прямоугольный колчан с закругленным дном. На правой (сохранившейся) кисти руки показана боевая рукавица (?), украшенная или скрепленная лучеобразной пластиной (фибула?). На правой стороне груди у ворота можно разобрать полустертое изображение скифского лука (?) миниатюрных размеров.

Описанный костюм крайне редко встречается среди изображений одежды на изваяниях (стелах-полуфигурах, фигурах надгробных рельефов) и произведениях малой пластики Северного

Причерноморья. Мы не знаем ни одного памятника, на котором сочетались бы вместе все части этого костюма. По отдельным же его элементам, пожалуй, ближе всего одежда, показанная на терракотовой статуэтке актера, которая была найдена на территории ольвийского теменоса. Статуэтка двусторонняя и представляет собой так называемую куклу с подвесными ногами, которые утеряны. Датируется она V в. до н. э.⁴ Терракота изображает актера, разыгрывающего какую-то бытовую сцену, так как он показан несущим на голове деревянную бадейку, которую поддерживает обеими руками. На нем видна рукавная рубаха из плотного материала с воротом, окруженным рельефной складкой и закрытым нижней частью большой комической маски, заменяющей актеру лицо. На руках ниже локтя и у кисти прорезаны парные параллельные линии, изображающие, возможно, браслеты (отделку или крепление боевых рукавиц). Рукава переходят в боевые рукавицы, напоминающие рукавицу полуфигуры из-под Кеп. Рубаха по талии туго опоясана и образует напуск. Выше пояса спереди на рубахе видны две Т-образные складки или разрезы, причины появления которых нам непонятны (на наплечной одежде терракотовых статуэток актеров средней комедии из Херсонеса⁵ и Пантикапея⁶ также имеются «разрезы», но другой формы). Край подола рубахи «обшит» узкой каймой. Рубаха дополнена плащом, спускающимся с плеч по бокам фигуры. Складки плаща изображены прямыми линиями, а его внутренние края имеют форму двух полукругов, на которых вырезаны пуговицы и петли. Очевидно, плащ спереди застегивался. С тыльной стороны плащ закрывает плечи и складчатым углом спускается немного ниже пояса. Справа у бедра изображено какое-то оружие или мешочек, подвешенный на крючке, вдетом в Т-образный разрез рубахи. Как видим, на терракоте и на полуфигуре воина изображены близкие по типу плащи и боевые рукавицы. Нужно отметить, что и наплечная одежда у них одного типа — не распашная (рубаха). Различия, наблюдающиеся во внешнем облике этой одежды, могут быть объяснены свойствами материала, из которого она изготовлена: кожи в одном случае и толстой овчины — в другом.

Изображение рубахи с треугольным вырезом ворота, окантованным рельефно, с фигурой скифского лука на правой стороне груди встречается еще на одном памятнике — на плохо сохранившейся статуе, обнаруженной в 1929 г. Л. А. Моисеевым близ пгт. Черноморское. На оставшихся частях скульптуры четко видны гривна, рельефный контур треугольного ворота наплечной одежды, плащ, прямоугольные концы которого сколоты ниже края ворота посередине груди («оплечье», по мнению П. Н. Шульца), а основная часть закрывает спину — «спина защищена широкой, может быть, кожаной накладкой».⁸ П. Н. Шульц сопоставляет эту стелу с изображением сидящего скифа, выбитого на монетах Киркинитиды,⁹ и датирует памятник IV—III вв. до н. э.

Итак, описанная выше наплечная одежда бытовала у племен, обитавших в Северном Причерноморье: в V в. до н. э. она встречается в районе Ольвии, в IV—III вв. до н. э. — в Западном и Восточном Крыму и на Черноморском побережье Северного Кавказа. Нужно отметить также близкий по форме и манере носить плащ, употреблявшийся каким-то племенем на Таманском п-ове и в междуречье Днепра и Буга. Нераспашная наплечная одежда — рубаха с горизонтальным вырезом ворота изображена на полуфигуре юного воина, найденной Сокольским среди других статуй на берегу Ахтанизовского лимана (рис. 11).¹⁰ На воине показаны рукавная опоясанная рубаха, верхняя часть штанов (нижняя часть фигуры не обработана), головной убор, плащ и оружие: большой меч, рукоять которого зажата в правой руке полуфигуры, сарматский лук и две стрелы — в левой, горит — на левом боку. По типу меча Сокольский датировал памятник III в. до н. э.¹¹

Рубаха воина с широким, с передней стороны изогнутым воротом, который был горизонтальным и не имел на плечах ни завязок, ни застежек. Возможно, это была рубаха, напоминающая нижнюю наплечную одежду, найденную С. И. Руденко на Алтае во втором Пазарыкском кургане V в. до н. э.,¹² у которой разрез ворота был горизонтальным, а ширина плеча очень большой (93 см). На нашей стеле слишком широкие плечи рубахи показаны подтянутыми, отчего ворот приобрел изогнутую форму. Подобным же образом изображен ворот наплечной одежды-панциря из воловьей шкуры на некоторых фигурах пленных воинов колонны Адамкисси в Болгарии — он изображен изогнутым, окруженным рядом складок, которые не могли образовываться на реальной одежде при подтягивании излишней длины плеч. На нашей полуфигуре складки у ворота отсутствуют, поэтому можно предположить, что передняя часть рубахи была шире задней и при шивании излишняя ширина грудной части образовывала отверстие для головы, в то время как задняя плотно облегла плечи и спину. Рукава рубахи заканчиваются у кисти ребром (?), от которого свисает круглая лопасть, закрывающая тыльную часть руки, — прообраз боевой рукавицы. Ниже пояса вместо подола рубахи показаны узкие и длинные объемные пластины, образующие юбку-панцирь. Пояс, охватывающий фигуру по талии, двойной — нижний (широкий) и верхний (узкий). Плащ спускается с правого плеча, проходит под левой рукой, через левое плечо перекидывается на грудь и на уровне талии длинный его край частично подбирается под пояс.

Рис. 11. Статуя-полуфигура молодого воина.

Верхняя часть нешироких штанов гладкая. Головной убор с широким околышем и конусообразной, несколько загнутой назад тульей, от верхнего края которой почти до плеч спускается широкая полоса, закрывающая затылок и шею и образующая своеобразный назатыльник. Поперек донышка шапки укреплено ребро, два боковых конца которого спускаются от верхнего края околыша вдоль лица и закрывают уши (наушники?).

В костюме -и вооружении юного воина сочетаются меотские, скифские, греческие и сарматские элементы. Рубаха с горизонтальным вырезом ворота, очевидно, местного происхождения. Широкий боевой пояс напоминает широкие скифские пояса (например, на рельефе Скилура и Палака из Неаполя скифского). Юбочка из пластин — греческая зома — бытовала и у скифов. Головной убор воина по типу несколько напоминает головной убор полуфигуры из-под Кеп и даже головные уборы Скилура и его сына. Оружие у воина меото-сарматское: большой меч, который он держит в правой руке, меотский (III в. до н. э.), небольшой лук — сарматский.

Судя по материалам курганных погребений, уже во второй половине IV в. до н. э. произошел процесс слияния синдо-меотско-скифской знати с боспорскими греками и возникла боспорская аристократия, создавшая особую греко-варварскую культуру.¹⁴ Одежда воина подтверждает это. Однако нельзя забывать, что жил он в Прикубанье, где уже с III в. до н. э. было необычайно сильным влияние сарматских племен, а к концу III—началу II в. до н. э. уже сложилась общая сармато-меотская культура, что и отразилось на его вооружении.¹⁵

Самым древним изображением воина с типично сарматским вооружением (оружие, доспехи) является изображение на серебряном ритоне, происходящем из разграбленного погребения III—II вв. до н. э. в Прикубанье, который был куплен А. А. Бобринским в Керчи в конце XIX в.¹⁶ И. Маразов считает местом его изготовления Южную Фракию и датирует концом IV—началом III в. до н. э.¹⁷

Воин показан в коротком, длиной по талию прямом кафтане из плотного материала. Несколько приоткрытый у горла ворот имеет осевой грудной разрез. Полы с неглубоким запахом справа налево в верхней части груди несколько скошены и образуют неглубокий "разрез ворота". Рукава длинные, неширокие, сшиты из объемных полос кожи, взятых в несколько слоев (нарукавники?). Штаны длинные, облегающие, конструктивно состоят из двух штанин и трапециевидного клина и заправлены

в обвязанные вязкой сапожки небольших размеров, с круглым носком и голенищем несколько выше лодыжки. За спиной развевается короткий плащ, концы которого у горла скоты фибулой с овальным щитком. Головной убор типа шлема со сдвинутым на затылок шишаком, вдоль тульи обвязан полосой, к которой прикреплены пластины. По бокам головы пластины покрыты мелкими ячейками (видна правая), а в центре надо лбом помещено парное изображение личины с изогнутым клювом и торчащими ушками в верхней части головы, возможно, филина или совы. Концы полосы, служащей подкладкой для пластин, спадают на спину и к концам суживаются, превращаясь как бы в узкие «веревочки» (вязки?). Центральная часть лица воина открыта, но из-под шлема справа (левая сторона не видна) выходит кожаная оборванная расслоившаяся на несколько частей полоса, со свисающей наружу центральной частью, служившей для защиты лица.

Спереди на шее воина видны скрепленные между собой концы круглого ремня, которые через плечи спускаются вдоль спины, выступая в просветы между туловищем и правой рукой, где связываются между собой и прикрепляются к круглому ремённому поясу (видны узлы). Плечевые ремни заканчиваются петлями, надетыми на древко копья, которое сармат держит двумя руками, причем правой рукой он держит древко между двумя ремёнными петлями. Пояс широкий, скифского типа. Слева к поясу и к левой доле ниже пояса прикреплен кусок плотной кожи, сложенный пополам в форме треугольника; в него продето кольцевое навершие меча, свисающего вдоль левой ноги (кольцевое навершие видно четко, меч — хуже).

Одежда воина украшена горизонтальными и вертикальными рядами бусин и бляшек. На правом плече и верхней части рукава — три вертикальных ряда. Левый рукав в том же месте украшен четырьмя горизонтальными рядами бусин. Объемные рукава украшены у кисти редкими бусинами. На кисти правой руки показана, возможно, боевая «перчатка». Вдоль края правой доли помещены три розетки из бусин, заключенные прямым рядом бусин с одной стороны и полукруглым, по форме доли, у ее нижнего края. На левой доле — четыре крупные бляшки (?) ограничены длинным рядом более мелких, спускающихся до края подола. Правая доля у подола окаймлена одним рядом бусин, левая — несколькими горизонтальными рядами, частично перекрытыми куском кожи (ремня?), к которой присоединено кольцевое навершие меча. На левой штанине узора не видно, на правой он состоит из двух вертикальных рядов бляшек, между которыми изображен зигзагообразный.

Археологические материалы из Прикубанья, в частности из Усть-Лобинского меото-сарматского могильника, раскопанного Н. И. Анфимовым, во всех слоях начиная с IV в. до н. э. содержат большое количество бус и бляшек, расположение которых в погребениях говорило о том, что они служили главным, украшением головных уборов, наплечной и поясной одежды, чулок и обуви.¹⁸

Украшение одежды воина бусами и бляшками еще до некоторой степени сохраняет скифо-меотский характер: розетки — на правой доле кафтана, узор на штанах, но в то же время появляется и чисто сарматский тип украшения — бусы, нашитые прямыми рядами.

Наплечная одежда — короткий, едва доходящий до талии кафтан. Плащ, показанный на воине, типичен для сарматского времени. Изображения таких плащей довольно часто встречаются на надгробных рельефах и на фресках подземных склепов первых веков нашей эры.

Интересны доспехи и вооружение воина. Защитным доспехом у сармат вначале служили кожаные и костяные панцири. По мнению А. М. Хазанова, специалиста по военному делу сармат, особенно надежны были панцири из нескольких слоев кожи.¹⁹ Такой тип панциря мы, очевидно, наблюдаем на плечевой одежде воина — рукава его кафтана (нарукавники?) сшиты из ряда полос кожи в несколько слоев каждая и таким же, вероятно, было и «забрало» его шлема, полностью или частично закрывавшее лицо. Аммиан Марцелин писал о сарматском панцире из чешуек полированного рога, прикрепленных к плотной подкладке, как оперенье птицы.²⁰ И действительно, шлем воина защищен рядом прикрепленных к подкладке пластин, изображающих двойную личину совы с оперением.

Вооружен сармат большим и, очевидно, тяжелым копьем и мечом с кольцевым навершием. Массивные всаднические копья были известны еще у савроматов и найдены большей частью в погребениях богатых воинов. Держали их обеими руками и использовали для нанесения сильного удара с коня.²¹

Сармат, видимо, пострадал в бою. Потеряв коня, он подвесил копье на ремнях через плечи, переложив его тяжесть главным образом на плечи и туловище. Помимо копья у него был меч с кольцевым навершием — оружие, типичное для сусловского периода истории сармат (I в. до н. э.—I в. н. э.). Однако против такой даты свидетельствует место находки ритона в погребении III—II вв. до н. э., а также изображенное на нем защитное вооружение.

Как уже говорилось выше, с конца III—II вв. до н. э. складывается общая сармато-меотская культура и, таким образом, вполне вероятно, что на ритоне изображен сарматизированный меотский воин, ибо именно у меотских всадников были в широком употреблении большие тяжелые копья.

Некоторое представление об одежде сармат II в. до н. э.— V в. н. э., в частности алан, дают археологический и графический материалы, а также короткие сообщения древних авторов. Несмотря на то что интересующие нас источники обнаружены в отдаленных друг от друга местах, поражает близкий по внешнему облику тип одежды, показанной на фигурах, изображенных на металлических,

костяных, каменных предметах.

Так, на серебряном фаларе II—I вв. до н. э., который был найден в Астраханской обл. в могильнике Кривая Лука IX, показан всадник в опоясанной рубахе с горизонтальным, закругленным по шее вырезом ворота, узкими длинными рукавами, подолом, несколько расширяющимся книзу. Широкая полоса отделки украшает подол по краю, а штаны вдоль ноги спереди. В верхней части рукавов видны по три черточки (отделки?). Сзади спускается плащ, виднеющийся из-за спины. Передние вытянутые края плаща (?) закреплены на поясе, а концы их спадают ниже пояса (рис. 12) Короткая рубаха с горизонтальным закругленным воротом, обшитым широкой полосой отделки, длинными, по кисть руки, рукавами, длинными объемными штанами показана на фигуре всадника из 3-го Мечетсайского могильника II в. до н. э. (рис. 13).²³

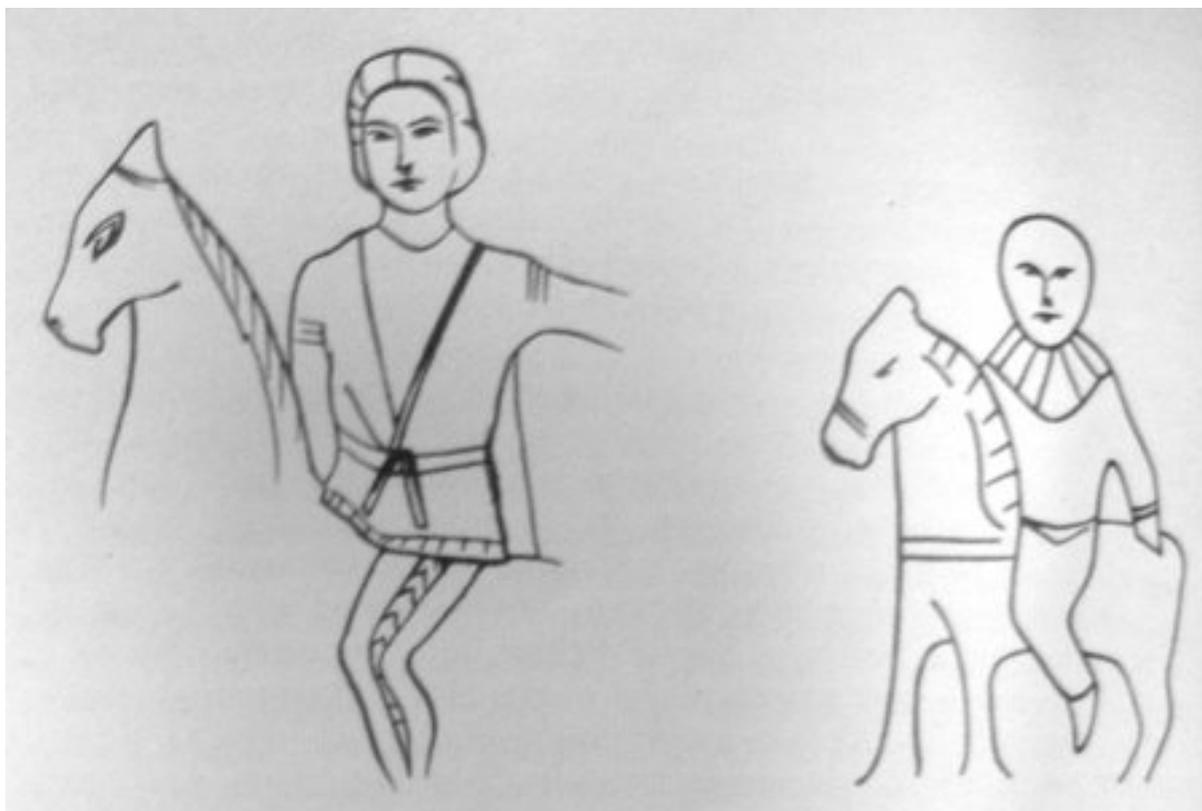

Рис. 12. Воин, изображенный на фаларе из могильника Кривая Лука IX.

Рис. 13. Изображение всадника из Мечетсайского могильника.

Близкая по типу, но полностью не совпадающая с вышеописанными наплечная одежда представлена на стеле № 3 из Заветнинского могильника в Крыму I—II вв. н. э. Рубаха показана с глубоким грудным угловым вырезом, обшитым полосой широкой отделки, с длинными по кисть руки рукавами, подолом длиной по колени, книзу несколько расширяющимся (рис. 14).²⁴

На костяной пластинке IV—V вв. н. э. из Гальберштатского собора, опубликованной В. А. Кузнецовым, изображен пленный алан. На нем показана рубаха с глубоким угловым грудным разрезом ворота с широкой отделкой, длинными, по кисть руки, рукавами, облегающими длинными штанами, мягкими низкими сапожками (рис. 15).²⁵

Таким образом, устанавливается, что в течение нескольких столетий у алан бытовала нераспашная одежда в виде рубахи с горизонтальным закругленным вырезом ворота, позже с угловым грудным вырезом горизонтального ворота, длинными облегающими рукавами, несколько расширяющимся книзу подолом, неширокими длинными штанами, мягкими сапожками.

По изображениям часто бывает трудно судить о качестве материала, из которого изготовлялась одежда. Вероятно, рубахи вначале делались из шкуры, затем из кожи, а впоследствии из ткани. Аммиан Марцелин сообщал об одежде из льняной ткани, которую аланы и квады носили под панцирем.²⁶ В Крыму такие рубахи могли изготовляться из холста, так как там издавна вырабатывали из конопли ткани, не уступающие по качеству льняным.²⁷

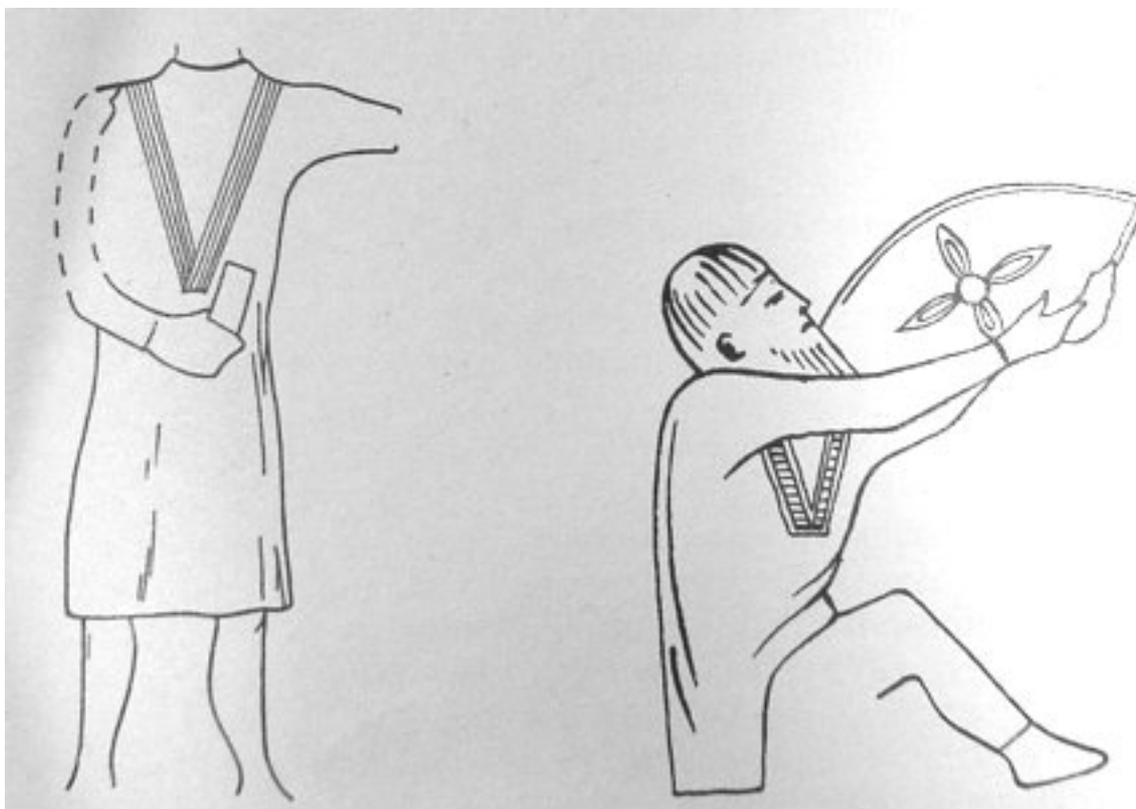

Рис. 14. Одежда алана, изображенного на стеле №3 Заветнинского могильника в Крыму

Рис. 15. Алан, изображенный на костяной пластинке из Гальберштатского собора.

Несколько отличается от аланской одежда, представленная на фигуре юноши керченского расписного саркофага I в. н.э. (см. рис. 2). В костюме юноши сочетаются разноэтнические детали одежды: рубаха, как мы полагаем, была местная; покрытые складками длинные штаны похожи на поясную одежду некоторых фигур пленных памятника в Добрудже, по нашему мнению, роксолан. Плащ — древнегреческий, бусы на шее — результат сарматского влияния, гривна — скифского. Панцирная безрукавка может рассматриваться как заключительный вариант развития кафтана с косыми полами с нагрудником.²⁸ Возможно, юноша был эллинизированным сарматом или подпавшим под сарматское влияние боспорцем.

В I в. н. э. происходит так называемая сарматизация Боспора, связанная с проникновением в его среду большого количества сармат. «Прежнего гражданина Боспора, — замечает В. Д. Блаватский, — сменяет одетый скую одежду конный воин», фах Боспора и на фресках склепов первых веков нашей

в кочевнице-²⁹ На рельеф-подземных эры часто бывают показаны воины в сарматском вооружении,³⁰ но в то время как на рельефах в сарматском доспехе с копьем в руке изображается оруженосец, а главный персонаж представлен в традиционной одежде, на фресках все конные воины защищены сарматским панцирем и вооружены пиками, которые они держат двумя руками.

На фресках склепов, раскопанных в последней четверти XIX в., а также на монетах Савромата II³² и Рескупорида II³³ изображены конные воины в металлических доспехах и шлемах. Доспехи чешуйчатые в форме рубашки по пояс или по колени с длинными или короткими рукавами, часто спереди с разрезом от пояса до края подола (М. И. Ростовцев, а за ним В. Д. Блаватский и А. М. Хазанов очень удачно назвали такую рубаху одеждой с двумя полами ниже пояса). Шлемы также чешуйчатые яйцевидной или конической формы. В руках воинов длинная тонкая пика. Из-под металлического панциря виднеется одежда: рубаха (?) с длинными облегающими рукавами, часто с высоким воротником (иногда на воротнике показана низка бус), длинные штаны, заправленные в сапоги до середины голени. Поверх панциря надет небольшой развевающийся за спиной плащ. Панцири и шлемы голубоватого, иногда зеленоватого цвета, одежда — розового, голубого, белого, песочного, иногда красного и черного. Наплечная и поясная одежда на одной фигуре разного цвета. Встречается и изображение панцирной рубахи из кожи. Так, на воинах вспомогательного отряда, по-видимому девушках, изображены опоясанные рубахи с горизонтальным закругленным вырезом ворота, длинными рукавами, подолом длиной по колени с разрезом от пояса до края подола, стороны которого при ходьбе расходятся и открывают заправленные в сапоги высотой до середины голени длинные штаны, образующие на ногах вертикальные складки (склеп 1872 г.) (рис. 16). На женских фигурах шлем отсутствует, волосы разделены на прямой пробор и зачесаны назад. В руках у каждой по два копья и круглому щиту.³⁴ Аналогичный тип кожаной панцирной рубахи изображен на некоторых

фигурах пленных воинов в Добрудже.³⁵ Исторические известия рассказывают о независимом положении сарматских женщин, принимавших участие в сражениях, древние авторы сообщали также о том, что римляне (и боспоряне) привлекали во время походов представителей зависимых от них племен, которые сами участия в сражениях не принимали, но служили оруженосцами и носили вслед за воинами запасное оружие. Возможно, на фреске изображены призванные римлянами (?) сарматские женщины-оруженосцы, а в Добрудже в такой же одежде показаны сарматские воины-мужчины. Краткие сведения о сарматской одежде встречаются у писателей того времени. Помпоний Мела, составивший в 40-х гг. I в. н. э. краткое руководство по географии — «Ое ОѢоѡгарѢа», так описывал население Сарматии, которая в его время занимала территорию между реками Вистулой (Вислой) и Истром (Дунаем): «Население ее по одежде и вооружению больше всего подходит к парфянскому, но отличается более суровыми нравами, подобно самому климату».³⁶ Корнелий Тацит, автор II в. н. э., также отмечал типовую близость сарматских и парфянских одежд, говоря, что «у сарматов или парфян одежда „развевается“».³⁷

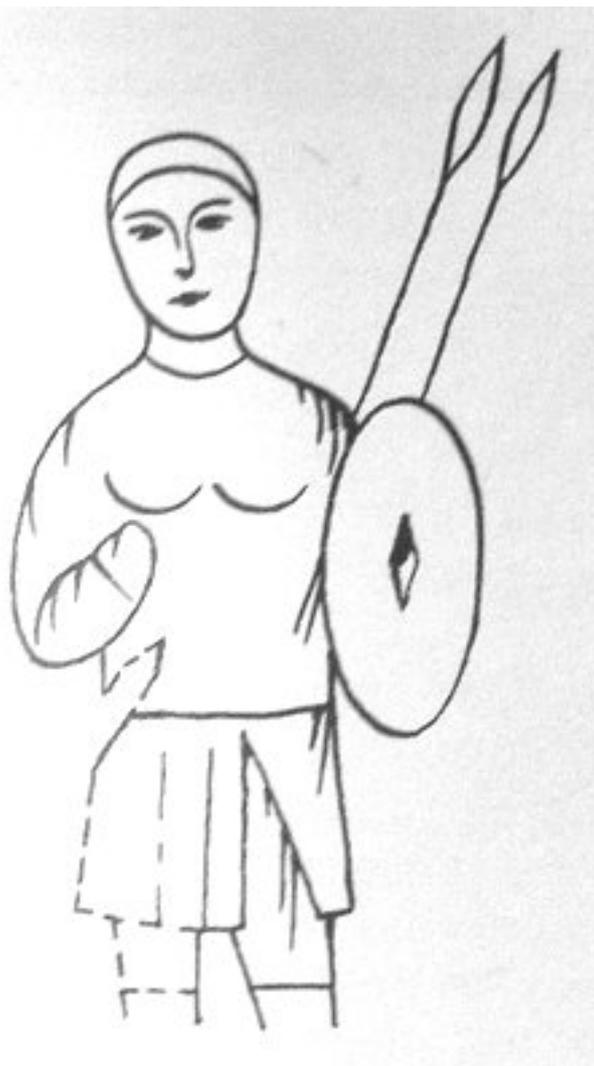

Рис. 16. Одежда и вооружение женщины из вспомогательного отряда (фреска склепа В.В. Стасова).

Сохранились терракотовые парфянские статуэтки эллинистического времени. На статуэтке, изображающей парфянского всадника,³⁸ показан халат длиной до колен, перехваченный по талии нешироким поясом из плотного материала (ремень?), обшитым по сторонам долевым кантом. Халат простеган: длинные рукава -стежками поперек руки, стан и полы — диагональными стежками. Широкий и глубокий вырез ворота халата, образованный двумя лапами, которые сходятся только на талии и от талии вниз образуют запах слева направо, обнажает не только шею, но отчасти плечи и грудь всадника. Ворот обшит (или на ворот наложена?) широкой полосой отделки, два конца которой накладываются на пояс (левый поверх правого) и на нем закрепляются. Прикрывая чепрак, слева углом выступает край полы, на котором четко видна стежка. Бедра в несколько раз обернуты ремнем с полукруглыми вогнутыми выступами (?), на коленях образующими розетку (броня?). Конец ремня с двумя выступами свисает ниже крупа лошади. Штаны длиной по ступню широкие на бедрах, книзу суживаются. Вдоль внутренней боковой стороны они украшены бахромой, которая виднеется также

между витками ремня. На голове всадника изображена шапка круглой формы из меха или плотного войлока, напоминающая головной убор фигуры Калидона боспорского рельефа.³⁹ Обувь не ясна. К поясу на подвесном ремне с правой стороны фигуры прикреплены массивные, загибающиеся у нижнего края ножны меча.

Очень близкая по типу одежда показана на слуге, изображенном на стеле Базилида, сына Базилида (II в. н. э.) из Керчи,⁴⁰ представляющей собой высокий рельеф с двумя фигурами: Базилида и его слуги (оруженосца?). Маленькая фигурка слуги показана в коротком стеганом халате с прямой стежкой на стане и поперечной на рукавах. Полы, с запахом слева направо, сходятся посередине груди, образуя треугольный вырез ворота. Вдоль ворота, пол и рукавов халат украшен декоративными кружочками — бусами или бляшками; опоясан нешироким поясом. Узкие и длинные штаны простеганы, а нижний край их натянут на голенище невысоких сапожек. На голове — колпачок из мягкого материала, край его загибается назад. Из-под колпачка 'сбоку вниз отходит фигурная полоса, возможно, косичка. В руках он держит так называемый кельтский⁴¹ шлем с закраиной и плоский подшлемник. Лицо у слуги скуластое с косым разрезом узких глаз.

Изображение простеганных коротких халатов встречается и на основных персонажах некоторых надгробных памятников Боспора. Имеются два рельефа из Керчи, на мужских фигурах которых изображена стеганая распашная наплечная одежда. На одной из них халат, опоясанный широким поясом, длиной до колен, с «вырезом» на груди, причем вертикальной стежкой покрыт только стан одежды до края подола, обшитого каймой.⁴² На другой — халат короткий, едва прикрывающий бедра. Линии стежков на нем проведены по диагонали.⁴³

Кроме стеганых халатов на рельефах встречается изображение стеганой нераспашной наплечной одежды. Прямые рубахи с редкими линиями-стежками, вертикальными на стане, поперечными на рукавах, изображены на фигурах двух мальчиков на рельефе II в. н. э. (найден в степи под Керчью), посвященном Аристиду и Понтонику, сыновьям Апфа и их матери Лаудике.⁴⁴ От рельефа сохранилась только нижняя часть с несколькими человеческими фигурами без головы и надписью. На фигурах мальчиков-подростков четко видно изображение прямой стеганой рубахи, по краю подола обшитой каймой. Пояс отсутствует, что, возможно, было связано с юным возрастом изображенных.

На женских фигурах надгробных рельефов первых веков нашей эры исчезают греко-варварские виды одежд. Появляется новый тип костюма: длинная, до ступней, широкая распашная одежда с длинными облегающими рукавами, обшитая вдоль пол мехом или другой тканью; сверху надевалось другое, более короткое (на разных фигурах разной длины), также распашное платье типа накидки с короткими облегающими или широкими рукавами. На верхнем платье на груди бывает показана крупная фибула овальной формы. Поперек груди на многих фигурах изображена поперечная полоса, которую Киезеричский и Ватцингер считали изображением корсета.⁴⁵ Из-под подола длинного платья выступают круглые носки сапожек, а иногда и нижняя часть длинных штанов (?). На плоский головной убор набрасывалось длинное, окутывающее фигуру по бедра покрывало, сквозь тонкую ткань которого проступали два круглых выступа (как бы узелки) от головного убора. Иногда покрывало спадало вдоль фигуры ниже колен. Одежда обшивалась бусами и бляшками (на одежде фигуры видны мелкие кружочки).⁴⁶

Археологические материалы подтверждают правильность определения одежды. Недалеко от г. Николаева, в междуречье Днестра и Прута («Западная Сарматия»), Г. Т. Ковпаненко в кургане бронзового века было раскопано *т & Ии* богатое женское погребение I в. н. э., в котором скелет лежал на помосте с меловой подсыпкой (роксоланы). На скелете сохранились остатки ткани от одежды, а также очень большое количество бус, бляшек и всевозможных драгоценных украшений, расположение которых дало автору возможность определить типы одежды. На погребенной было надето два платья: нижнее — распашное, длинное и широкое; верхнее, которое Ковпаненко определил как накидку, широкое и более короткое, с короткими широкими рукавами. На ногах кожаные чулки и сапожки, обильно украшенные золотыми бляшками.⁴⁷

Одежда и головной убор, от которого сохранились остатки покрывала, были украшены огромным количеством бус разной формы из полудрагоценных камней, золотых бляшек и золотых изделий. Интересно украшение сапожек прямыми рядами бус по 4 ряда на каждой туфле (по 78 экз.). Монах Ломберти (XVII в.), описывая Грузию, рассказал, что Грузия воевала с каким-то народом, женщины которого сражались наравне с мужчинами, и военное обмундирование у них было мужским: в качестве брони у них употреблялись из красного войлока (?) юбочки, а обувь была расшита большим количеством бляшек, тщательно пришитых и расположенных прямыми рядами так, как были расшиты сапожки роксоланки I в. н. э. из Соколовой могилы.⁴⁸

Во II в. н. э. на рельефах и стелах-полуфигурах Боспора и Прикубанья появляются одиночные изображения женских фигур в длинном платье, покрытом вертикальной объемной стежкой с горизонтальным, иногда закругленным вырезом ворота, обшитым каймой, длинными рукавами. На голове показано наброшенным покрывало из тонкой ткани, закрывающее половину женской фигуры.⁴⁹ На некоторых памятниках платье туникообразное, на других расширяется книзу. В левой руке

изображенных фигур часто бывает показан обрядовый сосуд.⁵⁰

Сохранилось несколько памятников первых веков нашей эры, на рельефах которых мужские фигуры иногда изображены с большими щитами и копьями в покрытой складками или простеганной одежде из тонкого материала. Например, стела Мастаруса, сына Филонида, относящаяся к середине I в. н. э.⁵¹ На ней представлены две фигуры: Мастаруса (голова отбита) и его слуги. Мастарус в короткой, едва прикрывающей бедра рубахе с длинными рукавами, в длинных, до щиколотки, штанах и плаще. Стан и рукава рубахи, а также штаны простеганы (или покрыты складками). Складывается впечатление, что одежда сделана из легкой ткани. Рубаха по талии опоясана нешироким объемным (металл?) поясом. Из-под приоткрытого ворота рубахи рельефно выступает край брони, проходящий поперек груди. Плащ спереди спускается узким складчатым клином, а сзади падает до середины голени. Ноги босые. Мастарус опирается на колонку, рядом с которой изображен большой овальный щит с круглым умбоном в центре. С другой стороны щита видна маленькая фигурка слуги в коротком длиннорукавном кафтанчике с прямым краем подола, с плащом, который в форме гладкого, заузненного книзу полуовала спускается чуть ниже края подола. Узкие штаны слуги длиной по щиколотку показаны гладкими, облегаяющими босые ноги. Простеганная одежда, похожая на одежду Мастаруса, показана на бородатой фигуре Басилида. Костюм его состоит из короткой рубахи с длинными рукавами и длинных и широких (объемных) штанов, заправленных в поножи. Рубаха (рукава и стан) и штаны покрыты узорчатой стежкой. Большой военный плащ сколот на левом плече. На ногах сандалии, стянутые ремешками и закрепленные на ноге у лодыжки. Слева на перевязи через плечо подвешен большой меч с четырехугольным кольцевидным навершием. Басилид опирается на колонку, за которой у стенки рельефа изображен большой овальный щит с круглым умбоном посередине, а над щитом выступают концы двух копий с наконечниками. Древко — с круглыми утолщениями (кольца или составные?). Перед щитом видна фигурка слуги, костюм которого описан выше.

Кельтские щиты и копья, изображенные на рельефах, а также представленная на мужских фигурах одежда дают возможность предположить, что на памятниках изображены кельтские (галатские) воины, вероятно, бастарны, появившиеся в IV в. до н. э. на территории Южной России и Крыма. Древние авторы — Диодор Сицилийский, Страбон, Полибий, Плиний Старший и другие описывали галатов, их внешний облик, верования, материальную культуру.

Так, по сообщению Диодора Сицилийского, галлы носили рубашку с рукавами, короткие штаны, башмаки из кожи — *галики* или *галош*, чулки из ткани, четырехугольную накидку — *сагум*, иногда очень маленькую, которую делали из шерстяной ткани и украшали вышивкой. Страбон также писал о рубашке с рукавами, «... спускающейся до половых частей и ягодич», о коротких или длинных узких штанах из кожи, о плаще — *сагум*.⁵³

Нужно добавить, что галлы пользовались большими овальными щитами и носили броню, обрисовывающую их мускулатуру.⁵⁴ Кроме того, они носили характерное шейное украшение *торквес* -гривну.⁵⁵

Близкая по типу одежда и вооружение изображены также на некоторых фигурах рельефов Адамкисси в Добрудже, где пленные показаны в одежде, которая состоит из длинных и узких, покрытых углообразными складками штанов, поверх которых у талии свободно лежит неширокий пояс; из короткого плаща, прикрывающего грудь складчатым или полосатым (?) углом, иногда такой плащ заканчивается на середине высоты груди коротким фигурным краем (Флореску, опубликовавшая этот памятник, называет такой плащ «плечевым воротником»). На ногах обувь, напоминающая галошеобразные туфли. Наплечная одежда отсутствует. На некоторых фигурах виден прикрытый плащом рельефный выступ брони, проходящий поперек груди.⁵⁶ На памятнике Мастаруса сквозь тонкую ткань рубахи также выступает рельефный выступ брони. Вместо плечевого воротника на нем изображен большой военный плащ.

Возможно, что Мастарус, живший в I в. н. э. в Пантикапее, и Басилид — во II в. н. э., были по происхождению галатами (бастарнами). О том, что в Пантикапее хорошо знали галатов, свидетельствуют терракотовые статуэтки варваров с овальными щитами, изображающие, как полагают, кельтов. На некоторых статуэтках грудь показана покрытой панцирем с изображением мускулатуры тела. Такие терракоты появляются в Северном Причерноморье со II в. до н. э. и бытуют* до конца I в. н. э.⁵⁷ Жили кельты и в самом Пантикапее. Аппиан рассказывал о начальнике наемного отряда кельтов Бетите, который по просьбе Митридата, после того как не подействовал принятый им яд, зарубил его.⁵⁸ Впрочем, заметим, что одежда, изображенная на терракотах, мало напоминает описанную выше или показанную на фигурах рельефов. Так, на терракотах встречается наплечная одежда типа кафтана или безрукавки с косыми полами, иногда типа халата. На голове колпак, напоминающий фригийскую шапку. По-видимому, эти терракоты можно рассматривать как своего рода карикатуру на варваров. Однако на одной из статуэток изображен халат, представляющий для нас определенный интерес. По типу одежды он похож на парфянский, но несколько отличается покроем. Халат короткий с подолом выше колен. Вырез ворота обнажает шею и слегка грудь; полы соединяются только на талии, но спускаются до талии почти параллельно, оставляя на груди незакрытой узкую щель. Рукава длинные.

Халат, по-видимому, простеган: на рукавах поперек руки, на стане долевая стежка. Вдоль пол и на груди видны декоративные кружочки, возможно бусы или бляшки. Халат опоясан узким тканым поясом, продетым (?) вдоль талии в подвесные петли (?) и спереди завязанным так, что длинные концы его спускаются почти до края подола. Штаны неширокие, с редкой кривой стежкой или складками. Обувь типа сапожек высотой до лодыжки (?). На голове башлык (капюшон?) с округлой, загибающейся наперед вершиной. Воин опирается на небольшой овальный щит с закраинами и срединной долевой полосой.⁵⁹

В. И. Пругло, описавшая эти терракоты, считала, что они изображают кельтов.⁶⁰ По нашему мнению, одежда, показанная на статуэтке, в большей степени напоминает одежду сармат, чем кельтов.

Таким образом, мы видим, что на Боспоре и в Прикубанье в период сарматизации появляются новые типы одежды, свидетельствующие о проникновении в состав местного населения представителей новых этносов.

Глава 4

ОДЕЖДА НАРОДОВ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (IV—XVII вв.)

Сведения об одежде народов, населяющих Северный Кавказ в период средневековья, крайне фрагментарны. Византийские, персидские, грузинские, армянские, албанские и, наконец, арабские авторы, описывающие политическую ситуацию на Кавказе и обитавшие там племена, почти не уделяли внимания костюму его обитателей, как аборигенов, издавна живших в горах и предгорьях Кавказа, так и пришлых кочевников., в разное время занимавших степи Предкавказья и оказавших определенное влияние на культуру местных племен.

Основным источником при изучении одежды народов Северного Кавказа этого времени в данной работе будут служить материалы археологических раскопок, фрески старинных храмов, немногочисленные рельефы и барельефы и каменные, а также чеканные изображения, миниатюры и свидетельства очевидцев.

Эпоха раннего средневековья охватывает период от начала великого переселения народов в IV в. н. э. до монгольского нашествия первой четверти XIII в. В IV в. в степях Предкавказья появились гунны. Описывая гуннские племена, писатель IV в. Аммиан Марцелин замечал: «Они одеваются в одежды холщовые или сшитые из шкур лесных мышей; у них нет различия между домашней и выходной одеждой; раз надета туника устарелого цвета снимается или меняется не прежде, чем от долговременного гниения расплывается в лохмотья. Голову они покрывают кривыми шапками, а волосатые ноги защищают козьими шкурами; обувь, не пригнанная ни на какую колодку, мешает выступать свободным шагом».¹

Возможно, некоторое представление о гуннской одежде дает китайское изображение хуннского лучника, на котором показана кривая шапка с несколько удлиненными боковыми сторонами; приталенный кафтан длиной выше колен с расширяющимся книзу подолом и длинными, сравнительно широкими рукавами; неширокие штаны, спускающиеся до ступни и прикрывающие сверху мягкую обувь (рис. 17).² На другом китайском рисунке, где изображены сражающиеся пешие и конные воины, предположительно хунну, на всадниках видна изогнутая наперед «кривая» шапка-колпак, расширяющийся к краю подола короткий рукавный кафтан, неширокие штаны или ноговицы.³

Учитывая консерватизм, в результате которого покрой одежды древних кочевников изменялся крайне медленно, можно предположить, что одежда гуннов напоминала одеяния их предков хунну. В частности, головные уборы, возможно, были похожи на шапку, найденную в Ноинулинском могильнике рубежа нашей эры, форму которой С. И. Руденко считал «. . . типичной для евразийских скотоводческих племен в древности. . .».⁴ Это была островерхая изгибающаяся наперед шапка с длинными боковыми сторонами, которые завязывались под подбородком вязками. Сшивалась она из двух одинаковых половин.

Описание одежды гуннов, оставленное Аммианом Марцелином, а также китайские изображения хунну дают возможность до некоторой степени представить костюм гуннов того времени. Аммиан Марцелин писал, что кафтаны гуннов изготовлялись из холста, который ткали их жены,⁵ или из мышинных шкур (вероятно, шкур грызунов). Холст предварительно, может быть, очень примитивно раскраивался (разрывался по нитке на куски определенной величины), а потом уже сшивался. Выкраивались также и штаны, изготовлявшиеся из козьих шкур. А вот обувь из шкуры или войлока шилась без колодки, отчего гуннские воины плохо действовали в пеших стычках.⁶ Очевидно, это была типичная обувь кочевников, всю жизнь проводящих в седле; впрочем, и весь костюм был приспособлен для верховой езды.

Рис. 17. Хунский всадник. Китайское изображение.

Под влиянием контактов с окружающими народами, обладавшими более высокой культурой, — с народами Закавказья, куда гунны вторгались с целью грабежа, с Ираном, но главным образом с Византией, — в одежде гуннов, и прежде всего гуннской племенной знати, происходят изменения. Знать начинает носить «. тонкие одеяния». Так, посол Сандила — вождя гуннского племени утигуров — упрекая византийского императора в том, что родственные утигурам гуннские племена кутригуров, расселившиеся по Дунаю вдоль границ Византийской империи, в числе прочих благ имеют «. одеяния тонкие разноцветные и разукрашенные золотом. . .», вероятно, парчовые, в то время как живущие в Предкавказье союзники Византии утигуры во всем нуждаются.⁷

Известно, что Византия откупалась от окружавшей ее массы варварских племен дарами, в состав которых кроме золота и изделий из драгоценных металлов входили также разнообразные одежды из дорогих тканей.⁸ Именно таким образом к кутригурам попадали тонкие одеяния.

Основная часть гуннов, однако, продолжала носить одежду из звериных шкур, холста и шкурок полевых мышей, так как роскошные, затканые золотом одеяния были доступны только племенной знати. Помпей Трог, «История» которого дошла до нас в сокращении Юстина, также сообщает, что, несмотря на холода, кочевое население степей не употребляет шерсти (лапа), а пользуется только звериными и мышиными шкурами.⁹ Последние вскоре сделались объектом экспорта. Иордан в «Зелце» (VI в.) писал о том, что от «хунугуров [гуннов]...идет торговля шкурками грызунов. . .».¹⁰

В VI в. в Предкавказье появляются племена тюркюту, подчинившие гуннов. В VII в. гунны освобождаются от власти тюркского каганата, из состава гуннских племен выделяются болгары, образовавшие в приазовских степях Великую Болгарию. В VII в. часть болгар ушла в Подунавье. Оставшиеся были завоеваны хазарами. О болгарях, подчинившихся хазарам, сведений не сохранилось. Больше всего имеется данных о придунайских болгарях, расселившихся на Балканах вдоль границы с Византийской империей. Можно думать, что по крайней мере первое время они сохраняли традиционные формы одежды. Однако о костюме придунайских болгар известно немного. На камнях из развалин древней болгарской столицы Абоба-Плиска сохранились контурные изображения конных болгарских воинов, на которых всадники изображены в высоких конических шапках с перьями (ветками растений?), на некоторых рисунках — по сторонам с подвесками; в кафтанах (рубашках?) длиной ниже колен, иногда -в кольчуге. На ногах — штаны и сапожки. В руках у них показаны длинные копыя, у пояса — кинжал или колчан. В некоторых случаях фигуры всадников изображены сидящими по-женски -свесив обе ноги на одну сторону, подобно тому, как это делали их предки гунны, о которых Аммиан Марцелин писал, что они «. иногда сидят на конях по-женски. . .» (рис. 18).¹²

Четкое, красочное изображение одежды придунайских болгар имеется в орнаменте греческого

менология XI в., где показан болгарин, убивающий просветителя (?) болгар (св. Мануила, Георгия и пр.).¹³ На голове болгарина изображена высокая шапка красного цвета с изогнутым наперед круглым верхом, по краю обшита мехом. Волос не видно. Возникает впечатление,

Рис. 18. Изображение болгарина на стене древней крепости Аббоба-Плиска.

что шапка надета на бритую голову. Возможно, болгары, как и их предки оногуры, брили головы. Плечевая одежда, показанная на болгарине, представляет собой рубаху с вертикальным разрезом ворота длиной до талии, сшитую из хорошо выделанной овчины мехом внутрь. Рубаха изображена желтой, блестящей. Вероятно, она была покрыта шелком. Полы на груди расходятся и застегнуты на 8 нашивок-застежек. У горла они отогнуты и образуют два небольших лацкана. Рукава длинные, узкие, правый, образуя складки, плотно облегает руку, левый откинут. Юбка подола сплошная (без срединного разреза), короткая — прикрывает только верхнюю часть бедер. У края подола слева изображен высокий боковой разрез; спинка кажется длиннее переда, который у разреза имеет срезанный угол, переходящий в прямой край. Вдоль низа подола и в боковой разрез выступает густой мех черного цвета с длинным ворсом. Воротник из такого же меха украшает ворот.

На левой руке рукав нижней одежды закатан несколько ниже локтя. Из-под отогнутого рукава правой руки с кинжалом, занесенным для нанесения удара, виднеется блестящий край рукава нижней одежды черного цвета (панцирь?). Такого же цвета одежда проглядывает между отворотами ворота и в промежутках между застежками на груди. Под рукавом правой руки ниже проймы на кафтане имеется прямоугольная черная полоса, может быть, разрез для руки при откидном рукаве.

По талии кафтан опоясан узким ремненным поясом, украшенным рядом круглых бляшек. Спереди слева к поясу подвешен нож в ножнах и сумочка черного цвета.¹⁴ Штаны, по-видимому, короткие и выше колен заправлены в высокие ноговицы, плотно облегающие ноги. Сапоги с голенищами до середины голени. Надо думать, что одежда эта сохраняла традиционный покрой.

Об одеяниях аборигенов Северо-Западного Кавказа рассказывают археологические находки. Самым ранним могильником, в котором сохранились значительные остатки одежды, является Мощевая Балка — могильник VIII—IX вв., расположенный в глубине северокавказских предгорий на р. Большая Лаба — притоке Кубани — при впадении в нее речки Балки. Городище, с которым был связан могильник, контролировало выход к единственному в этих местах крупному Санчарскому перевалу, который выводил к Черному морю недалеко от Питиунта (Пицунды); здесь в то время проходил шелковый путь из Китая и Согда на Запад и из Средиземноморья и Византии — на Восток.¹⁵

Могильник был обнаружен директором средней школы с. Курджиново Е. А. Миловановым и затем совместно с ним исследован старшим научным сотрудником отдела Востока Гос. Эрмитажа А. А. Иерусалимской.

Благодаря сухости грунта, чистоте и сухости горного воздуха в погребении частично или полностью сохранилась одежда. Найдены комплекты мужской, женской, детской одежды и даже одежды кукол. Костюмы состояли из головного убора, верхней и нижней плечевой одежды, штанов, чулок, ноговиц и

обуви. Изготавливалась одежда из самых разных материалов, вероятно, в зависимости от материального достатка. Так, в погребениях обнаружены кафтаны: один из дорогой шелковой ткани, подбитый беличьим мехом; льняные, подбитые овчиной, и, наконец, покрытый заплатами кафтан из мешковины.

К сожалению, этот уникальный материал издан лишь частично. Иерусалимская пока опубликовала только верхнюю плечевую одежду вождя и описала ее покрой,¹⁶ заметив, что вся мужская верхняя плечевая одежда была однотипной. Различие проявлялось только в оформлении ворота и рукавов и в качестве материала. О некоторых других видах одежды, головных уборов и обуви упоминается вскользь.

По описанию автора, приведенным в тексте рисункам и чертежу основная масса мужской верхней плечевой одежды была тунико-образной, длиннополой, распашной, с прямым срединным разрезом ворота, при котором правая пола глубоко заходила на левую; отрезной — несколько ниже талии, слегка приталенной, с расширяющимся книзу подолом и двумя глубокими боковыми разрезами внизу.¹⁷ Рукава вшивались в прямую пройму, и длина их превышала длину руки. Застежка находилась в верхней части и состояла из симметрично расположенных на полах трех или четырех полос галуна, к концам которых пришивалась пуговка, обтянутая тканью, — на левой поле и петелька — на правой. У ворота и ниже талии застежек не было. Ворот либо заканчивался стоячим воротником, либо края бортов свободно отгибались и декорировались мехом, шелком или какой-либо другой тканью.

66

Кафтаны носили с кожаным поясом, к которому подвешивали нож в ножнах и маленький кошелек из кожи с амулетом:¹⁸

Кроме кафтанов-халатов традиционного покроя в Мощевой Балке найдены одежды, покрой и отделка которых свидетельствует об иноземном влиянии. В одном из погребений, например, найден кафтан-халат с одним только отворотом у ворота, с высокими шелковыми манжетами, шелковой каймой вдоль подола и с традиционными разрезами у края подола. Иерусалимская предполагает, что этот тип платья пришел из Согда. И действительно, на фресковой живописи Варахша (бухарский Согд) и особенно Тохаристана уже в VI в. появляются изображения длинных распашных одежд с одним отворотом у ворота, высокими манжетами и отделкой вдоль пол и подола.²⁰ Правда, на этих халатах, как правило, отсутствуют боковые разрезы, но в данном случае, вероятно, отдана дань местной традиции. Из Согда и других мест Средней и Малой Азии в то время шел основной экспорт шелка и, очевидно, готового платья. Так, например, по словам Истахри, хазары сами одежды не выделявали, но ввозили уже готовые одеяния из Средней Азии и Византии.²¹ С Согдом, по-видимому, следует связать также нераспашную плечевую одежду, названную Иерусалимской туникой. Насколько можно рассмотреть по опубликованной в статье фотографии,²² эта туника представляет собой рукавную рубашку с горизонтальным закругленным вырезом ворота со стоячим воротником и застежкой у левого плеча. Вдоль плеч нашиты прямоугольные полосы контрастирующей с материалом рубашки ткани воротника, являющиеся, очевидно, не только украшением, но и имеющие практическую задачу прикрыть на плечах излишний вырез ворота. Грудь туники украшает крупная квадратная нашивка из той же ткани, повернутая по диагонали. Сбоку виден глубокий запаушный карман.

На фресковой живописи Пенджикента VI—начала VIII в.,²³ в Варахше и в Тохаристане—Чаганиане (Афросиаб)²⁴ появляются изображения мужских фигур в нераспашной одежде с отделкой вокруг ворота и вдоль плеч. Покрой и отделка этой одежды напоминает «тунику» из Мощевой Балки.

Квадратные и круглые нашивки-украшения возникают под влиянием византийской моды, как подражание византийским орбикулам и таблионам. Таким образом, на местной почве происходит синтезирование иноземного типа одежды: платье согдийского облика украшается по-византийски.

Под верхнюю плечевую одежду надевалась нижняя, в виде сшитого из ткани халата (?), о покрое которой нам ничего не известно. Поясная одежда — короткие штаны. В статье Иерусалимской приведена фотография штанов из коллекции кукольной одежды. Они сшивались из двух несколько суживающихся книзу штанин и квадратного, повернутого по диагонали клина, на теле закреплялись посредством шнура, продернутого в рубец у верхнего края.

Обувь найдена двух типов: один — сапоги со швом по центру подъема, другой — обувь со швом по центру подметки.²⁵

Шапки мужские были шлемообразной формы (шелковые) и островерхие, типа колпака из раскопок близ ст-цы Змейской. Женские шапочки с накосником (из Мощевой Балки) напоминают, по словам Иерусалимской, шапочку, изображенную на бронзовой женской фигуре конского начальника из 14-й катакомбы Змейской.²⁶ По-видимому, это были плотно облегающие голову мелкие шапочки (шапка из двух одинаковых половин?).

Кукольная одежда уточняет и дополняет наши сведения о костюме обитателей Мощевой Балки. Так, на кафтане традиционного кроя (приталенный кафтан со стоячим воротником, тремя нашивками-застежками на груди, запахом справа налево, с боковыми разрезами) сохранились суживающиеся книзу длинные, длиннее руки, вшитые в прямую пройму рукава, что очень важно, так как на опубликованном

кафтано-халате рукава не сохранились, а здесь четко видны их длина и покроем. Среди предметов кукольной одежды обнаружено женское платье. Оно тунико-образное, расширяющееся от проймы вниз, с прямыми, полудлинными, вшитыми в прямую пройму рукавами. На верхнюю часть груди нашит прямоугольный кусок темной (по фотографии) ткани. В XIX в. таким образом в Закавказье (например, в Грузии) украшались мужские нижние рубахи. Однако перед нами не рубаха, а именно платье. Доказательством этому служат изображения женщин в платьях такого покроя, вырезанные на наружной поверхности стен дольменообразного склепа № 1 на р. Кривая, в Верхнем Прикубанье.²⁷

Вся одежда — верхняя, нижняя, плечевая и поясная, а также чулки, ноговицы и обувь в различной степени обильно украшались шелком, который здесь получали «в форме пошлин на перевалах, в уплату за проводников, лошадей, переноску грузов, подношения племенным вождям, а может быть, и путем грабежа».²⁸

А. А. Иерусалимская выделяет три характерных признака кроя традиционного кафтана: сплошной срединный разрез ворота с запахом справа налево, рукава длиннее руки, боковые разрезы у края подола — и связывает их с одеждой иранского населения, обитавшего со времен древности на всем Ближнем Востоке. Ираноязычным народом на Северном Кавказе были аланы. Иерусалимская считает этот кафтан традиционной аланской одеждой и сравнивает его с одеждой из аланских скальных погребений на Нижнем Архызе и Хасауте того же времени и с более поздними вещами, найденными в Змейском катакомбном могильнике X—XII вв., где обнаружены фрагменты одежды, напоминающие одежду из Мощевой Балки (длинный кафтан-халат с аппликациями из позолоченной кожи, кафтаны со стоячими воротниками и отворотами ворота, шлемообразные и островерхие головные уборы, ноговицы).

Автор полагает, что по Большой Лабе в то время обитало смешанное население, в состав которого входили коренные обитатели этих мест — адыги и переселившиеся к ним аланы; появление последних в предгорьях Северо-Западного Кавказа могло быть связано с поражением хазаро-аланских войск, нанесенным им арабами в начале VIII в. Это предположение подтверждается антропологическим анализом серии черепов из могильника, а также обнаруженной в погребениях одеждой, кроме того, разными типами могильных сооружений (один из них — скальные подбои — связан с аланскими катакомбами; другой — каменные ящики, бытовавшие на Северном Кавказе с древнейших времен, связан, очевидно, с адыгами).

Датируется могильник по металлическим предметам и керамике, аналогичным таковым салтовской культуры VIII—IX вв. Нашитые на шелковую тесьму индикации с византийских монет первой половины VIII в. Льва III и Константина из погребений девочки подтверждают эту датировку.²⁹

Мы, со своей стороны, должны отметить, что манера ношения плечевой одежды с запахом справа налево типична не только для иранского населения Кавказа и Средней Азии. Изображения халатов с двусторонними отворотами и запахом справа налево встречаются, например, на фигурках тюрков — приближенных бухарского повелителя VII—начала VIII в. (Варахша),³⁰ а также на тувинских погребальных памятниках — каменных *бабах* VII—IX вв.³¹

Итак, в период раннего средневековья восстанавливается торговля, пути которой после гуннского нашествия переместились в горы; поставляются ткани, восточные и западные, готовое платье, предметы роскоши. У местного населения появляются новые типы одежд: кафтаны с одним и двумя отворотами ворота, со сходящимися полами или запахом справа налево, с прямыми длинными рукавами с манжетом, отделкой вдоль пол и подола полосами контрастирующей ткани, византийскими орбикулами и таблионами, застежками-нашивками и т. д.; глухие и распашные платья у женщин.

Первые сведения о тканях, из которых изготовляли свою одежду живущие на плоскости адыги-кашаки (*касоги* — в русских летописях), относятся к X в. и принадлежат арабскому ученому Мас'уди. Он писал, что адыгские женщины «одеваются в белое, в римскую парчу, в ярко-алую ткань (сиклатун) и в различные парчовые ткани, затканые золотом. . .».³²

Адыги-кашаки не только покупали дорогие западные ткани, но и сами активно торговали с другими государствами. «Товары к ним идут на кораблях из Трапезонда, и с их стороны также отправляются корабли», — замечает Мас'уди. По его словам, они вывозили льняные ткани собственного производства «. . . того сорта, который именуется „тала“ — золото и который более тонок и носок, чем сорт „дабика“, один отрез его стоит 10 динаров. Такие же ткани вывозятся и смежными народами, но славится сорт, вывозимый кашаками».³³

В. Ф. Минорский отмечает, что в булахском издании «Мурудж ад-Дахаб» Мас'уди пишется не «лен» и «льняные ткани», а «кань» — конопля, о которой с древности известно, что она во множестве произрастает в Северном Причерноморье.³⁴ Возможно, ткани, изготовлявшиеся кашаками, делались из пенькового полотна.

Затем — лакуна. В течение нескольких столетий после X в. ничего не сообщается о том, как одевались адыги. Имеющиеся у нас сведения относятся уже к эпохе позднего средневековья — XIV—XVI вв.: это остатки одежды из курганов Прикубанья,³⁵ Черноморского побережья Кавказа и Пятигорья,³⁶ изображения мужских и женских фигур на металлических предметах, найденных во время раскопок, а также свидетельство очевидца — католического монаха генуэзца Георгио Интериано, более тридцати

лет прожившего среди адыгов и составившего описание их быта.³⁷

В погребальном обряде и инвентаре всех раскопанных курганов было много общего, однако выделялись обилием и богатством найденной в них одежды Белореченские курганы.³⁸

Раскопки Белореченской группы курганов в течение ряда лет производил Н. И. Веселовский. По его наблюдениям, верхняя наплечная одежда мужчин и женщин имела одинаковый покрой: спинка приталенная, перед прямой, борта одежды сходились; воротничок широкий и, как считал Веселовский, стоячий. Ворот открытый и образует два отогнутых лацкана, на которых нашиты дутые пуговицы. Застежка состояла из шнуров, нашитых горизонтально по обеим полам, к которым были пришиты с одной стороны пуговицы, с другой — петли. Ниже пояса шнуры не имели пуговиц и служили украшением. Одежда эта была сделана из дорогих тканей, а по бортам и вдоль пол окаймлялась узорчатыми, шелковыми с золотом лентами.

На скелетах из мужских погребений обнаружен только один кафтан, на женских — два и даже три кафтана; каждый кафтан опоясывался. Верхний кафтан отличался от нижних своим богатством и был короче их.

Материал Белореченских курганов изучала научный сотрудник Гос. Исторического музея В. П. Левашева.⁴⁰ Реставратору Е. С. Ви-доновой удалось восстановить верхний халат и короткий кафтан, носившийся под халатом.

Халат был сшит из золотного аксамитного итальянского бархата, на подкладке из зеленого шелка западного происхождения типа камки. Первоначальный лиловый цвет бархата к моменту раскопок приобрел коричневый оттенок. Халат имел прямой покрой, на плечах швы, был длинным, односторонним, со сходящимися полами, без воротника; кроился из четырех полотнищ: одно шло на спину, другое, разрезанное пополам, на полы и два — на рукава. Прямая пройма соответствовала ширине ткани. В боковые швы широким концом вверх вставлялись клинья, которые заменяли ластовку. Халат несколько зауживался книзу. Застежка — из горизонтальных нашивок, сплетенных из шелкового шнура «в косичку» и распущенных на противоположных концах. Петли на левой поле, серебряные пуговицы — на правой. Кончалась застежка у пояса, нашивки продолжались ниже пояса и служили украшением. Рукава, откидные у локтя, с нижней стороны были скошены, к кисти суживались. Нижние концы подшиты обшивкой из материала халата, а сверху имелись нарукавники из тонкой орнаментированной серебряной пластины. Выше локтя с внешней стороны были сделаны разрезы, у которых также имелись нашивки с застежками (рис. 19, 1, а).⁴¹

По крупным остаткам парчовых тканей, найденных при раскопках 1896 г., были восстановлены короткие кафтаны на подкладке из мужской могилы № 5 (рис. 19, 2, б) и из женской № 10 (рис. 19, /, в). Как считает Левашева, женщины носили такой кафтан под халатом. Покрой мужского и женского кафтанов одинаков: туникообразный, со швом посередине спины и двумя полами; ворот спереди вырезался мыском, и к нему пришивали прямую, сложенную вдвое полосу материи, которая образовывала высокий стоячий воротник «kozyрем». Полы сходились, в бока вставлялись клинья, расширявшие подол кафтана, который был длиной выше колен. Застежка в виде нашивок из тесьмы и крупных серебряных, реже золотых пуговиц. На некоторых кафтанах нашивки, приближаясь к талии, постепенно укорачивались, при удалении от талии к подолу удлинялись. Ниже талии они служили украшением.⁴² Покрой этого кафтана, по мнению Левашевой, в целом совпадает с покроем шелкового кафтана из Увека,⁴³ кроме полуотложного воротника более сложного покроя, а также менее богатой отделки. Проймы у этих кафтанов прямые, но рукава не сохранились ни в Белореченской, ни в Увеке.

Н. И. Веселовский неоднократно находил в погребениях остатки шелковых и кожаных штанов, из которых в «удовлетворительном» состоянии были только штаны из женского погребения (курган № 20, раскопки 1896 г.), сделанные из кожи и состоящие из двух отдельных половинок, имеющих наверху шнурок. Штаны заправлялись в обувь и закреплялись на ногах наряду с верхним шнурком еще ниже колен особыми подвязками с серебряными позолоченными пряжками; «подобные пряжки встречались в десяти мужских погребениях и двух женских, но от штанов остались одни обрывки. . .».⁴⁴

Нижнее нательное платье мужчин и женщин шилось из гладкого шелка или камки. Покрой его определить не удалось; Левашева пишет, что ворот его был виден из полуоткрытого на груди ворота верхнего кафтана и наглухо застегивался на более мелкие, чем у верхней одежды, пуговицы и петли из короткой тесьмы.⁴⁵

Покрой белореченской обуви точно не восстановлен. По словам Веселовского, «на ногах у мужчин находились кожаные сапоги с низкими голенищами и прямыми носками, без каблуков. У женщин такие же сапоги, только более изящные. . . некоторые сделаны как бы сборами; на других имеется орнамент в виде кружков и т. п. Цвет преимущественно коричневый, иногда с разными оттенками».⁴⁶ Заметим, что обувь из пятигорских курганов состояла из ноговиц и отдельно надевавшихся чувак; Левашева предполагает, что в XIV—XV вв. на Кубани бытовали разные типы обуви и кроме обычной будничной употребляли и яркую нарядную.⁴⁷ Нам же кажется, что в данном случае нужно говорить о разных традициях.

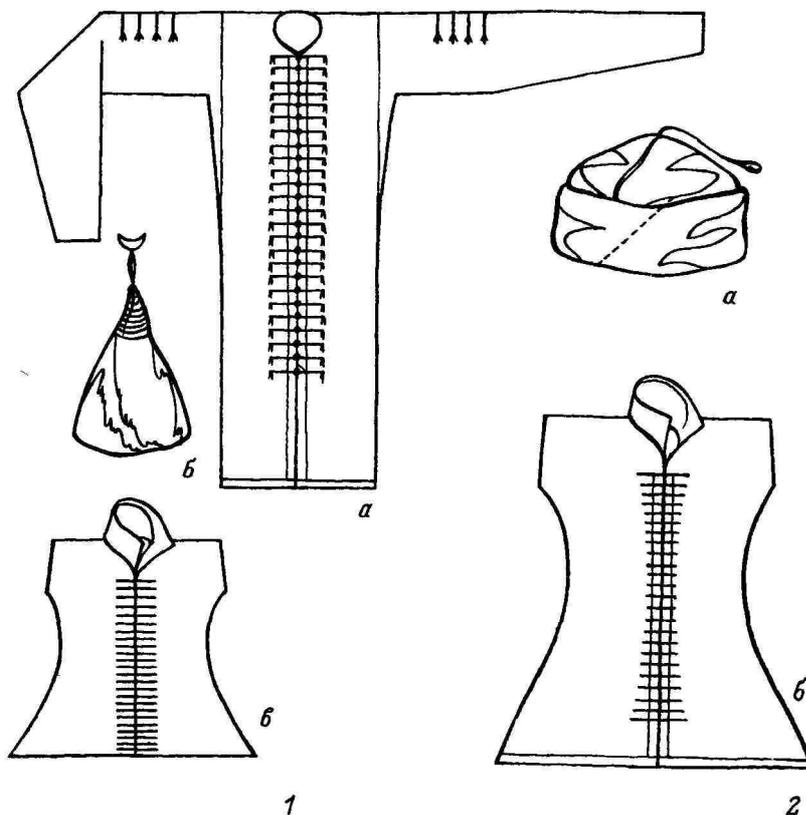

Рис. 19. Одежда из Белореченских курганов.

1 — женская (а — верхний халат, б — головной убор, в — нижний кафтан); 2 — мужская (а — тюбетейка, б — кафтан).

Головные уборы у мужчин и женщин были разные. Мужчины носили тюбетейки из парчи или шелка на шелковой подкладке (рис. 19, 2, а), которые состояли из прямого околыша и верха из 4 клиньев. По швам тюбетейка украшалась шнуром или вышивалась шелком. Подкладка выкраивалась таким же образом, только верхушка была в форме круга. К макушке пришивался шнур с кисточкой на конце.⁴ В одном кургане найдена высокая меховая шапка, которая была положена покойнику в ноги.

Женские головные уборы были остроконечными с макушкой в виде шишача с лунницей на стержне (рис. 19, 1, б), иногда с грушевидными подвесками на цепочках. Делались шапочки из войлока, парчи и т. д. и расшивались в верхней части шнуром. У некоторых верхушка была сделана из тонкого листового серебра. Часто в погребениях встречались одни металлические стержни с лунницами от уборов. Так, например, наверхия в виде лунницы на стержне были найдены под Пятигорском, а в одном из курганов Карраса найден похожий на белореченский головной убор из серебра.⁴⁹

Один раз в женском погребении были обнаружены остатки шубы из меха дикой козы,⁵⁰ но ее покрой восстановить не удалось.

Необходимой принадлежностью одежды являлись пояса: из шелковой ленты с металлическим набором, иногда целиком металлические из бронзы (пояса-цепи), в одном случае из золота (наборные пояса и пояса-цепи бывают часто изображены на тувинских и монгольских каменных *бабах* V—VIII вв.).

Серебряными, реже золотыми были пуговицы на одежде. Главным образом золотыми были украшения: мужские серьги в виде плоского незамкнутого кольца и женские в форме вопросительного знака, немногочисленные женские кольца, туалетные принадлежности.

Таким образом, судя по материалам из Белореченских курганов, в состав мужского костюма адыгской (?) знати XIV—XVI вв. входило нательное белье, опоясанный кафтан длиной по колени, с воротником, стоящим козырем; штаны из 2 половинок (ноговицы), заправляющиеся в сапоги с невысоким голенищем, и тюбетейка, возможно, высокая меховая шапка.

В состав женского костюма входили те же предметы одежды: белье, опоясанный кафтан такого же покроя, как мужской, халат с откидными у локтя рукавами, суживающийся книзу, поясная одежда, состоящая из 2 половинок, сапоги и высокий головной убор. В качестве зимней (?) одежды носилась шуба.

Обнаруженные в курганах шелк и золотые ткани большей частью восточного (иранского) происхождения, но встречается и итальянский бархат, и китайский шелк типа камки.⁵¹

Н. И. Веселовский пишет о двух или трех кафтанах, обнаруженных на женских скелетах, и о последовательной их длине, при этом самая верхняя одежда была самой богатой и самой короткой. Это традиция, напоминающая о влиянии Грузии и Византии и сохраняющаяся, несмотря на сильное

золотоордынское влияние. Каждый кафтан, по словам Веселовского, опоясывался, что было абсолютно нетипично для Византии, и здесь мы можем предположить местную традицию.

Вероятно, Веселовский и Левашева сообщают о разных и, «-видимому, разновременных погребениях. Фасон кафтана, описанного Левашевой, и манера его ношения говорят как будто о старой тюркской традиции.⁵²

Анализ могильного инвентаря, проведенный Левашевой, устанавливает большое количество связей как с одновременными, так и с более древними кавказскими культурами, из чего, по ее мнению, следует, что Белореченские курганы принадлежали местному коренному населению. Тем не менее вопрос о принадлежности Белореченских курганов в настоящее время дискутируется. Исследования последних лет, проведенные Г. Аракелян, говорят о том, что с XI в. на этой территории проживали черкесо-гаи, потомки армянских переселенцев (воинов, как полагает автор; купцов, по мнению Л. И. Лаврова), женившихся на черкешенках и осевших на Северном Кавказе и длительное время сохранявших свою религию и обычаи. Между тем следов христианского ритуала в погребениях не обнаружено. В этом случае связи с древними кавказскими культурами становятся понятны, так как женами на протяжении многих поколений становились черкешенки.

Очевидно, в районе современного Белореченска в то время уже существовало крупное поселение и шла бойкая торговля. Таким образом, вопрос о принадлежности Белореченских курганов остается пока открытым. Отметим только влияние кипчакской «моды» на одежду и состав украшений, найденных в курганах, сказавшееся в покрое коротких кафтанов, схожих с кроем татарского кафтана из Увека, манере крепления штанов и голенищ наколенными ремнями с пряжками или, как пишет Веселовский, «. . . особыми подвязками». Кроме того, наше мнение подтверждают следующие особенности: сапоги с короткими голенищами и круглым носком (изображения которых встречаются на части кипчакских каменных баб); отделка кафтанов вдоль края пол и подола полосами (парчовых?) контрастных тканей; мужские серьги в виде незамкнутого кольца (основной тип серег, показанных на мужских статуях половцев); женские серьги в форме вопросительного знака (распространившиеся в период главенства Золотой Орды).

Сведения об одежде адыгов XIV—XVI вв. дополняют изображения мужских и женских фигур в одежде на металлических пряжках (?), найденных в Белореченских курганах, а также описание быта черкесов (как раньше называли всех адыгов), оставленное Георгио Интериано (2-я половина XV в.).

До наших дней дошло два варианта рукописи Интериано. Один из них, представляющий собой первоначальный текст, в котором ничего не изменила рука редактора, впервые был издан в Венеции в 1502 г. Альдо Мануцио. Этот текст на русский язык перевел Н. А. Пенчко, а В. К. Гарданов включил его в свою книгу.⁵³

Второй вариант рукописи, обнаруженный А. Веселовским в середине прошлого столетия среди рукописей флорентийской библиотеки, был опубликован им в оригинале и в русском переводе.⁵⁴ По мнению Гарданова, это литературно обработанный и исправленный вариант первоначального текста. Учитывая встречающиеся в текстах разночтения, мы пользуемся обоими вариантами.

В своем «Описании» Интериано сообщает множество очень ценных сведений: этнонимы, под которыми в то время были известны адыги, территория, которую они занимали, социальная структура, хозяйство, уровень развития ремесла, торговля, жилища, одежда, обычаи, верования и пр. «Зиками зовутся они на народном греческом и латинском языках, татары и турки зовут их черкесами, а на их собственном наречии имя им адыга. Живут они от реки Таны до Азии по всему морскому берегу. . . (...) Вся их береговая полоса в границах Азовского моря и вне го обнимает до 400 миль, а внутри страны они живут на восемь дней пути, не имея ни одного стенами укрепленного города... (. . .) Со стороны суши они граничат со скифами, т. е. татарами». Далее, Интериано замечает, что так как у них не ходит никакая монета, особенно во «внутренности» края, то все расчеты делаются на куски холста, «размеренные, чтобы стало на рубашку». «Их верхняя одежда, — пишет Интериано, — плащ из войлока, род католической рясы, которая носится на одном плече, оставляя на свободе правую руку; на голове войлочная шапка, острая будто голова сахара. Под плащом они носят кольчугу, спускающуюся до пояса складками на староримский лад; сапоги и щиблеты, надевающиеся одни на другие, очень красивые, и халат с широкими рукавами из холста. Ходят они в длинных усах и постоянно носят с собой огниво в красивой кожаной мошне, вышитой их женами, а также бритву и оселок, чтобы точить эту бритву, которою они бреют голову, оставляя на макушке длинный чуб. . . Но над всем похваляется их щедрость, почему они много дарят, только не сбруей и оружием, а платьем, и бывают щедры до излишества. Оттого они всегда полураздеты: ибо всякий раз, как им случится сделать новое платье или рубашку из красной тафты, какие у них в употреблении, тотчас же вассалы выпрашивают себе то и другое. . . и выходит по большей части, что знатные хуже бывают одеты, чем другие люди, за исключением сапог, оружия и коня, которого никогда не дарят».⁵⁵

«Их военный головной убор походит на те, которые мы видим на древних изображениях, он закрывает щеки и прикрепляется под горлом, по древнему обычаю. . . Знатные женщины у них не занимаются никакой работой, за исключением вышивания и украшения кожаных изделий; они расшивают узорами

кожаные кисеты для огнива. . . и очень красивые кожаные же кушаки. . .»⁵⁶

Судя по этому описанию, мужская одежда зихов-адыгов состояла из рубашки холщовой или из красной тафты, халата с широкими рукавами из холста, войлочного плаща, широких шаровар, мягких сапог или, скорее всего, кожаных чулок, «щиб-лет» (чувак или обуви типа *дабру*) и остроконечного войлочного колпака. Плечевая одежда опоясывалась кожаным, расшитым узорами кушаком.

«Широкие шаровары» могли представлять собой две широкие и длинные ноговицы или штанины, край которых прикреплялся к поясу, — одежда, характерная для древних ираноязычных, в том числе, возможно, и некоторых сарматских племен.

Нужно отметить, что в период средневековья поясная одежда типа двух отдельных прикрепляющихся к поясу штанин была еще широко распространена. Такую поясную одежду нашел Н. И. Веселовский в Белореченских курганах, одинаковую для мужчин и женщин. Найдена она и в кочевнических погребениях XII в. на Украине и в Ростовской обл. С. А. Плетнева по этому поводу пишет: «Штанов в современном понимании на покойниках не было. Вместо них на ноги до паха были натянуты чулки».⁵⁷

Подобные типы несшитых штанов бытовали в древности у некоторых скифских племен, а в средние века они были широко распространены на Востоке и Западе, в частности в Западной Европе.⁵⁸ В новое время они известны, например, у китайцев, а в Закавказье встречались в Азербайджане еще в середине XIX в. Большой интерес представляет защитное вооружение адыгов: кольчужная рубашка, «спускающаяся складками на староримский лад», и сохраняющий свою древнюю форму головной убор, закрывающий щеки и закрепляющийся под горлом. Изображение таких уборов Георгио Интериано наблюдал на древних рельефах (которых было в XV в., очевидно, значительно больше, чем теперь). Мы уже сошлемся на головной убор, изображенный на голове статуи, найденной членом Таманской экспедиции 1961 г. архитектором Гунькиным,⁵⁹ на головные уборы, изображенные на золотых фигурках магов из Амударьинского клада, а также на фигурах рельефов Персеполя. Уборы эти имели назатыльник, полузакрывающие щеки «наушники», которые, как правило, завязывались под подбородком, а ритуальные и военные уборы закрывали рот и подбородок.

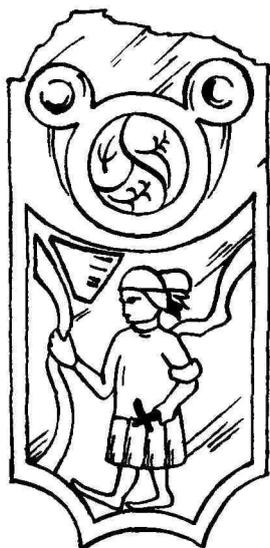

Рис. 20. Изображение на пряжке от ногового ремня (Белореченские курганы).

Несколько напоминающий описанный Интериано, но не идентичный костюм изображен на двусторонней пряжке от подколенного ремня из женского погребения ст-цы Белореченской. На одной стороне воин изображен в шлемообразном головном уборе, опоясанном кафтане длиной по колени с широкими, загнутыми выше локтя рукавами и складками на подоле. На ногах — мягкие остроконечные сапоги. За спиной развевается шарф. Правой рукой воин держит большой лук, в левой — двусторонний молоток (топор-клевец?) (рис. 20). На обратной стороне пряжки изображен воин, стреляющий из лука. На нем круглая шапочка типа черкесской тубетейки, рубашка с прямым срединным разрезом круглого ворота длиной до талии, длинными прямыми (?) рукавами и прикрывающим бедра широким внизу подолом с боковыми неглубокими разрезами по краям. Рубашку плотно охватывает пояс. За спиной — шарф. Поясная одежда и обувь не ясны.⁶⁰ Можно предположить, что на пряжке изображен персонаж эпического сказания (может быть, герой, прославившийся своими подвигами на войне с монголами?). Материалы, найденные в Белореченских курганах, описание одежды зихов, оставленное Интериано, а также изображения мужской одежды на щитках пряжки говорят о разнообразии типов одежды, бытовавшей в то время на Северо-Западном Кавказе и принадлежавшей, очевидно, различным этническим группам.

Отдельные предметы одежды зихов-адыгов, описанные Интериано, имеют параллели в археологических памятниках более раннего времени и в находках из одновременных курганов. Так, например, обувь состоящая из мягких чувак и сапог или из ноговиц и чувак, известна уже с VII—XI вв.

(Мошевая Балка). В аланских погребениях Змейской X—XII вв. найдены кожаные чулки и ноговицы; в Дзивгисе (XГП в.?) — кожаные чулки, ноговицы и чувяки; под Пятигорском в курганах XIV—XV вв. — ноговицы и чувяки.

На пряжке изображена одежда, похожая на одежду алан X—XII вв. (шлемообразный головной убор, шарф, мягкие сапоги-чувяки). Опоясанный кафтан со складками на подоле и широкими рукавами свидетельствует о бытовании в то время широких рукавов на одежде разного покроя. На другой стороне щитка «черкесская» тюбетейка сочетается с рубашкой, по своему покрою несколько напоминающей наплечную одежду болгарина XI в. (возможно, в результате взаимовлияний и близкого образа жизни создавались близкие по облику одеяния).

Адыгская знать помимо обычных народных видов одежды пользовалась привозными, изготовленными из дорогих тканей, в то время как простонародье носило одежды из домотканины и дольше придерживалось традиционного покроя.

Интерьяно писал о том, что у адыгов бытовали войлочные головные уборы «. . острые, словно головы сахара. . .». В Белореченских курганах колпаков не обнаружено, мужчин хоронили в тюбетейках — нижнем головном уборе или подшлемнике.

На каменных статуях Предкавказья, оставленных кочевавшими там тюрками (гуннами, тюркюту), изображены круглые шапочки. По мнению Гезы Фехер, тюрки изображали погребенного в тюбетейке, так как показывали его в момент ритуального жертвоприношения, а лишить его головного убора совсем было невозможно, ибо, по представлениям тюрков, головной убор и пояс являлись символами свободного состояния.⁶¹ Представления тюрков, очевидно, сыграли здесь какую-то роль. Подобно тому как тюрки изображали умершего в тюбетейке, а придубайские болгары просили у папы Николая I разрешения входить в церковь в «лигатуре линтей» — нижней шапочке из холщовых лент, черкесы (?), хоронившие в Белореченском могильнике, при погребении надевали на голову покойника нижний головной убор.

Сейчас трудно объяснить, отчего в ногах у одного из погребенных была положена высокая меховая шапка. Сам факт появления в погребении верхнего головного убора свидетельствует о нарушении погребальной обрядности. Возможно, погребенный принадлежал к иной (но близкой ?) этнической группе.

Тюбетейка как мужской головной убор была очень широко распространена на Северо-Западном Кавказе в XIV—XV вв. Остатки ее найдены в погребениях этого времени на Черноморском побережье Кавказа, в Кабарде, Пятигорске, Белореченских курганах. Вместе с черкесскими мамелюками она попала в Египет, где в соответствии с местными вкусами превратилась в головной убор юношей и женщин.⁶²

С другой стороны, «. . острый, словно голова сахара...» колпак также был широко распространен среди народов Предкавказья, Малой Азии, Восточной Европы и в Закавказье. Это так называемый *калансуву* — головной убор волжских болгар и русов, известный с начала X в. по описанию Ибн-Фадлана. В XII—XIII вв. *калансуву* стал модным в Иране и Ираке: его изображения встречаются на миниатюрах этого времени.⁶⁴ Носили его «. . халифы-аббасиды, их везиры, кадии».⁶⁵

Интересно отметить, что в XIII в. Гильом Рубрук наблюдал у русских перевозчиков на Дону высокий острый колпак и прикрывающий одно плечо плащ,⁶⁶ т. е. предметы одежды, бытовавшие и у черкесов. Изображение такого колпака найдено на керамических блюдах XIV в. близ Сухуми⁶⁷ (рис. 21) и на рисунке грузинской псалтыри XVI в.⁶⁸

Калансуву не везде был одинаков. В погребении из Дзивгиса он имел изогнутый наперед край, назатыльник и наушники, т. е. этот головной убор был приспособлен к климату и долгим кочевьям. На иранских и иракских миниатюрах XII—XIII вв., на керамических тарелках, найденных при раскопках в Сухуми, и на рисунке грузинской псалтыри изображен круглый колпак с торчащим кверху длинным узким краем. Судя по описанию отца Георгию, именно *калансуву* бытовал у адыгов в XV в.

Рис. 21. Изображение головного убора типа калансуву на обломке тарелки.

По всей видимости, высокий колпак с острым верхом и тюбетейка существовали на Кавказе у разных этносов одновременно, но в то время как тюбетейка служила нижним головным убором, колпак был убором верхним. Прибавим также, что каждый народ вносил в эти головные уборы какие-нибудь изменения, приспособлявая их к традиционным, привычным по крою и орнаменту формам.

Халаты с широкими рукавами и кафтаны с откидными у локтя рукавами в качестве верхней женской одежды продолжали бытовать у восточных адыгов (кабардинцев) еще в первой половине XVII в. На рисунке, выполненном Адамом Олеарием в 1636—1639 гг., изображены кабардинцы, мужчина и женщина, в народной одежде (рис. 22). На женской фигуре показано три вида одеяний: нижнее — рубаха длиной по колени с круглым застегнутым воротом с глубоким срединным грудным разрезом; следующее — распашная одежда — халат с длинными прямыми широкими рукавами, и верхнее — халат длиной ниже голени с широкими, у локтя разрезными рукавами с двумя поперечными нашивками-застежками. Ниже края подола верхнего халата и между его расходящимися книзу полами видны суживающиеся к лодыжкам штаны, доходящие до грубых туфель типа чувяк высотой по лодыжку (дабри ? чарыки ?). На шее — длинная нитка крупных бус, спускающаяся на грудь, с подвеской четырехугольной формы с круглой вставкой посередине. На голове изображен вдовый головной убор, очевидно, поразивший европейцев своей необычностью, так как Олеарий всех кабардинок изображал в этом уборе.⁶⁹ Такая же одежда показана на фигуре кабардинки, нарисованной перед городом Терки, только посередине низки бус у нее подвеска треугольной формы.

Рис. 22. Кабардинцы, изображенные Адамом Олеарием (1-я половина XVII в.).

Составленное Адамом Олеарием описание внешнего облика кабардинцев уточняет особенности в их прическах, головных уборах и обуви. Кабардинки, по его словам, «. . .обыкновенно хорошо сложены,

миловидны, волосы черные как смоль в виде двух длинных крученых локонов свисают с обеих сторон; ходят они с открытыми лицами, на голове у них двойные подушечки, на которые они кладут нежный бумажный платок или платок пестро вышитый и затем все это связывают под подбородком. У вдов же сзади у головы большие надутые бычачьи пузыри, обвитые пестрым флером или белой бумажной материей, издали получается впечатление, точно у них по две головы. В летнее время женщины ходят в одних сорочках, окрашенных в красный, зеленый, желтый или синий цвета, сверху до пупа раскрытых, так что можно видеть груди, живот и пуп».⁷⁰

Это обычная женская одежда, очевидно, всех слоев населения, так как в торжественных случаях знать одевалась несколько иначе. Так, например, княгиня Бикэ, принимавшая членов Голштинского посольства, была одета «. . в длинный черный, подбитый соболями кафтан или спальный халат. Сзади к голове был прикреплен бычий пузырь, который, подобно голове, был обвит флером, шитым шелком и золотом. Вокруг шеи был надет пестрый шелковый платок, концы которого свисали вниз и были распущены на плечах».⁷¹

Описанный Олеарием княжеский наряд или подобный ему был им приобретен и вывезен в герцогство Голштейн-Готторпское, где впоследствии, надетый на манекен, изображающий Бикэ, экспонировался вместе с другими восточными костюмами, также вывезенными Олеарием, на одной из экспозиций Готторпской кунсткамеры. Эта экспозиция была зарисована художником и гравером Августом Ионом, а гравюра опубликована в «Описании Готторпской кунсткамеры», сделанном Адамом Олеарием и напечатанном в Шлезвиге в 1674 г.⁷²

К сказанному Олеарием можно прибавить, что длинные рукава кафтана Бикэ несколько суживались к кисти, что кафтан имел отложной воротник, запах справа налево и застегивался у талии.

Под кафтан была надета одежда с круглым вырезом ворота, но без грудного разреза. На шею показана низка бус с крупным гребешкообразным украшением-подвеской в центре. На ногах -мягкие чупаки. Волосы Бикэ изображены распущенными вдоль плеч.

О кабардинцах Олеарий писал: «Одежда мужчин похожа на дагестанскую, но шапки их несколько шире и почти похожи на иезуитские шапки. Войлочные их плащи висят у них на ремне или на ленте через плечо. Они у них не запахиваются, а поворачиваются ими по ветру и дождю; под ними тело может считаться вполне закрытым от всякой непогоды и ветра; у них длинные черные как смоль волосы; от лба через темя вплоть до затылка они дают себе выбривать полосу шириною в дюйм; помимо того, вверху на макушке дают свисать небольшой изящно сплетенной косе».⁷³

На рисунке Олеария (рис. 22) кабардинец изображен в кафтане длиной ниже колен, с отложным воротником, срединным разрезом и запахом слева направо, с длинными неширокими рукавами. Ниже подола кафтана на ногах видны штаны, суживающиеся книзу и достигающие до чупак (высотой по лодыжку). На голове — глубокий головной убор с плоским донышком. Из-под шапки на плечи выбиваются густые длинные волосы. На ремнях, проходящих через плечи, укреплен трапециевидный кусок мохнатого войлока — прообраз будущей бурки. В правой руке — лук. Это обычная повседневная одежда всех кабардинцев, «крестьянская», как характеризует ее Олеарий. Знатные носили кафтаны, изготовленные из дорогих импортных шелковых тканей. Так, старший сын Бикэ, правитель князь Мусал, был одет в шелковый кафтан, в то время как два его младших брата, присутствовавшие на приеме посольства, «. . были в простых крестьянских одеждах и в накиннутых войлочных плащах».⁷⁴

Надо сказать, что составленное Олеарием описание стало классическим и многие авторы, посещавшие Кавказ или писавшие о нем в XVII—начале XVIII в., приводили в своих книгах сведения Олеария, часто не упоминая его имени. Так, например, О. Даппер, посетивший Северный Кавказ в XVII в., писал, почти цитируя Олеария: «. . мужская одежда черкесов похожа на дагестанскую, шапки у них шире и напоминают иезуитские, бурку черкесы носят на ремнях или на связке. . . женские рубахи сделаны из грубой красной материи; на голове женщины носят двойные валики, которые обвязывают мягкой бумазеей или платком, обшитым мехом шириной в ладонь, который завязывают вокруг лица у шеи. Вдовы носят бычий пузырь, обвязанный пестрым флером или белой бумазеей. . .».⁷⁵

Интересные сведения об одежде кабардинцев сообщил Я. Я. Стрейс, голландский парусный мастер, завербованный в Московию для плаванья по Каспийскому морю. Стрейс был на Кавказе с 1668 по 1673 г., причем большую часть времени находился в плену в Армении и в Грузии на положении раба.

Его описание кабардинской одежды несколько отличается от сделанного Олеарием. Он пишет, что женщины лица не закрывали, волосы заплетали вокруг головы в семь или восемь косичек; носили «красивые двойные черные шапочки» (вероятно, валики), а сверху «черный бархатный чепчик». Вдовы привешанный к затылку бычий пузырь украшали кусочками сукна или разноцветными платками. «Зимой они носят шубы, а летом ходят в одних рубахах — желтых, красных, синих или зеленых, открытых до пупка. Те, которые хотят показать, что они не из простонародья, носят узкие штаны до икр или до косточек. Поверх они надевают две одежды без рукавов (как одежда наших детей), плотно облегающих тело. . .»⁷⁶

На гравюре, опубликованной в книге Стрейса, изображены конный кабардинец и кабардинка, ведущая за руку ребенка (рис. 23.). Она без головного убора, волосы показаны падающими кручеными

локнами на правое плечо. На ней рубаха с глубоким грудным разрезом и длинными рукавами, которые заканчиваются манжетами; на правой руке манжет плотно обхватывает руку у кисти, на левой расстегнут. Сверху рубашки надета одежда, образующая у края подола фалды, ниже которых виднеется подол нижней рубахи. По словам Стрейса, таких одежд было две и они плотно облегли тело, но на рисунке этого не видно. На ногах — штаны и грубые туфли, напоминающие чуйаки. Кабардинец также без головного убора, с выбритой полосой посередине головы. На нем кафтан, крой которого не виден, на ремне через плечо трапециевидный войлочный плащ, за спиной — лук и колчан со стрелами. «Кабардинцы, — говорит Стрейс, — выбривают полосу через всю голову и оставляют косу на затылке. Длинные и черные волосы висят по обеим сторонам лица, иногда распущенные, а иногда завязанные или заплетенные. Их одежда состоит из серого верхнего платья, поверх которого надевается бурка косматой грубой шерсти. Она завязывается или застегивается на пуговицу у шеи, чтобы ее можно было поворачивать на любую сторону от дождя, пыли и ветра. Шапки у них из лоскута сукна, сложенного вчетверо».⁷⁷

Суммируем сказанное выше. В состав мужской одежды кабардинцев первой половины XVII в. входили: кафтан из серой шерстяной домотканины длиной до середины голени, с отложным воротником и запахом слева направо; неширокие штаны по лодыжку; грубые чуйаки (чарыки ?); глубокая шапка с плоским верхом (из четырех долек ?) и трапециевидный плащ из мохнатого войлока на ремне через плечо. Женщины летом носили только одно платье-рубаху с круглым (по шее) вырезом ворота и глубоким грудным разрезом. В холодное время поверх рубахи надевался халат с широкими прямыми рукавами и кафтан с разрезными у локтя рукавами, ставший уже предметом повседневной носки. Зимой (?) носили шубы. Поясной одеждой служили узкие штаны, которые надевали «. . те, кто не из простонародья» (т. е., очевидно, в прошлом кабардинки штанов не носили),

Рис. 23. Изображение кабардинцев на гравюре, опубликованной Стрейсом (XVII в.).

а также две облегающие тело безрукавки; обувь — чуйаки или чарыки. В состав головного убора женщин входили двойные валики, покрытые платком, — очевидно, результат влияния моды Золотой Орды, и чепец (?). Вдовы у затылка прикрепляли бычий пузырь, покрытый (как и голова) флером. Следующее упоминание кабардинцев и их одежды связано с именем турецкого путешественника Эвлия Челеби и относится ко второй половине XVII в. Он посетил Северный Кавказ дважды—в 1641 — 1642

и в 1666—1667 гг. — и оставил описание отличительных черт одежды тех народов, мимо которых проезжал. Причем как истый мусульманин, Челеби в первую очередь отмечал влияние, оказываемое проникающим на Кавказ исламом, проявляющееся прежде всего в цвете одежд и головных уборов, в качестве ткани, из которой они делались, в типе прически. О принявших мусульманство жителях Большой Кабарды Челеби сообщал: «И сие племя кабарты, с тех пор как стало мусульманским, и поныне носит белые шапки из грубой ткани и белые одежды, стрижет и бреет все волосы. . .»⁷⁸ Нужно полагать, Эвлия Челеби, говорил об одежде высших слоев населения, так как ислам в первую очередь принимала родовая знать.

Описывая обитателей Малой Кабарды или, как называл ее Челеби, Таустана, он помимо чисто мусульманского влияния (бритье голов и бород у мужчин, убиение волос под головной убор у женщин) указывает на сильное воздействие культуры Ирана, проявившееся в распространении и повсеместном бытовании иранских видов одежды, которые в свою очередь находились под сильным влиянием турецкой моды.⁷⁹ У мужчин это *кафтан-аба* с высоким воротником и длинными «завязанными внизу» (за спиной) разрезными рукавами, высокий белый «колпак» из шерстяной домотканины, персидские туфли. У женщин и девушек — облегающие фигуру кафтаны из светлых персидских тканей, шапки из грубой шерстяной ткани, отороченные лисьим мехом.⁸⁰ Турецко-персидское влияние отметил и французский путешественник ювелир Ж- Б. Тавернье, который, как считают, лично в Кабарде не был, однако оставил подробное описание одежды и обычаев кабардинцев (?) и кумыков.

Тавернье в середине XVII в. совершил несколько путешествий на Восток и посетил Кавказ. Он описал обычаи и одежду какой-то группы черкесов (кабардинцев?). По его словам, все черкесы (кабардинцы?), мужчины, женщины и дети, одевались одинаково: нижней одеждой им служило «платье» из цветной хлопчатобумажной ткани, под которое они надевали нижние штаны такой ширины, «. . что при исполнении естественных надобностей им нужно только подтянуть край одежды, а не расстегивать ее». Верхней одеждой им служила короткая стеганая куртка, названная Тавернье камзолом, край которой касался бедер, и плащ из плотного толстого сукна длиной по колени с разрезанными сверху донизу рукавами, которые, по словам автора, они иногда завязывали за спиной. Опясывали плащ простой веревкой.

У взрослых головным убором служила маленькая шапочка из того же материала, что и плащ, вроде скуфьи (ермолки), которая по форме «несколько напоминала ночной колпак». По выходе замуж девушки изменяли свой головной убор — привязывали сзади к головному убору большой кусок войлока, покрытый белой вуалью, сложенной в мелкие складки.

На ноги кабардинцы (?) надевали ноговицы длиной по лодыжку, подвязывая их выше колен завязками, и чувяки из козлиной кожи с одним швом наверху.

Волосы носили длиной «до нижнего краешка уха», а мужчины выбривали посередине головы полосу в два пальца шириной от лба до затылка и брили бороды, отпуская их только после 60 лет.⁸¹

По мнению Гарданова, сведения о черкесах, сообщаемые Тавернье, отражают уровень знаний об этом народе, существовавший в то время у их южных соседей (Персии, Ираке, Турции, Сирии и др.).⁸²

Отметим, что эти сведения довольно точны. Так, отдельные предметы одежды, входившие, по описанию Тавернье, в состав черкесского костюма, находят аналогии в описании одежды разных групп западных адыгов таких авторов, как Челеби (плащ-аба, скуфья (ермолка), бывшая головным убором различных групп черкесов; женские кафтаны из цветных тканей, обувь); Дортелли д'Асколи (женский головной убор черкесов); А де Мотрэ (плащ или кафтан-аба — у кабардинцев), а также в археологических материалах из ингушских склепов, а именно нижнее цветное «платье»-рубаша, штаны-шаровары (правда, не такие широкие, как описанные Тавернье), стеганый короткий «камзол». Можно, пожалуй, сказать, что описание, оставленное французским ювелиром, подтверждает бытование на Северном Кавказе всех этих вещей.

В связи с рассматриваемым вопросом представляет интерес памятник на р. Этока (Пятигорье) некоего Георгия, получивший в народе наименование Дука-Бека, находящийся вне пределов современных границ Кабарды, но в непосредственной близости к ним. Это статуя-полуфигура молодого мужчины. Ее постамент со всех четырех сторон покрыт рельефами, изображающими сцену жертвоприношения.⁸³

На камне вырезаны всадники, люди, стреляющие из лука или черпающие из большого сосуда, борьба с пятиглавым змеем, животные. На лицевой стороне, ниже полуфигуры Дука-Бека, видна надпись из девяти строк, сделанная греческими буквами.

Мужчина изображен в нижнем головном уборе — стеганой тубетейке, объемная стежка которой образует узор в форме полуovalов; коротком, длиной до бедер, прямом (туникообразном?) стеганом кафтане, сшитом из четырех узких полотнищ; с осевым разрезом круглого (по шее) ворота со стоячим воротником, вшитым на спине углом между расходящимися полотнищами спинки (рис. 24), со сходящимися полами, с поперечными застежками до талии на обеих полах. Длинные рукава от плеча к кисти покрыты вертикальной стежкой. Талию охватывает широкий пояс. За поясом в уменьшенном масштабе показано оружие: справа — нож, слева — лук со стрелами и сабля. На воротнике сзади

вырезано изображение равноконечного креста.⁸⁴

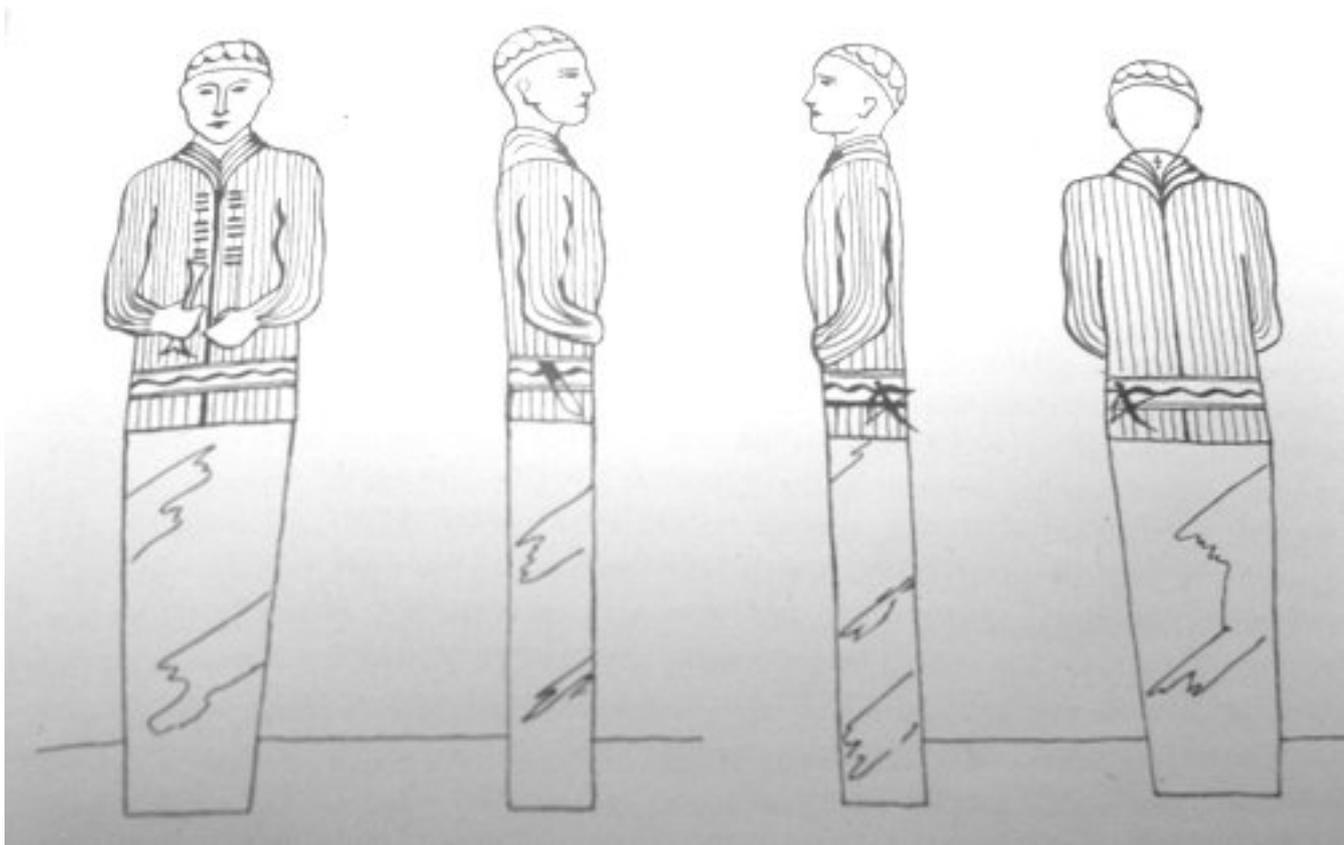

Рис. 24. Костюм, показанный на статуе Дука-Бека.

Изображение короткого стеганого кафтана на статуе-полуфигуре Дука-Бека подтверждает существование на Северном Кавказе этого вида одежды. Очевидно, также к XVII в. можно отнести мужскую короткую стеганую одежду с укороченными рукавами, найденную в ингушских склепах.

Необходимо отметить, что показанная на Дука-Беке короткая стеганая куртка с длинными рукавами, простеганными не поперек, а вдоль руки (что вообще характерно для стеганой плечевой одежды казахов), напоминает казахский камзол, бытующий с некоторыми изменениями в покрое и поныне и шьющийся с длинными или с короткими рукавами или же совсем без рукавов.⁸⁵ О некавказском происхождении Дука-Бека свидетельствует, по нашему мнению, также изображение непропорционально уменьшенного оружия, что типично для тюрков и неоднократно встречалось на памятниках Семиречья и Алтая. Возможно, Дука-Бек являлся представителем тюркского или смешанного этноса, о чем свидетельствует и дошедшее до наших дней название памятника.

Головной убор — тюбетейка из равных частей, известна на Кавказе с XI—XII вв. (по изображениям на тюркских каменных статуях). Однако встречается она у кабардинцев и в XIV—XV вв., и позже.

Вопрос о датировке памятника вызвал различные мнения. Большинство исследователей присоединились к мнению В. В. Латышева, который сохранившуюся в надписи дату перевел как 1130 г. Однако уже Попандопуло-Керамеве прочел ее как 1623 г.⁸⁶ «Вследствие близости некоторых изображений этого памятника к изображениям следующего Эльхотовского памятника. . . креста с греческой надписью и рельефными изображениями людей и всадников, который имеет аналогию в памятнике с р. Кунбылея, дающем точную дату 1581 г., а также на основании одежды и вооружения. . .», А. А. Иессен считал возможным отнести памятник Дука-Бека к концу XVI в.⁸⁷

Наплечная одежда и головной убор, изображенные на полуфигуре памятника, в соответствии с нашими материалами могут быть отнесены к XVII в. Содержание сцен рельефов, вырезанных на этом памятнике и имеющих аналоги в рельефах других памятников этого времени,⁸⁸ обладает значительно более бедной (если не совсем иной) мифологией, чем та, что выявляется при сравнении их с рельефами дольменообразного склепа № 1 на р. Кривая. Поэтому мы, присоединяясь к мнению Иессена, считаем возможным расширить хронологические рамки и датировать статую Дука-Бека не только концом XVI в., но и XVII в.

На одежду адыгов западной части Северного Кавказа, очевидно, большое влияние оказывали привозимые иноземными купцами ткани и готовое платье. Кроме генуэзцев, которые в прошлом даже породнились с западными черкесами, за что были названы ими *френчкалдаш* 'франки — наши братья', на Северном Кавказе торговали французы, поляки, татары, турки из Константинополя и других частей

Малой Азии, наконец, русские.

Монах доминиканского ордена Жан де Лукка в 1625 г. писал о западных черкесах: «Их одежда мало отличается от нашей. Они носят красные бумажные рубахи и бурку из валяной шерсти или войлока, которую поворачивают на плече в ту сторону, откуда дует ветер, так как им закрывается только половина тела».⁸⁹

Несколько позже (1634) и более подробно в донесении к папе описал народы, обитавшие у Черного моря, бывший там префектом Кафы и Татарики Эмиддио Дортелли д'Асколи. О черкесах, в частности, он писал: «. . черкесская знать даже когда ради забавы посещает близких соседей, появляется всегда верхом в кольчугах и шишаках, с украшениями в виде розеток из золоченого серебра».⁹⁰ (Интересно отметить, что адыгская знать в первой половине XVII в., подобно кипчакской XIV в., украшала свои шишаки и кольчуги розетками из золоченого серебра). «Замужние прикрепляют к задней части головы как бы другую, набитую материями, так что они ходят словно с двумя головами. Девицы носят шапочки и распускают волосы. Одежда всех мужчин красного цвета, другого они не знают. Носят они верхнее платье до колен, рукава его сверху широки, снизу обтянуты и разрезаны или открыты вдоль, как у испанцев или французов. Чулки носят в обтяжку; башмаки узкие с одним швом спереди, без всяких украшений и никаким образом не могут ни растягиваться, ни распускаться, они точно приклеены к ногам и придают изящество походке. Плащ из цельного куска материи, узкий около ворота, а внизу широкий, так что едва обрисовывает стан; им запахиваются со стороны ветра или дождя, но вообще носят на левом плече, освобождая правую руку, чтобы можно было сражаться; их шапки черные без полей, с длинными волосами, как у казаков. . .»⁹¹

Во второй половине XVII в. описание одежды черкесов сделал Эвлия Челеби. По его словам, черкесы носили черные ермолки из ворсистого фетра; черное узкое платье из тонкой материи, вытканное как плащ из сученой шерсти черного барана, которое они подпоясывали вязаным из бараньей шерсти кушаком. Старики в зимние дни надевали шубы из меха ягнят. По Челеби, у черкесов была только одна поясная одежда — *чакшир* — штаны из тонкой ткани, затем длинные облегающие кожаные или тканые чулки, крепившиеся под коленями или у пояса, заменявшие верхнюю поясную одежду. Обувью служили чарыки с прошитым низом, «которые не отличаются от тех, что носят в других краях». Мирзы носили *месты*, сшитые из красного сафьяна, такие тесные и узкие, что с трудом стаскивали их с ног. Бедняки зимой ходили, повязав на шею поверх одежды за концы накидку из черной и белой шерстяной ткани. «Эта одежда не имеет ни рукавов, ни разрезов [для рук и головы], ни воротника и представляет собой [кусок] толстой ткани, ворсистой с одной стороны. В битвах они держали эту ткань перед собой. . . эта накидка была словно щит. Действительно, эту ткань не пробивали стрелы и не рассекали мечи. Иногда [перед] битвой эту ткань мочат и набрасывают либо на спину, либо на грудь, либо, по потребности, на правое или левое плечо. . .»⁹²

«Все женщины, — сообщает Челеби, — носят шапки из белого фетра. Но волосы выпускают, как и женщины других стран. Руки красят хной, глаза сурьмой не подводят. Женщины знатных лиц носят теплые, узкие, стесняющие [движения] кафтаны из хлопчатой ткани всех цветов».⁹³

Заметим, что не все адыги носили «черные ермолки из ворсистого фетра». Среди рисунков Христофора Кастелли, монаха театинского ордена и художника, обосновавшегося в Грузии после 1632 г., имеется погрудный портрет абазинского князя, сделанный в 1650 г. Князь изображен в невысоком, облегающем голову и несколько заостряющемся головном уборе, тканая тулья которого состояла из четырех равных треугольников, вдоль швов обшитых полосами галуна и крупными круглыми пуговицами, с широким меховым околышем.⁹

Жан де Лукка и Эмиддио Дортелли д'Асколи оставили описание одежды высших слоев черкесского общества, в то время как Челеби охарактеризовал также костюм, типичный для простого населения, носившийся всеми черкесами.

При сравнении костюма кабардинцев и западных адыгов намечаются некоторые различия в его покрое и цвете. Рядовые кабардинцы носили верхнюю одежду из серого домотканого сукна, которая была длиннее адыгской; знать — из разноцветных восточных тканей. У западных адыгов простонародье одевалось в опоясанные короткие узкие кафтаны-«платья» из домотканого сукна черного цвета, а родовая аристократия — в кафтаны красного цвета, напоминающие покроем верхнюю одежду французов и испанцев.

Головные уборы кабардинцев изготовлялись из того же сукна, что и кафтаны, и имели четыре угла, в то время как западные адыги носили «ермолки» из черного войлока с длинным ворсом. У кабардинских женщин еще в конце 30-х гг. XVII в. головной

убор с бычьим пузырем был символом вдовства, а у адыгских в это же время — клубок войлока у затылка, покрытый флером, являлся уже убором замужних женщин. Наконец, рядовым черкесам единственной «броней» служил войлочный плащ, в то время как у адыгской и кабардинской знати существовала металлическая броня, которую адыгская знать украшала розетками из золоченого серебра, подобно тому как это в прошлом делали кипчаки.

Глава 5

ОДЕЖДА НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО КАВКАЗА (IX—XVII вв.)

Некоторые племена, жившие в предгорьях Северо-Западного Кавказа (аланы,¹ часть адыгов,² болгары³), под давлением завоевателей-монголов поднялись в горы и заселили горные ущелья Прикубанья и Центрального Кавказа. Об их одежде рассказывают рельефы дольменообразных склепов и надгробных памятников, каменные статуи воинов, а также фрески христианских храмов. Особый интерес представляют плоскостные рельефы, так как изображенные на них сцены связаны с местной дохристианской мифологией и фигуры людей изображены в туземной, традиционной одежде.

На наружных стенах дольменообразного склепа № 1 на р. Кривая в верховьях Прикубанья вырезаны фигуры мужчин, женщин, всадника, зверей, птиц, лягушки, собаки, изображения крестов.⁴ На передней стене по сторонам от круглого (циркульного) отверстия изображены отходящие от него три равнобедренных креста, а также две мужские фигуры крупного размера и более мелкая — женская.

Слева от отверстия находится мужская фигура в коротком, едва прикрывающем верхнюю часть бедер кафтане с круглым вырезом ворота и длинными по кисть рукавами; в нешироких штанах, заправленных: в высокие сапоги; справа — мужская и женская фигуры. Мужская — в облегавшей тело одежде и головном уборе типа мелкой круглой шапочки, очевидно шлеме, плотно надетом на голову; с опущенной секирой на длинной рукояти в правой руке.

На женской фигуре изображено просторное платье длиной до лодыжки, слегка расширяющееся от проймы к краю подола. На левой руке рукав длиной ниже локтя, на правой создается впечатление, что он отсутствует. Вырез ворота удлиненно-овальный, образован полукруглой полосой, спускающейся с правого плеча на грудь и здесь заканчивающейся закруглением (?), ниже которого вплотную к ней показан прямоугольник, возможно грудка передника; на подоле стороны прямоугольника переходят в квадрат, покрывающий (?) спереди подол платья. В квадрат последовательно вписаны еще два меньших квадрата, меньший из которых разделен поперечной полосой (орнамент?). На грудке передника орнамент (?) разобрать невозможно. Головной убор по форме напоминает небольшой платок, сложенный углом и завязанный вокруг головы, но, может быть, перед нами мелкая круглая шапочка, аналогичная женским шапочкам, найденным в Змейском катакомбном могильнике. Обувь не ясна.

На боковой длинной стене изображения помещены в три яруса и значительно мельче. Каждый ярус изображений располагается на каменном блоке, входящем в состав стены. В верхнем ярусе вырезаны две женские фигуры с поднятыми вверх руками в широких, длиной по лодыжку рукавных платьях. Далее можно разобрать четыре мужские фигуры в коротких облегавших кафтанах с длинными рукавами. На двух из них видны головные уборы: овально-конический и островерхий.

На среднем ярусе читаются только две фигуры в длинных неопоясанных рубахах. На одной из них рубаха расширяется от проймы к подолу, на ногах, возможно, сапоги; на второй рубаха прямая, ниже колен, с рукавами длиннее руки, на голове — овально-конический головной убор.

В нижнем ряду — мужская фигура в островерхом головном уборе, кафтане длиной по колени с расширяющимся книзу подолом и с поясом по талии. В правой руке ее показана секира на короткой рукояти. За ней — мужская фигурка с поднятым вверх мечом в правой и щитом в левой руке (враг? слуга?). Далее крупная мужская фигура в островерхом головном уборе и плаще, который окутывает ее целиком; вероятно, это духовное лицо (жрец).

Таким образом, на рельефах чаще всего встречается мужская наплечная одежда в виде короткого опоясанного кафтана с круглым воротом с длинными рукавами и расширяющимся книзу подолом; изредка — прямые или слегка расширяющиеся от проймы книзу рубахи (или халаты) с прямыми рукавами, иногда длиннее руки. Эта одежда сочетается с прямыми штанами и сапогами с высоким голенищем, а также с овально-конической или островерхой шапками, возможно, катанными из войлока или сшитыми из шкурки овцы.

Женская одежда — платье с длинными рукавами (и без рукавов?) с расширяющимся от проймы вниз станом (несколько напоминающая этим среднеазиатскую женскую распашную одежду *минисак*); передник (?) из 2 частей: грудки и подола; головной убор в форме мелкой шапочки или повязанного вокруг головы платка (?).

Жреческая (?) одежда — плащ, закрывающий всю фигуру (гиматий древних греков), и овально-конический головной убор. Изображения жрецов в такой одежде известны также по мифологическим сценам на памятниках Прикубанья более позднего времени (XVI—XVII вв.).⁵

Мужская обувь — высокие мягкие сапоги найдены при археологических работах в Хасауте — могильнике VIII—XII вв. Сапоги были сделаны из мягкой сафьяновой кожи черного цвета на подкладке, без подошвы и каблука, с высоким голенищем, «сшитым с нижней частью». В верхней передней части голенище имеет треугольную форму и оторочено тканью. Сапоги с высоким голенищем, край которых спереди поднимался углом, в X—XIII вв. были также распространены на

средневековом Востоке.⁶

Местные типы одежд изображены на найденных в Прикубанье каменных статуях X—XII вв., высеченных из плотного известняка и изображающих воинов с предметами вооружения: к узкому поясу бывает подвешена сабля, иногда Т-образная секира, на некоторых показан крюк, насаженный на длинную рукоять. Одни из воинов держат в руке саблю, другие — сосуд в виде рюмки. На воинах изображены шлемообразные головные уборы с вырезом и без выреза надо лбом, с длинными боковыми сторонами; кафтаны с высокими воротниками, узкими рукавами по кисть руки и застежкой на мелкие пуговицы посередине груди. По краю подола и вдоль пол они отделаны другой тканью, на плечах видны продолговатые нашивки, вокруг талии — узкий ремень. У плеч и на шлемах выбиты изображения крестов.⁷

В настоящее время насчитывается одиннадцать статуй. Район их распространения на западе ограничен р. Урупом, на востоке — междуречьем Большого и Малого Зеленчука. В других местах Северного Кавказа статуи воинов подобного типа не встречаются. В. А. Кузнецов считает этот тип статуй связанным с какой-то группой переселившихся в предгорья кочевников.⁸ А. А. Миллер, наоборот, полагал, что они отражают культурную традицию древнего синдо-меотского населения Прикубанья.⁹ Со своей стороны заметим, что на иконографию этих памятников, по нашему мнению, оказали влияние разные этносы. В состав изображенного на них костюма входят: шлем — головной убор, бытование разных вариантов которого на средневековом Северном Кавказе установлено с VIII в.; кафтан с прямым срединным разрезом ворота, с отделкой вдоль пол и подола и нашивками на плечах, напоминающий этим иранскую плечевую одежду.

Аксессуары статуй иногда говорят о старинной местной традиции: в руках воина бывает очень реалистично изображено оружие, подобно тому как это имело место еще на рельефах античного Боспора. В других случаях они свидетельствуют о тюркском влиянии: у некоторых мужских фигур в руках показан рюмкообразный сосуд. Изображение таких сосудов встречается на каменных статуях Монголии и Алтая VII—VIII вв. «Подобного рода глиняные кубки, — пишет Л. А. Евтюхова, — хорошо известны в Южной Сибири и особенно в Минусинской котловине еще с татарской и таштыкской эпох... от более позднего времени известны серебряные и золотые сосуды этой же формы, бытовавшие там же вплоть до XIV—XV вв.»¹⁰ Таким образом, как мы полагаем, статуи Верхнего Прикубанья свидетельствуют о том, что среди коренных обитателей Прикубанья здесь в какое-то время появились кочевники-тюрки. Окруженные массой местного населения, тюрки постепенно с ним смешивались, воспринимали его материальную, а отчасти, вероятно, и духовную культуру, продолжая сохранять при этом некоторые традиционные черты своей культуры.

В то время как плоскостные рельефы дольменообразных склепов и статуй воинов Верхнего Прикубанья рассказывают о туземных типах одежды, фрески христианских церквей, появившихся в Прикубанье в связи с христианизацией, которая активно начала проводиться Византией в X—XIII вв., в основном дают сведения о византийских одеяниях, носившихся местной родовой знатью.

Храмы — три на Нижнеархызском городище в ущелье р. Большой Зеленчук, где в то время находился центр аланской епархии,¹¹ и один — вблизи карачаевского аула Нижняя Теберда (бывш. Сенты) на р. Теберда — в прошлом были обильно украшены фресками, немногие из которых сохранились до конца прошлого века. Некоторые представления о них дают рисунки археологов, художников и любителей старины конца прошлого века, сделавших с них копии. Так, фрески нижнеархызских храмов были срисованы художником-археологом Д. М. Струковым,¹² фрески Тебердинского (Сентинского) — Н. А. Владимировым и А. Н. Дьячковым-Тарасовым.

На воспроизведенных художником-археологом Д. М. Струковым фресках Нижнеархызского храма изображены в основном фигуры, в богатых, покрытых орнаментом платьях. Накидные плащи как у мужчин, так и у женщин скреплены на правом плече фибулой, короткие штаны заправлены в высокие мягкие сапоги. Такая одежда носилась родовой аристократией. К местным формам одежды можно отнести детали костюма: короткие штаны и кожаные чулки, известные на Кавказе по материалам Мошевой Балки с VIII в., мягкие сапоги и серую овально-коническую, вероятно, войлочную шапку.

Изображенная на фресках одежда дает возможность более точно датировать время росписи. По мнению Г. Вейса, накидные плащи *сагум*, короткие до колен штаны, чулки и башмаки вошли в Византию во всеобщее употребление в X—XII вв., а женские накидки, скрепленные фибулами, — в XI в.¹³ Византийскими были и *клавы* — широкие орнаментальные полосы обычно пурпурного цвета, спускавшиеся с плеч и окаймлявшие подол.

В конце XIX в. Н. А. Владимиров обследовал Тебердинский храм, дал детальное описание, сделал чертежи и рисунки фресок.¹⁴ Несколько позже рисунки фресок были выполнены А. Н. Дьячковым-Тарасовым. Интерес для нас представляют только некоторые из них, с изображением одежды византийских и местных типов.

Местные типы одежд: прилегающий кафтан с едва прикрывающим бедра широким подолом, круглым, обшитым бляшками воротом и длинными рукавами; рубаха с длинными рукавами; длинные неширокие штаны внизу с отворотами или штаны облегающие, заправленные в мягкие высокие сапоги, —

изображены на мужских фигурах (рис. 25, а). На женской — круглая шапочка с узором, покрытая сверху спадающим вдоль спины покрывалом; платье с очень короткими рукавами и гладкими круглым вырезом ворота (рис. 25, б) (по устному сообщению Е. В. Милованова, в Мошевой Балке встречалась женская одежда с короткими рукавами).

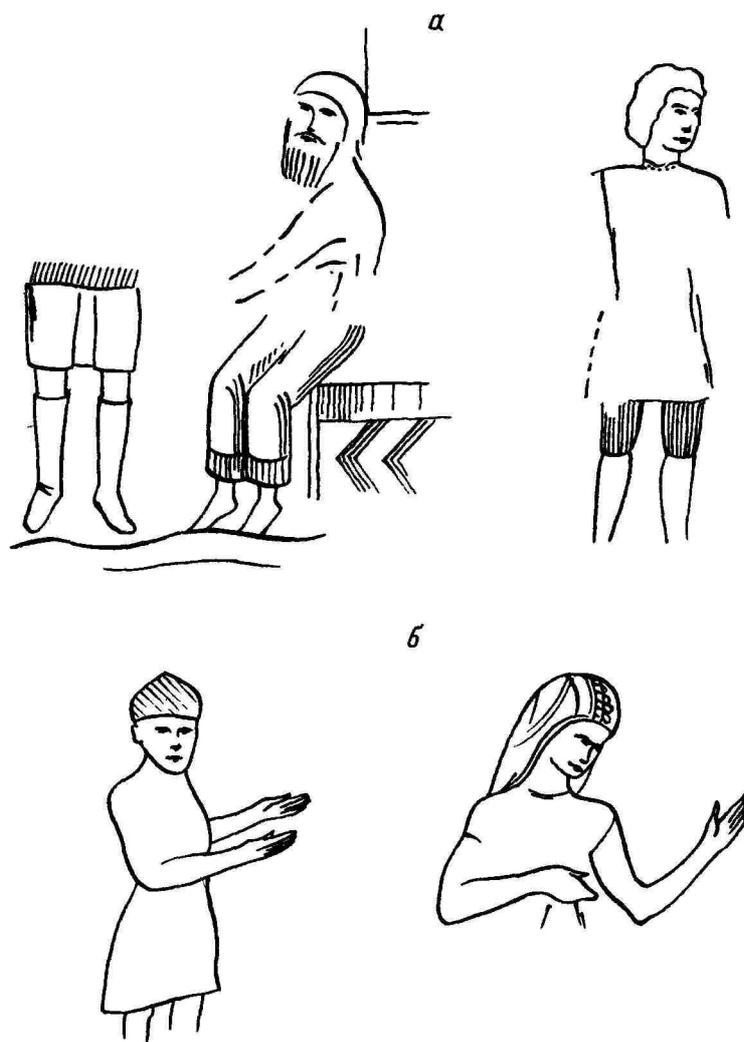

Рис. 25 Изображение местных типов одежды (фрески Сентинского храма).
а — мужская одежда, б — женская

Византийские виды одежды показаны на фигуре с нимбом вокруг головы и с книгой в руке. Круглое оплечье ее одеяния украшено крупными пластинами, из-под широкого рукава верхнего платья выступает узкий рукав нижнего.

На погрудном изображении воина с копьём (архангела) показан византийский, сколотый у правого плеча плащ. Его поверх-:ость расшита бляшками, а манжет его рукава покрыт вышивкой или аппликацией.¹⁶

Об одежде алан X—XII вв., до монгольского нашествия обитавших на Центральном Кавказе у выхода в степь, рассказывают находки тканей, головных уборов и обуви, обнаруженные в катакомбных погребениях вблизи ст-цы Змейской,¹⁷ где полуистлевшие ткани в несколько слоев покрывали скелеты погребенных. Археологам и реставраторам удалось частично воссоздать внешний облик этой одежды; было установлено тождество форм мужского и женского комплектов одежды, состоявших из нижней рубахи, жилета и двух видов верхнего платья, одно из которых можно назвать кафтаном, другое — халатом.¹⁸

Покрой кафтанов установить не удалось. Они были, по-видимому, с прямыми полами и прямым срединным разрезом ворота (15-я катакомба), в одних случаях с высоким стоячим воротником, в других без воротника, с вырезом ворота, обшитым бляшками или бубенчиками или с отворотами ворота (бортов), украшенными бубенчиками. Халаты были длинными, с застежкой посередине груди. Дважды встретился кафтан с высоким стоячим воротником, дополненный шарфом из тонкой ткани, края которого спускались на грудь. Под верхнее платье надевалась рубашка с невысоким стоячим воротником, украшенным бляшками, и короткий кожаный жилет. Иногда платья имели подкладку, но крой их не ясен. Одежда опоясывалась ремнем с металлическим набором. В некоторых катакомбах у

талики костяков найдены остатки ткани, собранные по верхнему краю в сборку, представлявшие собой, возможно, остатки поясной одежды, укрепленной на теле шнуром (как это было, например, на кукольной одежде из Мошовой Балки).

Обувь в виде ноговиц типа гетр и кожаных чулок снаружи покрывалась тканью и украшениями. Иногда ноговицы (а может быть, мягкие сапоги) спереди застегивались на бубенчики.¹⁹

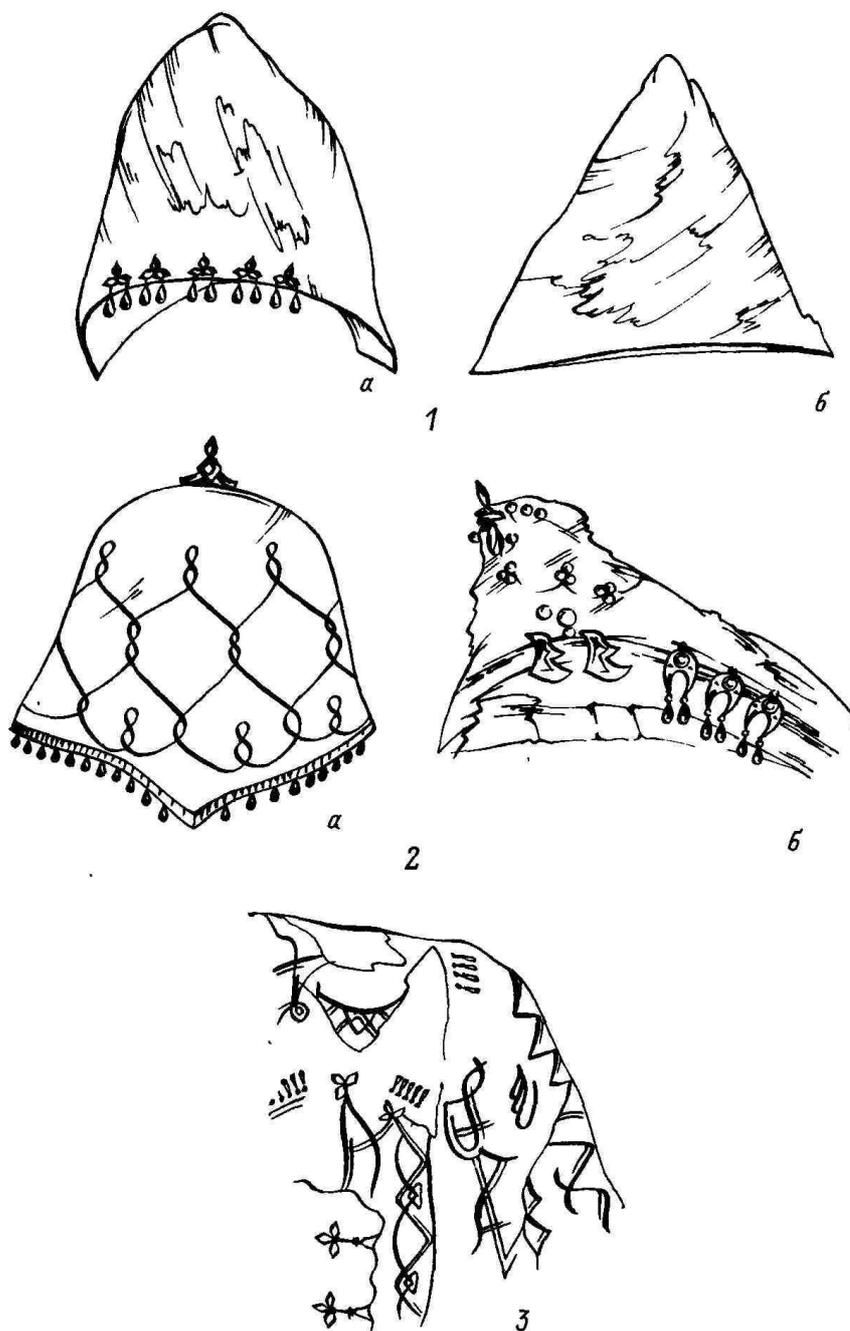

Рис. 26. Мужские (1) и женские (2) головные уборы X—XII вв. и фрагмент мужской одежды с аппликацией (3) (Сев. Осетия, ст-ца Змейская).

а — шлемообразные головные уборы; б — колпакообразные

В мужских погребениях найдены те же типы головных уборов, что и в Мошовой Балке: шлемообразные (рис. 26, 1, а) и конусообразные (островерхие) (рис. 26, 1, б) колпаки, покроем и украшения которых говорят, однако, о местной традиции. Некоторые женские головные уборы также были шлемообразной формы (рис. 26, 2, а), другие представляли собой гладкие, круглые, плотно облегающие голову чепцы, шапочки с шишаками и венчики.

Венчик — женский головной убор (из 17-й катакомбы раскопок С. С. Кусаевой) представлял собой расширяющуюся спереди узкую полоску кожи на матерчатой подкладке. На наружной стороне бронзовыми бляшками были выведены узоры, нижний край обшит тесьмой с прикрепленными к ней

бубенчиками. На Черноморском побережье Кавказа близ станиц Натухайской и Раевской в погребениях XIV—XV вв. В. И. Сизовым также были найдены венчики в виде узкой полосы, сделанной из низкопробного серебра с выпуклыми украшениями на лицевой стороне (рис. 27).^{2сf} В 3-й катакомбе в женском погребении была найдена шапочка с шишаком высотой 7 см. Она была сшита из двух симметричных кусков кожи, покрыта сверху тонким шелком и украшена бронзовыми бубенчиками и бляшками с позолотой (рис. 26, 2, б). Аналогичный головной убор был найден П. С. Уваровой в каменных ящиках Махческа XIV в.²¹

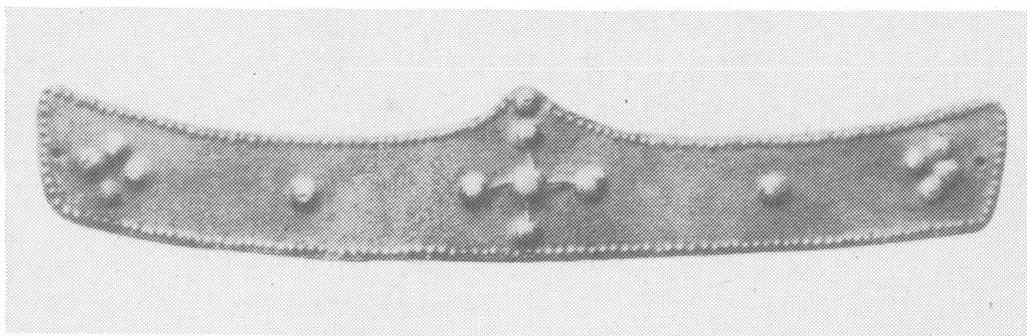

Рис. 27. Венчик из ст-цы Натухайской.

В Змейской круглые шапочки выреза не имели, но на головном уборе женской фигуры конского начальника, найденной там же, вырез изображен (рис. 28, а); остатки шапочки с вырезом найдены А. П. Руничем в Кисловодском катакомбном могильнике (рис. 28, б). Головные уборы изготовлялись из кожи или плотной ткани, сверху обтягивались шелком или шерстью и покрывались украшениями; на макушке часто укрепляли навершие в виде полого металлического шарика или фигурного украшения из бронзы, а у основания навершия прикрепляли бубенчики (рис. 26, 2). В головные уборы втыкались булавки из бронзы, пришивались височные кольца в полтора оборота из позолоченной бронзы, причем височные кольца были найдены как в женских, так и в мужских погребениях.²³ Одежда, головной убор и обувь украшались золотым шитьем, аппликациями из золоченой кожи, позолоченными бронзовыми бляшками и бубенчиками, бронзовым и стеклянным бисером. Бубенчики и бляшки окаймляли ворот, борта и края подола одежды, пришивались к нижнему краю головных уборов. На одежде, а иногда и на обуви бронзовые бубенчики использовались в качестве пуговиц или пуговицы напоминали их.

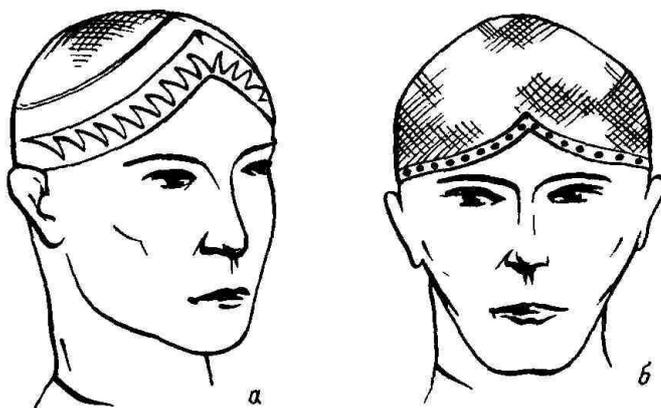

Рис. 28. Головной убор с венчиком из ст-цы Змейской (а) и венчик из Кисловодского катакомбного могильника (б).

Женскими украшениями являлись стеклянные плоские и витые браслеты голубого и синего цвета, сердоликовые и стеклянные бусы, стеклянный и бронзовый бисер, трапециевидные подвески из янтаря и туалетные принадлежности (флакончики для благовоний, ногтечистки и т. д.).²⁴ Один раз встретилась серьга в форме серебряного кольца, к которому на стерженьке была прикреплена полая серебряная бусина.

Одним из видов парадной одежды периода существования Змейского могильника были платья придворного византийского облика. Представлены они длинными разукрашенными халатами с застежкой посередине груди. В родовой усыпальнице одного из местных феодалов был найден длинный до пят халат, сшитый из кожи, с застежками бабочковидной формы посередине груди, с

прямой линией треугольных бронзовых бляшек с подвешенными к ним миниатюрными бубенчиками у плеч и суживающимися к кисти рукавами. Одежда эта была покрыта аппликациями из золоченой кожи в форме переплетающихся лент и изображений павлинов. В соответствии с византийской модой поверх длинного халата был надет другой, более короткий, сшитый из светлой шелковой ткани с застежками-бубенчиками.

Как считает К. А. Берладина, кожаная аппликация по коже представляет древнейший тип украшения пастушеских народов. Позолоченная кожа, так же как и золотое шитье, могла имитировать не всегда доступную парчу.

К несколько более позднему времени (XI—XIV вв.) относятся небольшие христианские церквушки (часовни), частично сохранившиеся, но большей частью лежащие в руинах во многих местах Верхнего Прикубанья и Балкарии. На некоторых из них еще в конце XIX в. оставались фрагменты фресковой живописи. В 1893 г. В. И. Долбежев описал и зарисовал уцелевшие фрагменты трех фресок: церкви, находившейся в Балкарии, к востоку от с. Хулам, в ущелье р. Черек Безенгийский. Фрески были выполнены черной и красной краской по белому фону. «На северной стене изображены две женские фигуры. На восточной — две мужские; на западной — мужская и женская, одежда которых окрашена в черную и красную краску, на

южной — часть контурного изображения, по-видимому, ангела».²⁶ Фрески, скопированные Долбежевым, были в 1941 г. опубликованы Иессеном.²⁷ Рисунки контурные, роспись сохранилась плохо. На ней видны фрагменты четырех фигур. На одной мужской фигуре изображена черная камилавка — шапочка в форме усеченного конуса с плоским верхом. Можно также рассмотреть суживающиеся к кисти рукава кафтана, кажется, с манжетами. На другой мужской фигуре изображена овально-коническая шапка, от третьей сохранился прямой край подола одежды длиной ниже колен; четвертая фигура — без головного убора (?) в длинном, до середины голени, слегка расширяющемся книзу платье (?).

Женских фигур две: у одной показан странный головной убор или прическа, может быть, покрытая сверху коротким покрывалом. Линия покрывала (?) гладко охватывает верхнюю часть головы, а над ушами образует выступы, от которых опускается на плечи с легким изгибом (рис. 29). По-видимому, перед нами изображение кипчакского женского головного убора — валиков, покрытых сверху тканью (покрывалом), подобных изображенным на кочевнических женских статуях, на которых показаны валики в виде обрамляющих по бокам лицо роговидных дуг с насечкой (в курганах Лучки 1 и Лучки 3 Каневского уезда были найдены матерчатые диадемы с валиками, обтянутыми тканью с нашивками в виде бронзовых полуколец, обернутых серебряной проволокой). Такие валики входили в состав головного убора половецких женщин.²⁸ Платье на этой фигуре изображено длиной по лодыжку и у края подола слегка расширено. Длинные рукава заканчиваются высокими манжетами; рисунок манжета (?) сохранился на левой руке. На ногах — остроносая обувь (сапоги?), в левой руке — платок (?). На второй женской фигуре изображено окружающее голову покрывало (круглый нимб?). Платье с длинными рукавами, поперечной линией на талии (пояс? край верхней одежды?) и расширяющимся книзу подолом до середины голени. Подол украшен узором (вышивка?) в форме восьми одинаковых кустиков из трех удлиненных листьев каждый, расположенных в три ряда (2—3—3). Обувь того же типа, что и у первой фигуры.

Рис. 29. Женская одежда, изображенная на фресках церквушки у с. Хулам.

В конце прошлого века Д. А. Вырубов зарисовал фрески другого балкарского храма,²⁹ которые вместе с прочими его рисунками опубликовал Л. И. Лавров.³⁰ Местонахождение храма точно не известно. На его стенной росписи, как видно из рисунков Вырубова, были изображены четыре мужские фигуры, две из них, сохранившиеся лучше, показаны в позах с характерным положением рук, как бы несущих модель храма. Фреска, вероятно, также была нанесена черной и красной краской. На трех фигурах изображены округло-конические шапки серого цвета, возможно, катанные из войлока. На двух сохранились изображения приталенных кафтанов с очень высокими стоячими воротниками и расширяющимся подолом; рукава суживаются к кисти, длина кафтанов несколько ниже колен.

По мнению А. А. Иессена, балкарские церквушки следует датировать XI—XV вв.

Подведем некоторые итоги. В период раннего средневековья на Северном Кавказе продолжала бытовать одежда из звериных шкур и шкур домашнего скота, кожи и дмотканины, покрой которых нам неизвестен. Возможно, среди гуннских племен бытовала в то время одежда, напоминающая одежду, изображенную на болгарине из Придунайской Болгарии. Во всяком случае, судя по изображению на пряжке от подколенного ремня из Белореченских курганов XIV—XV вв., еще в то время или несколько раньше в Прикубанье существовала верхняя рубаха с глубоким осевым грудным разрезом, узкими длинными рукавами и довольно широким подолом с разрезами по бокам, уже из ткани.

Постепенно восстанавливается торговля. В качестве материала для одежды племенной знати появляются шелка и дорогие импортные ткани.

Покрой одежды, изображенной на рельефах и найденной в Мощевой Балке, свидетельствуют о наличии разных традиций в наплечной одежде, очевидно, принадлежавшей разным этносам, а также о моде, вместе с торговыми караванами пришедшей с Востока и из Византии.

Два вида наплечной одежды (кафтан и прямая рубаха с рукавами длиннее руки), изображенные на рельефах, могли принадлежать разным этносам, однако, учитывая мифологическое содержание рельефа и назначение памятника, можно предположить, что рубаха служила обрядовой одеждой и, следовательно, была старинной одеждой данного племени. Это тем более вероятно, что рубаха такого покроя на территории бывшей Алании не встречается в погребениях и изображениях памятников более позднего времени.

Высокий воротник, показанный на статуях и на фреске неизвестной балкарской часовни, позволяет датировать эти памятники временем позднего средневековья (т. е. не ранее XIII—XIV вв.). Головной убор с роговидными дугами, изображенный на женской фигуре на фреске хуламской церкви, свидетельствует, по нашему мнению, о появлении кипчаков в горных районах Северо-Западного Кавказа.

Отметим также, что в одежде из Мощевой Балки, а также изображенной на плоскостных рельефах дольменообразного склепа, на фресках христианских храмов и неизвестной балкарской часовни четко видна разница в покрое мужского и женского платья, что свидетельствует о дифференциации одежды, а значит, и о сравнительно высоком уровне ее развития.

Торговля наложила отпечаток на фасоны одежды, бытовавшей в то время, и на материал, из которого она изготовлялась. Кроме местных типов, бытуют тюркские, согдийские и византийские. Особенно сильным было влияние тюрков. И это не удивительно, так как тюркская мода постепенно все больше усваивалась населением Ближнего Востока и Малой Азии и торговыми путями образцы ее попадали на Кавказ, где и без того влияние местных тюрков было сильным.

Тюркское и византийское влияния (последнее — в погребениях знати) выявляются и при рассмотрении материалов Змейского катакомбного могильника X—XII вв. в предгорьях Центрального Кавказа. Отметим разнообразие женских головных уборов, которое могло быть связано с половозрастным и семейным положением женщины, а также с экзогамией. Если в Мощевой Балке А. А. Иерусалимская выявила только один вид головного убора — мелкую шапочку с наконником,³¹ то в Змейской найдено четыре типа женских головных уборов. Это — венчики (древние диадемы); шапочки с шишаком; шапочки круглой формы, некоторые из них с вырезом надо лбом, и шлемообразные головные уборы. На территории Византии, Персии, Восточной Европы венчики издавна являлись девичьими головными уборами. Возможно, и в нашем случае венчики имели то же назначение.³² Шапочка с шишаком кипчакского происхождения.³³ Головные уборы (как правило, конической формы), увенчанные шишаком, широко распространились на Северном Кавказе у народов, подвластных Золотой Орде, и бытовали там до XV в. В Змейской они невысокие и встречаются в единичных экземплярах.

Круглые шапочки (по голове) находили в погребениях Змейской чаще других головных уборов. Очевидно, они были типичны для местного населения, так как бытование разных их вариантов известно на Северном Кавказе с XIII в. у различных этносов, и разницу в покрое, таким образом, можно объяснить разными этническими традициями. Так, в Змейском могильнике найдены шапочки без выреза, в Кисловодском могильнике и в Мощевой Балке — с вырезом; скомбинированные из кожи и ткани, с широкой лопастью, которая служила наушниками и назатыльником, покрытые сплошь бронзовыми украшениями и бусинами, с несколькими рядами многочисленных бронзовых подвесок,

нанизанных на толстую ленту, шапочки-шлемы бытовали в VIII—X вв. в дидойско-капучинских районах Нагорного Дагестана.³⁴ Шапочки из войлока с налобником и назатыльником, с украшениями из бляшек найдены в женских погребениях Махчеса XIV в.³⁵ У ди-дойцев, аваров и лаков, несколько изменившись, они бытовали до конца XIX в.³⁶

Наконец, женщины, подобно мужчинам, носили шлемообразные головные уборы. История рассказывает о том, что у ряда народов в период средневековья и в более позднее время головной убор был одинаковым для мужчин, девушек и молодых, еще не рожавших женщин. Так, например, по словам Платона Карпинина, одинаковые шапки носили монгольские мужчины, девушки и молодые женщины,³⁷ а в более позднее время (XVIII в.) та же традиция существовала у адыгейцев и осетин.³⁸

Таким образом, в одном могильнике у нас имеется два типа головных уборов, предположительно носившихся девушками и не рожавшими женщинами: венчик и шлем — головной убор, подобный мужскому, и два типа женских: шапочка с шишаком и круглая мелкая шапочка (с вырезом и без выреза).

После монгольского нашествия кочевавшие в степях Предкавказья кипчаки ушли в горы. Постепенно они смешались с обитавшим там населением, в одних случаях ассимилировав его (Карачай и Балкария), в других — ассимилировавшись. Однако как переселившиеся, так и уже обитавшие в горах племена смешивались медленно и некоторые из них в XI—XV вв. продолжали сохранять своеобразие своей народной культуры, что нашло отражение в одежде, изображенной на фресках Церквешек и найденной в погребениях Балкарии у с. Верхний Чегем и в Горной Осетии у с. Дзивгис.

Женский костюм, обнаруженный при раскопках могильника в Балкарии, в урочище Байрым у с. Верхний Чегем, очевидно, сохранил свое этническое своеобразие.³⁹ Принадлежал он пожилой женщине и состоял из натальной рубашки, шаровар, распашного платья, кожаных чулок, мягких сапог с высоким голенищем и высокого конусообразного головного убора. Сохранилась также прическа из заплетенных и подобранных под шапочку кос.

Нижняя рубаха из светло-коричневой ткани с полотняными переплетениями имела туникообразный покрой с боковинами, расширяющимися подол книзу (рис. 30). Вырез ворота — круглый; прямой срединный разрез доходил до талии и был снабжен нитяными застежками; длинные рукава к кисти суживались и заканчивались высокими манжетами. Подол и манжеты были отделаны тесьмой.

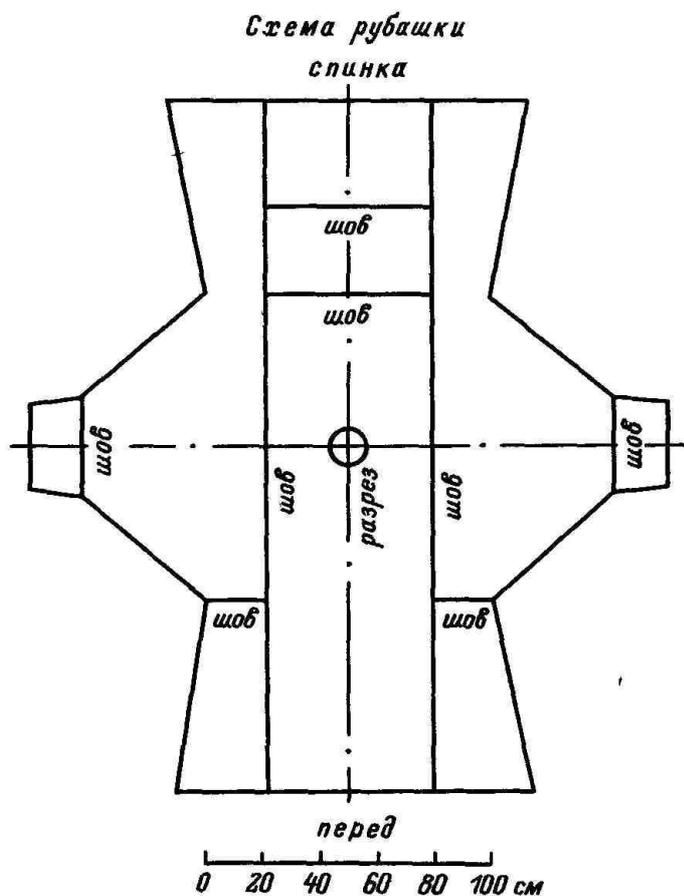

Рис. 30. Чертеж покроя женской рубашки из могильника у с. Верхний Чегем.

Шаровары — из четырех полотнищ плотной клетчатой ткани, сшитых вручную и соединенных ромбовидным клином. В загнутый наверху рубец был продернут шнур, удерживавший штаны на теле. Ткань верхнего распашного платья при соприкосновении со светом и воздухом распалась, поэтому

судить о нем мы можем только на основании описания, сделанного И. М. Мизиевым. По его словам, платье-кафтан было шерстяным, по внешнему виду очень близким к национальному платью балкарцев. Его передняя часть и полы были расшиты золотыми галунами (вероятно, шитьем), образующими растительный узор, а на груди оно было обшито мехом.

Рис. 31. Сапоги (нижние) из могильника у с. Верхний Чегем.

Сапог было найдено две пары: нижние — сапоги-чулки (рис. 31) и верхние — собственно сапоги. Обе пары были сшиты вручную и имели одинаковый, довольно сложный покрой. Сапоги-чулки изготовлены из тонкой кожи. Они имели высокое голенище, выкроенное из 2 одинаковых кусков кожи и имеющее передний и задний долевые швы. Отдельно были выкроены головка и задник, а у головки — мысочек. Под мысочек и под задник (пятка) подшита подкладка. Кожаные чулки были без орнамента. Сапоги верхние сделаны из грубой свиной кожи. Спереди они были украшены вдавленным растительным орнаментом, переходящим в стилизованный узор. Обе пары обуви имели острый носок и, по мнению Мизиева, напоминали азиатские махси. Головным убором служила шапочка из войлока, сверху обтянутая шерстяной тканью коричневого цвета, — тюбетейка с широким околышем и высокой тульей из пяти широких у основания треугольных долек. К одной из сторон околыша пришиты шелковые полосы, из которых завязывался бант.

Прическа была подобрана под головной убор. «Прическа, — писал Мизиев, — плетеные косы, умело собранные на голове в виде короны, так что шапочка аккуратно прикрывала всю голову».

Кроме того, в погребении была найдена сумочка прямоугольной формы, размером 14X6 см, сделанная из шелковой ткани, обтянутой тесьмой и украшенная вышивкой, на подкладке из шелкового репса. Закрывалась она полотняным шнуром, продернутым сквозь дырочки вдоль верхнего края. Внутри сумочки найдены бронзовые серьги, у головы — серебряные (характерные для XIII—XIV вв., но бытовавшие и позже). Там же — двусторонний самшитовый гребень и железные ножницы.

И. М. Мизиев датирует погребение XIII—XV вв. Найденный в одном из погребений Белореченских курганов наконечник от подколенного ремня с тренированными изображениями мужчины и женщины датируется XIV—XV вв. На мужской фигуре показана невысокая тюбетейка с бантом, на женской — высокий конусообразный головной убор с покрывалом. Бант как украшение на мужской или женской одежде у обитателей Северного Кавказа нам неизвестен, поэтому в данном случае можно предположить хронологическую близость погребений в Байрыме и в Белореченской; таким образом, датировка Мизиева подтверждается.

Фрески хуламской церкви датируются XI—XV вв. Если мы сравним одежду, найденную в Байрыме, с изображением частично

сохранившейся одежды женщин на фресках этой церквушки, то найдем некоторое сходство. Так, например, длинные рукава рубашки заканчиваются высокими манжетами; подол верхней одежды украшен вышивкой, образующей растительный узор; обувь — типа остроносых мягких сапог.

Совершенно отличны головные уборы и, по-видимому, покрой верхнего платья, которое на фреске показано глухим, а в погребении — распашным. Последний факт говорит, по нашему мнению, о разной этнической принадлежности погребенной в Байрыме и изображенных на фресках женщин и о своеобразии их одежды. О том же рассказывает женское погребение с хорошо сохранившейся одеждой из каменных ящиков Горной Осетии (Куртатия), найденное вблизи поселения Дзивгис.

В. Б. Антонович в 1879 г. в Дзивгисе нашел в погребении женский костюм, одетый в три одеяния одинаковой длины: верхнее — из тонкой темно-коричневой ткани, следующее — из плотной войлочнообразной материи желтого цвета, нижнее — из грубого полотна.⁴¹

Одежда эта типа длиннорукавного халата, спускающегося до нижней части голени; верхняя — с небольшим треугольным вырезом на груди, края которого были обшиты ремешком с насаженными на нем металлическими пуговицами. На груди платье было обшито шнуром, а у шеи имело две такие же пуговицы; пояс из грубого полотна с такой же металлической пуговицей посередине. На ногах — кожаные чулки и остроконечные чуваки; на голове — остроконечный, с перегнутой вперед вершиной колпак из ткани в широкие черные и желтые полосы. По нижнему краю «над челом и на затылке» колпак был обшит опушкой в два пальца шириной, над ушами висели толстые «наушники» с нашитыми серьгами в виде бронзового кольца, к которому ремешком была прикреплена серебряная серьга с тремя шипами, с подвешенными на них семью (2—3—2) привесками-цепочками из серебра.

Несмотря на то что колпакообразные головные уборы с древних пор были известны на Кавказе, этот головной убор с острым, несколько изогнутым верхом и опушкой по нижнему краю нетипичен для Северного Кавказа периода средневековья. Материалы из Мощевой Балки и Змейского могильника дали возможность реставрировать конусообразный богато орнаментированный головной убор.⁴² Эта шапка очень широко распространилась у сопредельных народов. Ее различные варианты бытовали в Венгрии, Болгарии и Киевской Руси⁴³ в качестве княжеского головного убора, а также в Грузии. Дзивгисский колпак имеет больше сходства с калансуву Волжской Болгарии, по словам Макдиси (X в.), экспортировавшей на Кавказ и в государства Средней и Малой Азии многочисленные товары, среди которых были и высокие шапки.⁴⁴

Изображение полосатого изогнутого наперед колпака встречается на женской фигуре одной из пряжек от подколенного шишаком с шариком и кистью), а также на керамических блюдах XIV в. из раскопок Сизова вблизи Сухуми и на одной из миниатюр грузинской псалтыри XVI в. Заметим, что колпакообразные головные уборы с наушниками, к которым привешивались украшения, носились вплоть до XIX в. казанскими татарами, чувашскими и мордовскими женщинами. Кстати, о некавказском происхождении погребенной говорит почти полное отсутствие таких украшений на одежде, как вышивка, бляшки и металлические пластинки, что, по нашему мнению, нельзя объяснить только бедностью захоронения.

В конце прошлого века П. С. Уварова раскопала в Махческе⁴⁵ большое количество каменных ящиков и обнаружила в них женские захоронения с одинаковой по крою и украшениям одеждой, при взгляде на которую становилась ясна ее генетическая связь с аланами Змейской. Особенно характерны в этом отношении один из головных уборов и украшения, которые состояли из бронзовых бляшек в виде столбиков, кружочков, золотых чеканных и штампованных пластин, лунниц, бубенчиков и золотого шитья. Все это в изобилии покрывало головные уборы, воротники, края платья. Одежда состояла из трех длинных и почти однотипных кафтанов, которые Уварова определила как «одеяния, похожие на поздние горские бешметы».⁴⁶ Самый нижний, нательный шился из тонкой шелковой ткани (шелка-сырца, по Уваровой) белого цвета с невысоким стоячим воротником, украшенным тесьмой с нашитыми на нее бронзовыми круглыми бляшками — «выпуклинами»; следующий кафтан тоже шелковый, по краям обшитый позументом с высоким стоячим воротником из позумента или кожи. Жесткий воротник, плотно охватывавший шею, сплошь был покрыт медными бляшками и обшит толстым шнуром с подвешенными вдоль всего борта чеканными лунницами и бубенчиками, прикрепленными на рожках (рис. 32, 3).

Верхний кафтан из штофа с шитыми шелком запястьями застегивался на петли из одноцветного мелкого шнура и два типа медных пуговиц: граненые бочкообразные с гнездами для камней, с находящейся посередине петель для пришивания, и продолговато-овальные с петлей на вершине и удлинением на противоположном крае (рис. 32, 2). Матерчатый кушак—из тонкой шелковой ткани зеленого цвета с поперечно затканными золотыми полосами. «Широкая ткань была сложена в узкий пояс, спереди завязанный узлом со спускающимися концами».⁴⁷

Обувь в виде ноговиц, кожаных чулок и чувак.

Головные уборы были богато разукрашены жемчугом, золотыми пластинами, бляшками, лунницами, бубенчиками и золотым шитьем. В одном из погребений встретился головной убор с шишаком, сшитый из двух одинаковых половин,⁴⁸ подобный аланскому головному убору, найденному в Змейской, а также в кургане белореченского типа близ ст-цы Андриюковской.⁴⁹ В остальных случаях череп покрывала шапочка из толстого войлока

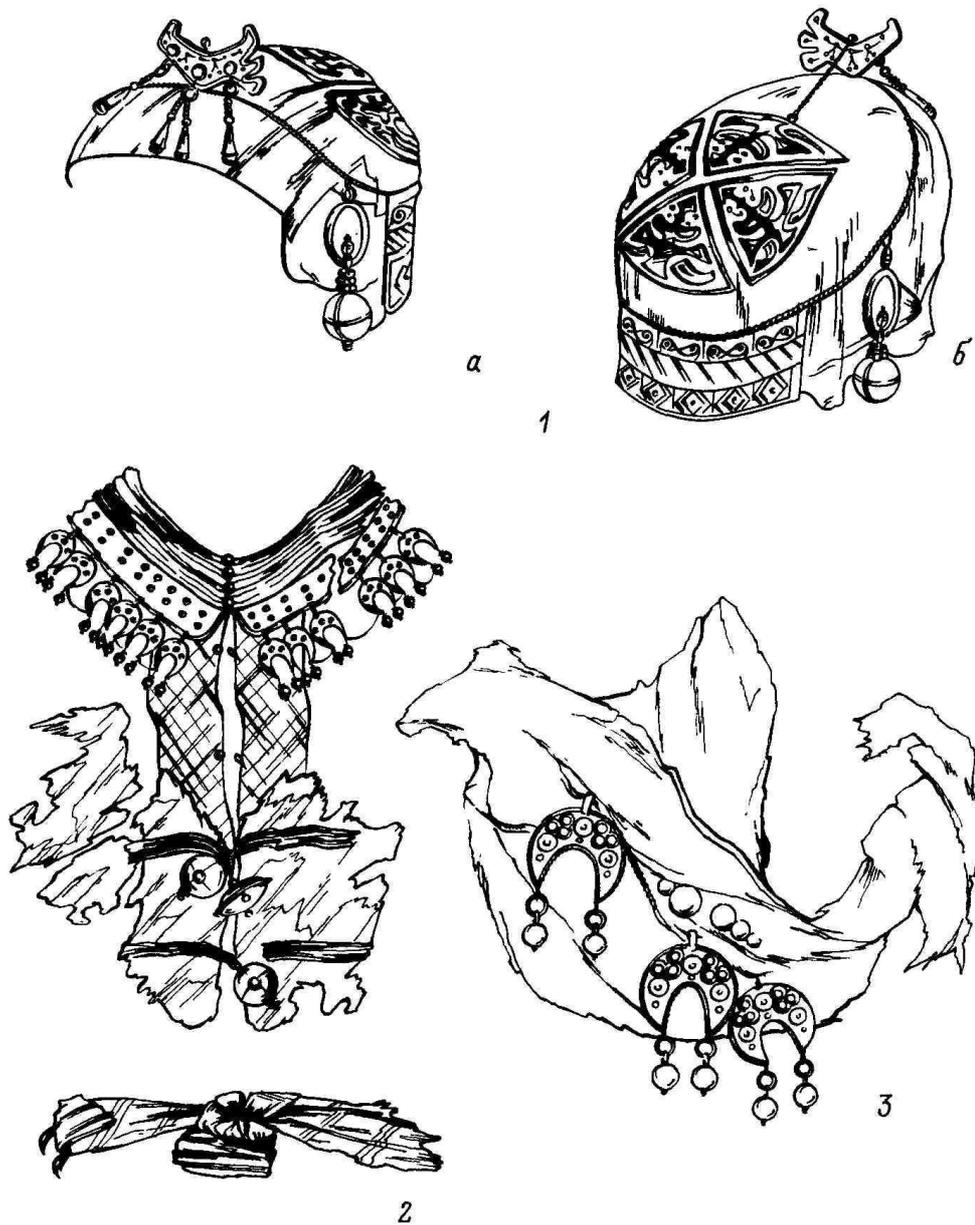

Рис. 32. Женская одежда из погребений у с. Махческ.

1 — головной убор (а — вид спереди, б — вид сзади); 2 — остатки женского платья;
3 — стоячий воротник второго (не нижнего) платья.

ремня из Белореченских курганов (где колпак, подобно золото-ордынским шапочкам, снабжен шишаком с шариком и кистью), а также на керамических блюдах XIV в. из раскопок Сизова вблизи Сухуми и на одной из миниатюр грузинской псалтыри XVI в. Заметим, что колпакообразные головные уборы с наушниками, к которым привешивались украшения, носились вплоть до XIX в. казанскими татарами, чувашскими и мордовскими женщинами. Кстати, о некавказском происхождении погребенной говорит почти полное отсутствие таких украшений на одежде, как вышивка, бляшки и металлические пластинки, что, по нашему мнению, нельзя объяснить только бедностью захоронения. В конце прошлого века П. С. Уварова раскопала в Махческе⁴⁵ большое количество каменных ящиков и обнаружила в них женские захоронения с одинаковой по покрою и украшениям одеждой, при взгляде на которую становилась ясна ее генетическая связь с аланами Змейской. Особенно характерны в этом отношении один из головных уборов и украшения, которые состояли из бронзовых бляшек в виде столбиков, кружочков, золотых чеканных и штампованных пластин, лунниц, бубенчиков и золотого шитья. Все это в изобилии покрывало головные уборы, воротники, края платья. Одежда состояла из трех длинных и почти однотипных кафтанов, которые Уварова определила как «одеяния, похожие на поздние горские бешметы».⁴⁶ Самый нижний, нательный шился из тонкой шелковой ткани (шелка-сырца, по Уваровой) белого цвета с невысоким стоячим воротником, украшенным тесьмой с нашитыми на нее бронзовыми круглыми бляшками — «выпуклинами»; следующий кафтан тоже шелковый, по краям обшитый позументом с высоким стоячим воротником из позумента или кожи. Жесткий воротник, плотно охватывавший шею, сплошь был покрыт медными бляшками и обшит толстым

шнуром с подвешенными вдоль всего борта чеканными лунницами и бубенчиками, прикрепленными на рожках (рис. 32, 3).

Верхний кафтан из штофа с шитыми шелком запястьями застегивался на петли из одноцветного мелкого шнура и два типа медных пуговиц: граненые бочкообразные с гнездами для камней, с находящейся посередине петель для пришивания, и продолговато-овальные с петлей на вершине и удлинением на противоположном крае (рис. 32, 2). Матерчатый кушак — из тонкой шелковой ткани зеленого цвета с поперечно затканными золотыми полосами. «Широкая ткань была сложена в узкий пояс, спереди завязанный узлом со спускающимися концами».⁴⁷

Обувь в виде ноговиц, кожаных чулок и чувяк.

Головные уборы были богато разукрашены жемчугом, золотыми пластинами, бляшками, лунницами, бубенчиками и золотым шитьем. В одном из погребений встретился головной убор с шишаком, сшитый из двух одинаковых половин,⁴⁸ подобный аланскому головному убору, найденному в Змейской, а также в кургане белореченского типа близ ст-цы Андриюковской.⁴⁹ В остальных случаях череп покрывала шапочка из толстого войлока

с полукруглыми выемками на висках, низко спускавшаяся на лоб и шею (с толстым «подбором» на затылке). Верхнюю часть шапочек украшал одинаковый на всех экземплярах узор в виде четырех сходящихся вершинами треугольников, который был выполнен либо шитым золотым шнуром, либо медными гнездообразными «выпуклинами» или столбиками, либо мелкими продолговатыми бубенчиками. В последнем случае бубенчики, очерчивая череп, «. . . частым убором спускаются весьма низко на лоб, покрывая его до глазных углублений».⁵⁰ Передняя часть шапочки на некоторых экземплярах была украшена изображением зверька или птички, вырезанных из штампованных пластинок, с подвешенными к ним на цепочках овальными бубенчиками. По низу и по всей окружности шапочки убирались золотыми штампованными пластинками квадратной или прямоугольной формы, к ним привешивались лунницы сканной работы со вставками из светлого стекла и привесками в виде мелких шариков-бубенцов. Над висками у всех шапок были прикреплены одна или две пары серег. Серьги найдены разных типов, чаще всего бронзовые, состоящие из кольца, к которому подвешен крупный дутый шарик, образованный из двух половин. Под ним и над ним — два ряда более мелких дутых бус (рис. 32, /). На всех костяках было покрывало из тонкой прозрачной ткани, которое, спускаясь до середины груди, закрывало лицо.

Каменные ящики как погребальное сооружение характерны для коренных обитателей Северного Кавказа. В одежде из погребений Махческа, с одной стороны, наблюдается сохранение прежних традиций, с другой — появляются новые черты в крое и орнаменте, которые могут быть связаны с новым этническим влиянием. По-прежнему обильно украшаются металлическими пластинами и бубенчиками головные уборы и платье. Но плотно облегающая голову шапочка приобрела здесь новые черты кроя и орнамента: она надевалась низко на лоб, имела выемки на висках и назатыльник, доньшко украшали четыре сходящихся вершинами треугольника из золотого шнура или металлических столбиков. Кафтан с прямым срединным разрезом ворота и сходящимися, обшитыми позументом полами имел высокий жесткий воротник, выступающий из-под ворота верхнего платья и соединяющийся с назатыльником.

Возможно, в одежде из погребений Махческа нашли отражение черты разных традиций: форма шапочки (чепца) напоминала нижние шапочки, изображенные на части кипчакских женских статуй Предкавказья, в которых оставались открытыми уши и боковые части головы;⁵¹ узор доньшка имитировал сшитое из четырех клиньев доньшко тюбетеек, бытовавших в XIII—XV вв. на широкой территории от Черноморского побережья до района Кисловодска и известных как черкесские.⁵² Навершие шапочек в виде зверька из штампованной пластины, может быть, является дальнейшим развитием наверший на головных уборах алан Змейской. Чепцы по всей окружности убирались пластинами с подвесками-лунницами с бубенчиками, а спереди до глазных углублений бубенчики густой сетью покрывали лоб погребенных, напоминая этим расположение украшений на шапочках-«шлемах» из Бежтинского могильника. Отметим также наличие такого элемента украшения, как лунницу, встречающуюся среди украшений дидойцев XII—X вв. Высокий стоячий воротник распространился в период главенства Золотой Орды среди многих народов Северного Кавказа и был характерен для XIV в.

Описание одежды балкарцев и карачаевцев XIV—XVII вв. отсутствует. Археологические материалы, полученные при раскопках погребений, дают некоторое представление о тканях, из которых одежда шилась, и о типах женских головных уборов.

В средневековых погребениях на территории Карачая неоднократно встречались обрывки войлока и грубой домотканины, а в богатых погребениях — шелка, парчи; попадались металлические орнаментированные навершия и пластины, служившие украшением женских шапочек, а также обрывки ткани от самих шапочек.⁵³ Вероятно, основным материалом для одежды средневековых жителей Карачая были кожа и войлок и, кроме того, домотканина — у рядового населения, шелк и парча — у родовой аристократии.

Головные уборы женщин, по реконструкции автора раскопок Х. Х. Биджиева, представляли собой высокие остроугольные тканые шапочки, на верхушку которых нашивались металлические, покрытые узором наверхия, иногда с шариком на макушке (возможно, шапочки обтягивались тканью, а основа была из более прочного материала — войлока или коры, так как ткань не смогла бы удержать наверхие из бронзовой или серебряной пластины). Поверхность шапочек украшалась металлическими пластинами со штампованным пуансонным узором; спереди над основанием шапочки пришивался «венчик» — штампованная серебряная или бронзовая пластина, которая к середине расширялась и часто в центре имела треугольный выступ; по бокам шапочки прикреплялись серьги-подвески.

Женские шапочки такого типа характерны для периода господства Золотой Орды, т. е. для XIII—XV вв. Они найдены в Белореченских курганах XIII—XV вв., принадлежавших адыгейской родовой знати,⁵⁴ на территории Пятигорья,⁵⁵ в курганах Карраса⁵⁶ и пр. Все они высокие и заканчиваются шишаком, но оформлены и украшены по-разному, что было связано с традициями, сложившимися у носивших их народов.

Следует отметить, что в Карачае украшавшие эти шапочки и, очевидно, одежду бронзовые и серебряные пластины, а также наверхия для шапочек и венчики покрывались штампованным пуансонным узором, характерным для изделий алан раннего средневековья. Сами венчики в качестве женского убора, как указывалось выше, неоднократно встречались в аланских ката-комбных погребениях: X—XII вв. у Змейской, VII—XIII вв. у Карачаевска,⁵⁷ X—XII вв. у Кисловодска,⁵⁸ а также найдены в курганах восточного побережья Черного моря.⁵⁹

Х. Х. Биджиев отмечает наличие венчиков также в составе головных уборов балкарок, найденных в Курнаятском и Ташлы-Галинском могильниках XIV—XVIII вв., раскопанных И. М. Ми-зйевым,⁶⁰ что лишний раз подтверждает мнение ученых об аланском компоненте в этногенезе карачаевцев и балкарцев.

В карачаевском языке, как сообщает Биджиев, до сих пор бытует термин *бокка* в значении «шапка». На этом основании он считает, что именно от монгольской бокки произошли женские шапочки карачаевцев золотоордынского типа. Как известно, монголов в Золотой Орде было мало. Остатки бокки в погребениях встречаются редко. Основным этносом, поглотившим монголов, были кипчаки. И не удивительно, что монгольское название женской шапочки, которую носили высокопоставленные монголки, перешло на занявшую ее место золотоордынскую. Истоки золотоордынской женской шапочки нужно искать не в монгольской бокке, а в кочевнических, в частности кипчакских, головных уборах XI—XII вв.

Головной убор с шишаком был известен у кочевников Восточной Европы задолго до появления там монголов и образования государства Золотой Орды. В дальнейшем этот кипчакский головной убор (в его состав входили валики, изображения которых часто встречаются на половецких женских статуях) несколько изменился: шапочка стала выше (в чем можно усмотреть влияние бокки), шишак часто изготовлялся из металла, на шапочке появились подвески, в одних случаях — у шишака, в других — по бокам основания убора. У кипчакской шапочки исчезли валики (которые, однако, еще в XVII—XVIII вв. входили в состав женского головного убора черкешенок и осетинок).⁶¹ Судя по сохранившимся гравированным изображениям женщин эпохи средневековья, к верхушке шапочки прикреплялось покрывало из легкой воздушной ткани.

Сохранение в карачаевском языке термина *бокка* в значении «шапка», возможно, говорит о сильном золотоордынском влиянии и о большом количестве поднявшихся в горы кипчаков, принявших участие в этногенезе карачаевцев и балкарцев.

Сведения об одежде осетин XVI—XVII вв. почти полностью отсутствуют. Предки осетин — аланы под натиском монгольских орд вынуждены были переселиться в высокогорные ущелья, где длительное время продолжали сопротивляться чужеземцам. Прежние места их обитания были заняты кабардинцами, отрезавшими осетин от равнин и предгорий Северного Кавказа и таким образом изолировавших их от северных соседей. Как правило, путешественники по Северному Кавказу, а также члены дипломатических миссий, отправляемых из России в Грузию в XVI—XVII вв., ничего или почти ничего не говорили о костюме осетин.

Первое обстоятельное описание их одежды принадлежит представителю русской военной администрации на Северном Кавказе офицеру Штедеру и датируется второй половиной XVIII в. (1781 г.).⁶² Затем (1779—1782 гг.) по Кавказу путешествовал Я. Рейнеггс,⁶³ в 1798 г. совершил длительную поездку по Северному Кавказу Я. Н. Потоцкий,⁶⁴ в 1807—1808 гг. — Юлиус Клап-рот.⁵ Все они в своих описаниях в какой-то мере касались одежды осетин, а Ян Потоцкий снабдил описание путешествия прекрасно выполненными рисунками, на одном из которых он изобразил ингуша и осетина в национальной одежде.

Клапрот путешествовал по Кавказу в самом начале XIX в., тем не менее его описание осетинской одежды свидетельствует

О сохранении в ней некоторых традиций, возникших, очевидно, значительно раньше XVIII в. Это дает возможность использовать его материалы при датировке одежды и реконструировании

головных уборов, найденных во время археологических работ, так как кроме описаний имеется археологический материал по одежде осетин-тагаурцев из склепов Даргавса, Джимары и, по-видимому, из Куртатинского ущелья.

В наземных склепах Тагаурии XV—XVIII вв. были обнаружены предметы мужской и женской одежды, некоторые из них сохранились целиком, остальные — в фрагментах. Большой интерес представляют раскопки 1920-х гг. Куфтина в наземных склепах Горной Осетии, где были найдены предметы одежды прекрасной сохранности, большей частью женской.⁶⁶ К сожалению, к настоящему времени паспортные данные этих экспонатов полностью утрачены и точно не известно, близ каких селений они найдены. По мнению крупнейшего специалиста по одежде народов Северного Кавказа Е. Н. Студенецкой, Б. А. Куфтин проводил свои разыскания в Даргавсе и в Куртатинском ущелье.

В 1967—1969 гг. В. А. Кузнецов и В. Х. Тменов обследовали склепы Даргавса и Джимары и в наземных гробницах обнаружили большое количество одежды, сохранившейся в основном в обрывках, но иногда встречались и целые вещи.⁶⁷ Материалы из раскопок 60-х гг. дополняют данные Куфтина и, таким образом, в настоящее время имеется некоторое количество наплечной и поясной одежды (нижней и верхней), обуви и головных уборов. Сложность заключается в определении времени их бытования, так как хронологически выделить разные типы костюма в склеповых погребениях невозможно. Иногда вещь датируется по орнаменту, технике и месту изготовления ткани, но временные рамки при этом бывают часто очень большими, поэтому при датировании мы будем использовать описания одежды XVIII—начала XIX в., а также попытаемся приблизительно определить время бытования разных типов одежды путем сравнения их с аналогичной одеждой, бытовавшей у соседних народов.

В Гос. музее этнографии народов СССР в Ленинграде хранится 25 предметов одежды из раскопок Куфтина, из них 13 предметов верхней плечевой одежды, 4 — нижней, 5 — поясной,

1 кушак и 2 головных убора.⁶⁸

Экспедиция под руководством В. А. Кузнецова в 1967—1969 гг. обнаружила в склепах Даргавса и Джимары 14 предметов одежды, сохранившихся целиком: 7 плечевой, 2 поясной, 5 головных уборов, и большое количество ее фрагментов из домотканого сукна серого и черного цвета, импортных тканей (сукно, шелк и т. д.) разного цвета (красного, золотистого, коричневого, фиолетового, синего и зеленого),⁶⁹ а также и остатки обуви.

Оба головных убора из ГМЭ по описи значатся как женские.⁷⁰ Они одинакового покроя, но один изготовлен из парчовой узорной ткани, на подкладке; другой вязаный. Первый — «колпак» из четырех частей с круглым верхом, без околыша. Второй - типа тюбетейки с круглым доньшком, из четырех клиньев, с околышем. Украшен коричневым шнуром и мелкими белыми бусами, собранными по 8 штук вместе.

При раскопках склепов Даргавса тоже были найдены головные уборы, сшитые из двух и более клиньев, причем часть из них имела форму небольшой круглой шапочки, «. . . получившей особое признание у женщин. . .».⁷¹ Подобные головные уборы наблюдал у осетин Клапрот, писавший, что «. . . черкесские и осетинские девушки и молодые женщины носят круглые шапки, подобно мужчинам. . . (...) А у мужчин шапка небольшая и круглая, похожа на черкесскую».⁷² Такую шапку в качестве головного убора изобразил на осетине Потоцкий; она невысокая, круглая, сшита из нескольких равных долей или клиньев и вдоль нижнего края обшита полосой светлого меха.⁷³

В склепах также были найдены глубокие колпаки на подкладке. Один экземпляр оказался утепленным, на шерсти, лобная часть простегана, у тыльной — две матерчатые вязки.

Тогда же там были найдены остатки двух головных уборов сложных конструкций: «Первый представляет собой матерчатый жгут с выступающим утолщением в лобной части и завязками в тыльной, постепенно суживающейся части. К жгуту-основе пришит длинный колпак (плохо сохранившийся), на подкладке. Насколько удастся определить, колпак сшит из двух клиньев».⁷⁴

Конструкцию этого головного убора объяснил Клапрот, отметивший, что «. . . пожилые женщины носят набитые шерстью и покрытые полотном валики, поднимающиеся кверху и вперед, шириною в руку с небольшим наклоном вверх. Около ушей и на шее этот валик становится все тоньше; около шеи он не толще обычной шапки. Этот валик называется богтак. От него книзу висит большой белый платок, под которым часто заплетены волосы».⁷⁵ По его словам, этим головным убором кабардинцы, осетины, дигорцы, беслены, темиргойцы и другие народы, жившие у Черного моря, отличались от татар.

На одном из рисунков Григория Белого (1770—1773) —рисовальщика экспедиции акад. И. А. Гильденштедта — изображена кабардинка в национальном костюме. Ее головной убор спереди с возвышением покрыт большим белым платком, окутывающим сзади косы.⁷⁶ Возможно, Григорий Белый изобразил головной убор с валиком. находка из наземных склепов Даргавса, описание, оставленное Клапротом, и рисунок Белого воссоздают конструкцию, которая до того была не ясна, и внешний облик этого головного убора.

Второй конструктивно сложный головной убор — диадема, напоминающая по форме удлиненное человеческое сердце, от которого в обе стороны отходят узкие полосочки. Диадема покрыта узором из

зигзагообразных линий. К ее тыльной части пришит красный колпачок из холста, с острым верхом. Диадемы такой формы были также найдены и в средневековых склепах Балкарии XVI—XVII вв.⁷⁷ Обувь в коллекции Б. А. Куфтина отсутствует, а В. Х. Тме-нов пишет о чувяках цельнокроеных или из двух кусков кожи, которые сшивались вдоль подметки, от пятки до носка, и сбоку. Иногда они украшались аппликацией из медных пластин с чеканкой из прямых и пересекающихся линий. Пластинки нашивались на тканый чувяк, натягивавшийся поверх кожаного. С чувяками носили длинные ноговицы из светлого домотканого сукна или сафьяна, внизу — со штрипками из тесьмы, вверху — с войлочными или кожаными подвязками.⁷⁸ На рисунке Потоцкого на осетине показаны высокие светлые ноговицы, плотно охватывающие ноги, выше колен укрепленные подвязками, и калоше-образные мягкие чувяки с отделкой вдоль верхнего края (рис. 33).

Рис. 33. Осетин (справа) и ингуш (слева) в национальных костюмах (2-я половина XVIII в.).

Другим видом обуви, очень удобным в горных условиях, были *аерчъита*, изготовлявшиеся из сыромятной кожи со швом-строчкой или плетенкой на заднике, с плетеной из полос кожи подошвой. Штедер подобную обувь наблюдал у дигорцев и описал ее как «. .носки, отделанные мягкой кожей снизу вместо подметок с плетеными ремнями и подложенной снизу травой. . .».⁷⁹ Упоминает «аркиты» и Клапрот, говоря, что надевают «их осетины во время своих путешествий, так как в такой обуви. . . безопасно проходить по самой скользкой и крутой дороге». По его словам,

«аркиты» делают из кожи козули или серны, а подошву — из переплетенных ремней; зимой для тепла в них кладут сено.⁸⁰

Кроме того, у осетин бытовала и специальная зимняя обувь «. . чувяки, напоминающие боты, из кожи крупного рогатого скота. В них также клали сено».⁸¹

Верхней наплечной одеждой осетин, по мнению Тменова, были черкеска и бешмет. Черкеска была праздничной и выходной одеждой, бешмет — обыденной. Зимняя одежда, меховая или стеганая, имела такой же покрой. Из 12 кафтанов коллекции Куфтина только один, записанный в качестве женского, имеет грудной вырез. Прочая наплечная одежда совпадает по крою с черкесской, бытовавшей в XIX в. у различных народов Северного Кавказа, и имеет круглый ворот с разрезом посередине, который застегивали до пояса на пуговицы-узелки и петли из шнура, иногда — на вязки. Особенно четко этот покрой прослеживается на мужской одежде, однако и женская верхняя одежда имеет в боках ниже талии клинья и по крою близка мужской.

На рисунке Потоцкого осетин показан в бешмете, широкий образующий складки подол которого спускается до половины бедра. На круглый ворот бешмета выпущен отложной воротничок нижней рубахи белого цвета. Разрез ворота — срединный; правый борт несколько изогнут и завязан вязками из черного шнура. Ниже изгиба разрез прямой, до пояса обшит черным шнуром и застегнут на две застёжки. Запах справа налево. Рукава вшивные, длиной до кисти, книзу суживаются. По сторонам груди 2 карманчика с газырями, пришитые наклонно. Кафтан опоясан кожаным поясом с металлическими круглыми бляшками (рис. 33). Как видим, изображенный на рисунке бешмет, имея такой же или близкий покрой, отличается от найденной в склепах одежды длиной (он значительно короче), наличием отложного воротника и изгибом борта. Можно предположить, что при общем для всех осетин или очень близком покрое верхней одежды наплечная одежда разных групп осетин отличалась деталями. Так, Штедер пишет о кафтанах дигорцев, которые шили им жены из серого или черного грубого сукна, что они были короче татарских и имели разрезные рукава.⁸² В склепах Тагаурии кафтаны с разрезными рукавами не найдены. Возможно, они не сохранились от более раннего времени. В Дигории же они бытовали еще в конце XVIII — начале XIX в.

Кроме кафтанов в склепах найдены халаты. Некоторые из них прямые, расширяющиеся книзу, со швом на плечах и прямыми, широкими короткими рукавами, из полуселковой узорчатой (иранской?) ткани, иногда с изображением людей и растений. В других случаях халаты имели прилегающий кафтанобразный покрой, без воротника, с вязками у ворота; полы цельные, спинка отрезная, в боках — вставки; рукава короткие, широкие. Ткань — полуселковая или шелковая, с узором.

Такого же типа одежда была найдена в наземных склепах Ингушетии (в настоящее время экспонируется в Краеведческом музее г. Грозного). Мужской халат там прямой, с короткими рукавами, опоясан кушаком. Женский — прилегающий, с короткими прямыми рукавами.⁸³

Халаты в качестве верхней женской одежды бытовали в конце XVIII в. у ногайцев Северного Кавказа. Халат (кафтан?) из легкой ткани прилегающего покроя, с короткими прямыми рукавами и расширяющимся книзу подолом в качестве верхней одежды изображен в 1793 г. П. С. Палласом⁸⁴ и в 1798 г. Яном Потоцким⁸⁵ на ногайской княжне. На аульной татарке (ногайцы района Терека) Григорий Белой показал верхний халат широким, слегка расширяющимся от проймы вниз, с широкими прямыми рукавами немного ниже локтя.⁸⁶ Интересно отметить, что прилегающий халат служил в конце XVIII в. верхней женской одеждой, возможно, также у ингушей и осетин.

В склепах Даргавса Куфтиным была обнаружена женская (?) куртка из хлопчатобумажной ткани серого цвета, простеганная на подкладке с толстым слоем шерсти. Она прямого покроя, с воротником в виде набитого шерстью валика. Вырез ворота круглый, разрез срединный, сплошной и застегивается на пуговицы и петли из шнура. Подол куртки завершается двумя валиками: узким и широким. Рукава длинные, книзу суживаются и заканчиваются полуманжетой, простеганной в 4 ряда крупной объемной стежкой.⁸⁷

Среди предметов одежды коллекции Куфтина имеется платье девочки из шелка-сырца бледно-желтого цвета, на подкладке из марли. Оно туникообразное, расширяется ниже талии, скруглым вырезом ворота и прямым срединным грудным разрезом. Рукав прямой, вшит в прямую пройму.⁸⁸

Женское платье найдено в Даргавсе экспедицией Кузнецова. Сшито оно из светлого ситца в мелкие красные цветочки. Имеет глубокий грудной вырез и прямые длинные рукава с ластовицей из шелка, перевязанные у запястья тесьмой.⁸

Под платье или бешмет надевали нижнюю рубаху. Штедер писал, что осетины под нижнее платье из холстины или бумажной ткани часто надевали «грубые сорочки».

В склепах мужской сорочки найдено не было. Женские нижние рубахи из сборов 20-х гг. представлены пятью экземплярами, четыре из которых сшиты из одного вида ткани — шелка-сырца или домотканины, а одна комбинированная из трех родов ткани: шелка-сырца, домотканины и набойки. По крою они все в основном одинаковы: туникообразные, с боковинами, с длинными прямыми рукавами, вшитыми в прямую пройму, с ластовицей, с круглым вырезом ворота и глубоким разрезом. На четырех рубахах разрез осевой,⁹¹ на пятой — левосторонний.⁹²

Поясной одеждой у мужчин и женщин служили штаны одинакового покроя: прямые длинные штанины иногда слегка суживались книзу. В шаг вставляли широкий клин. У верхнего края делали узкий рубец, в который продевалась вздержка в виде тесьмы или веревочки. Мужские штаны из коллекций Куфтина сделаны из мешковины и холста, женские — из шелка-сырца и полосатой полупелюшковой ткани.⁹³ По описанию Штедера, осетины носили «. . . длинные, белые, достигающие лодыжки штаны. . .».⁹⁴ На рисунке Я-Потоцкого штаны у осетина также изображены белыми, заправленными в белые ноговицы. Тменов на основании найденных остатков одежды из наземных склепов считает, что осетины шили штаны из домотканого сукна, холста, шелка и других тканей, преимущественно темного цвета, реже пестрые или полосатые,⁹⁵ а Магомедов сообщает, что зимой они носили штаны из овчины.⁹⁶ По словам Клапрота, «осетинки, так же как и черкешенки, штанов не носили».⁹⁷ Возможно, длинное платье осетинки скрывало штаны. Материалы экспедиций 1920-х и 1960-х гг. свидетельствуют о наличии штанов в составе женской одежды осетин.

Сложнее дело обстоит с халатами. Халаты на Северном Кавказе у адыгов известны с XVI в. по описанию Георгия Интериано. В XVII в. уже в качестве женской одежды Адам Олеарий изобразил халат на кабардинке. Во второй половине XVII в. о прилегающих «халатах» с отложными воротниками, которые шили портные племени такаку, говорил Эвлия Челеби. Когда появились халаты в горах Кавказа, сказать трудно. Некоторую помощь при их датировке нам окажут ткани, из которых они были изготовлены. Шелковые и полупелюшковые ткани с растительным узором, а также с изображением человеческих фигур поступали из Ирана и Азербайджана на рынок Тбилиси, который был крупным торговым центром, начиная с XV в. и отсюда попадали к горцам Северного Кавказа. В XVII—XVIII вв. в иранских тканях преобладали растительные орнаменты, а сцены из жизни феодалов с изображением человеческих фигур, характерные для более раннего времени, постепенно исчезали.⁹⁸ В коллекции Б. А. Куфтина и в наземных склепах Джимары встречаются халаты, изготовленные из полупелюшковых тканей с изображением человеческих фигур.⁹⁹ Поэтому, как нам кажется, халаты из Даргавса и Джимары можно условно датировать XV—XVII вв. Отметим, однако, что в конце XVIII в. у ногойцев бытует в качестве женской одежды прилегающий «халат», т. е. по крою близкий к верхней женской одежде осетин и ингушей. Поэтому, как нам кажется, халаты из склепов Даргавса осторожнее датировать также и XVIII в.

Наиболее старые черты в покрое имеет платье девочки: пройма не выкроена — прямая, рукава прямые, без ластовицы. По крою это платье можно отнести к XVII в. Однако, как мы знаем из этнографии, устаревшие виды одежды часто превращаются в детские, поэтому определить время его изготовления трудно, можно лишь отметить архаичность покроя.

Куртка из коллекции Б. А. Куфтина, простеганная на толстом слое шерсти, могла быть одеждой, одеваемой под кольчугу, но, с другой стороны, сама могла служить броней, подобно русским стегаными тегилям XVI в.¹⁰⁰ Такая же куртка бытовала и у адыгов.¹⁰¹

Подведем итоги: археологические материалы из склепов Та-гаурии и описания очевидцев характеризуют в основном одежду XV—XVII вв., а возможно, и XVIII в. (Известно, что мужской костюм в XVIII в. состоял из сорочки, штанов, кафтана (с разрезными рукавами — у дигорцев, длинными, суживающимися к кисти — у тагаурцев), ноговиц, обуви и головного убора (у тагаурцев — круглая невысокая шапка, у дигорцев — высокая татарская). В непогоду надевали плащ (бурку) и башлык. Зимой — полушубок).

Женская одежда состояла из нижней рубахи, штанов и верхнего кафтана или распашного платья, по крою близкого к мужскому, но более длинного. Девушки из феодальных семей носили кожаный корсет подобно кабардинкам и не имели права снимать его до замужества (жених кинжалом разрезал вязки корсета в первую брачную ночь).¹⁰² На ноги надевали чуваки, на голову — круглую шапочку молодые (вероятно, девушки и не рожавшие молодые женщины), пожилые — сложный головной убор в форме валиков, спереди с выступом. Все это сверху покрывалось колпаком и большим платком. Головной убор -диадема напоминает венчики, разные типы которых были найдены на Черноморском побережье близ ст-ца Раевской и Натухайской и на аланском кладбище X—XII вв. близ ст-цы Змейской. Диадемы, подобные даргавской, были найдены в Балкарии в склепах XV—XVII вв. Возможно, этот головной убор связан с балкарцами.

О том, как одевались чечено-ингушские племена во время раннего средневековья, известно очень мало. В подземных и полуподземных склепах XI—XIV вв. одежда не сохранилась. Об одежде этих племен дают представление изображения на рельефе, расположенном на восточном фасаде храма Тхоба-Ерды (XII в.). Здесь показаны две мужские фигуры в длиннополых (по лодыжку) рукавных кафтанах, опоясанных вокруг талии. Одна из этих фигур в колпакообразном коническом головном уборе. Рядом с ней сохранившаяся только на $\frac{2}{3}$ фигура мужчины с бородой в коротком (?) кафтане. И между первой и последней, очевидно, духовное лицо в круглом головном уборе и гиматии (рясе?), накинутом на плечи и скрывающем всю фигуру.

Значительно больше сведений о костюме ингушей имеется для XV—XVIII вв. Проф. Л. П. Семенов в 1925—1932 гг. провел в Ингушетии археологические исследования, раскопав целый ряд подземных,

полуподземных и надземных склепов.¹⁰⁴ В надземных склепах XV—XVIII вв. произошла естественная мумификация. В них были обнаружены комплекты мужской и женской одежды, головные уборы и обувь. Ввиду того что склепы в течение сотен лет были местом коллективного захоронения, предстоит задача путем сравнения видов одежды, обуви и головных уборов с таковыми, существовавшими у других народов Северного Кавказа, постараться хотя бы приблизительно уточнить время их бытования. Л. П. Семенов, а позже Е. И. Крупное, производившие археологические разыскания в Ингушетии в 30—40-х гг., оставили описание найденной одежды. Несмотря на то что описания эти довольно поверхностны, они дают тем не менее представление о типах бытовавшего там платья и о различных сохранившихся в одежде традициях.

По сообщению Семенова, мужская одежда состояла из холщовой рубахи; холщовых штанов на вздержке, иногда с кожаными штрипками; цветного шелкового халата ниже колен, с длинными, часто длиннее руки, рукавами; второго, более короткого, стеганого цветного халата с укороченными рукавами, опоясанного белым холщовым кушаком или узким ремнем с медным или железным набором. На голову надевалась цветная стеганая шапка, иногда с кисточкой. В одном случае стеганая шапка имела шлемообразную форму с четырьмя разрезами по краям (склеп в с. Евлой). В других шапка была меховой с цветным верхом. Обувь состояла из сафьяновых красных или черных чупяк, иногда башмаков или сапог, подбитых железными скобами.¹⁰⁵

Другой вариант мужской одежды описывает Крупное. Он полагает, что найденная в надземных склепах мужская одежда состояла из кафтана или халата из цветной шерстяной ткани; шаровар, забранных в мягкие козловые сапоги — «ноговицы» (иногда ноги были обвиты обмотками); шапок мягких стеганых, изредка барашковых. На кафтанах один или два кожаных пояса с железными или бронзовыми наконечниками и бляшками. На поясах висели кисеты из кожи с кресалом и трупом. К поясу подвешены были ножи с костяными или деревянными рукоятями, изредка сабли; в поздних погребениях — кинжалы кавказского типа грубой работы. Кроме того, в погребениях найдены наконечники стрел, луки и небольшие деревянные, обтянутые кожей щиты.¹⁰¹

Женское одеяние, по словам Семенова, состояло из холщовой или хлопчатобумажной рубахи, холщовых шаровар и цветного длинного халата, опоясанного кушаком. Голова была покрыта куском холста, иногда им наглухо было закрыто и лицо. Волосы были заплетены в мелкие косы. Серьги, вернее, височные подвески с у—8 лопастями были нашиты на ткань или «вдеты в уши». На ногах — чупяки из сафьяна. «Нередко, — пишет Семенов, — встречается особого рода головной убор — подобие изогнутого рога. .. Сделан он из тонкого войлока, обтянут красной тканью, украшен перевязью и круглой выпуклой бляхой. . . Старинное его название „курхарс“».¹⁰

Иногда платьев было больше. В одном из склепов Тери было найдено два нетронутых погребения. В женском под черепом лежал сложенный вдвое головной убор *курхарс*. Верхнее платье было из плотной шерстяной материи красного цвета. Оно спускалось до ступней ног. Талию охватывал кушак из более тонкой красной ткани. Второй «покрова» из тонкой коричневатокрасной материи имел вид длинной рубахи без воротника с медными застежками и глубоким грудным разрезом, справа близ ворота в ткань были воткнуты две железные иглы. На тело была надета холщовая рубаха желтоватого цвета, без воротника, застегнутая серебряной шарообразной пуговицей. Разрез на груди менее глубок, чем на втором одеянии. Рукава были ниже кистей рук. Поясная одежда — широкие холщовые шаровары на вздержке, спускавшиеся ниже колен. Обувь в виде шерстяных красных ноговиц, доходивших почти до колен, и черных сафьяновых чупяк с острыми носками и глухим швом на подошве. Шея была повязана куском шелковой ткани в красные, зеленые и желтые полосы. На шее — нитки сердоликовых и стеклянных бус, на пальцах рук три перстня (два на левой, один на правой).⁰¹

По материалам Крупнова, женский костюм состоял из двух или трех длинных платьев-рубах с неглубоким разрезом на груди. Нижнее платье было с короткими рукавами из грубого холста. Верхнее (на некоторых женщинах) — из шелковой цветной материи с длинными рукавами, с маленькими металлическими пряжками и пуговицами на груди. Нередко встречалось и третье платье, сшитое из плотной грубоватой шерстяной ткани собственного производства. Это платье также имело длинные рукава и разрез на груди, застегивающийся пуговицами. Талию охватывал кушак из шелка или холста. Поясная одежда — шаровары из холста или из тонкой шерстяной материи. На ногах — чупяки или сапоги на мягкой подошве, из цветного сафьяна. «Все верхние платья, особенно шелковые, обычно имеют яркие цвета: красный, синий, зеленый, оранжевый. Головы украшались 8-лопастными височными подвесками из меди, бронзы и серебра. В богатых погребениях найдены головные уборы „курхарс“. На шее — нитки бус, на пальцах — перстни бронзовые или серебряные. У пояса — железные ножницы и сумочка с нитками, иглками, наперстком, деревянные гребни, иногда стеклянные зеркала в деревянной оправе».¹⁰⁵

Таким образом, у нас имеется два варианта мужской одежды и три — женской. Первые варианты мужского и женского костюма (нижняя рубаха и шаровары, халат), если судить по описанию Л. П. Семенова, почти полностью совпадают. Наблюдаемые при этом различия, возможно, сохранялись в качестве особенностей мужской и женской одежды (мужской халат длиной по колени или немного

ниже, а рукава его — длиннее руки, женский — длиннее, рукава — короче). Мужской костюм был дополнен коротким стеганым камзолом («халатом») с укороченными рукавами, служившим верхней одеждой, которая обычно является и самой поздней; следовательно, камзол появился в мужском костюме ингушей позже остальных предметов плечевой одежды.

Самая нижняя одежда, как правило, является и самой древней. Вероятно, когда-то рубаха, и шаровары были единственной одеждой. Затем они были дополнены халатом и, таким образом, возник новый, более сложный комплект одежды. Наконец, в мужском костюме появился короткий стеганый камзол, характерный для XVII в. Следовательно, первые варианты мужской и женской одежды ингушей можно датировать XVII в. (определить время бытования предшествовавших комплектов одежды трудно; очевидно, рубаху, шаровары и халат носили до XVII в.). В какой-то мере они перекликаются с одеждой, о которой говорил Тавернье при описании черкесов (см. выше), но, с другой стороны, описанные им предметы напоминают и второй вариант мужского костюма ингушей, обнаруженный в склепах Е. И. Крупновым: нижний, он же и верхний, цветной халат, широкие шаровары, ноговицы, чувяки.

Отметим, что покрой верхней одежды у ингушей и народов Восточного Кавказа уже в XVII в. имел нечто общее. Проезжая через горные селения Ингушетии в первой половине XVII в., русский посол в Грузию князь Федор Волконский писал в донесении царю Михаилу Федоровичу об ингушах, что «. . . ходят мужики по-черкески» (в данном случае говорится о костюмах черкесов-кабардинцев, которые в то время были больше известны русским, чем черкесы Северо-Западного Кавказа). Приблизительно в это же время (1636—1638 гг.) проезжавший вдоль западного побережья Каспийского моря член Голштинского посольства в Московию и Персию Адам Олеарий о мужской одежде кабардинцев говорил, что «. . . одежда мужчин похожа на дагестанскую, но шапки их (кабардинцев. — Т. Р.) несколько шире и очень похожи на иезуитские. . .»." Описывая «дагестанских татар», Адам Олеарий отмечает: «. . . ходят в длинных серых и черных кафтанах, сделанных из плохого сукна. . . на голове шапки, сшитые четырехугольником из куска черного сукна. . . башмаки из овечьей или лошадиной кожи вырезаны из одного куска. . . войлочный плащ на ремне. . .».² Такой костюм носили в основном низшие слои населения.

В склепах (которые принадлежали, очевидно, родовой знати (?)) не найдено ни войлочных вещей, ни суконных шапок иезуитского облика, ни кафтанов из серого или черного сукна. Знать надевала кафтаны из дорогих шелковых импортных материй ярких расцветок и часто другого покроя, о чем наглядно свидетельствуют первый и второй варианты мужской одежды. Из трех комплектов женской одежды только в состав первого в качестве одежды верхней входит распашная плечевая одежда. Во втором и третьем — одежда глухая, и хотя в общих чертах второй и третий вариант близки, но в деталях, говорящих, очевидно, о разных традициях, они различаются. Так, во второй вариант женского костюма входили три платья-рубахи почти одинакового покроя, но нижнее платье имело короткие рукава. В Мошовой Балке, среди предметов женской одежды VIII—IX вв. и на фресках Сентинского храма XII в. встречались платья и изображения платьев с короткими рукавами.³ Может быть, у ингушей такой вид одежды, став одеждой нижней, сохранился до XVIII в.

Третий вариант костюма близок ко второму, только верхнее платье из красной шерстяной ткани с длинными рукавами и с неглубоким грудным разрезом было длиной до ступней и опоясывалось кушаком из красной тонкой материи; среднее платье-рубаха (также с рукавами) из коричневатокрасной ткани было с глубоким грудным разрезом, нижнее — с рукавами длиннее руки. В костюме входили широкие шаровары, ноговицы из красной шерстяной материи, чувяки, курхарс. Этот вариант женской одежды довольно интересен. Все платья — глухие рубахи. Однако первое, красное, самое длинное и опоясано красным кушаком. Второе — с глубоким грудным разрезом, подобно платьям-рубахам, которые видел Адам Олеарий у кабардинок в первой половине XVII в." Кстати, и цвета платьев совпадают: красный, синий, оранжевый, зеленый. Нижнее платье-рубаха имело рукава длиннее кисти руки, которые выступали из-под рукавов верхних платьев, подобно тому как это имело место в костюме пожилых узбечек Хорезма еще в начале XX в. Обращает внимание цвет погребальной одежды: красное платье, красный пояс, красные ноговицы, красный курхарс и черные чувяки (черные чувяки считались погребальными у грузин).

В третьем варианте костюма сочетаются разные традиции: самая древняя связана с длинным платьем типа рубахи с рукавами длиннее руки. Этот вид плечевой одежды бытовал, вероятно, до XVII в. В конце XVI — начале XVII в. могло появиться платье-рубаха с глубоким грудным разрезом, известное по описанию Олеария нижней рубахи кабардинок. В конце XVII в. — длинное глухое верхнее платье с длинными рукавами. Следовательно, третий вариант женской одежды можно определить концом XVII в.

Уже в XVII в. головной убор курхарс поразил своей оригинальностью послов московского царя. Федор Волконский писал об этом уборе, что «. . . женки носят на головах. . . что роги вверх в пол-аршина».¹¹¹ Клапрот, путешествовавший по Кавказу в самом начале XIX в., также не мог не обратить внимания на необычный женский головной убор, «. . . который по форме напоминает рога серны, согнутые наперед. Он (головной убор. — Т. Р.) обыкновенно сделан из коры березы и покрыт сукном или шелком, имеет в

ширину около 2 дюймов, в высоту семь дюймов, украшен гирляндами. Этот убор называется „чугул“.¹¹⁶

Поразил курхарс и археологов, нашедших его во время раскопок. «Своеобразны и изящны женские роговидные головные уборы, обтянутые красной тканью, со свешивающейся сзади короткой тыльной частью какого-либо другого цвета (синего, золотистого и т. д.). Убор этот украшен выпуклой круглой серебряной бляхой, кружевом и лентами. . .», — писал Семенов.¹¹⁷ По мнению Е. И. Крупнова, курхарс встречается только в наиболее поздних склепах и только у богатых женщин. Очевидцами зафиксировано его бытование с начала XVII в. (бытовал он, возможно, и в начале XIX в.).

Археологи, каждый по-своему, объясняли появление в горах Кавказа этого своеобразного головного убора. Семенов сравнивал его с фригийским колпаком и выводил из Фригии.¹¹⁸ Другие считали курхарс головным убором, развившимся на местной основе. Как мы думаем, форма курхарса связана с мировоззрением ингушского общества того времени. Рога на Кавказе повсюду имели сакральное значение: их приносили в жертву (храмы были полны рогами), они служили также оберегом. Возможно, именно с последним качеством и была связана форма курхарса.

Рога на головном уборе в качестве оберега (или рогообразные головные уборы) встречались в XVII в. у разных народов Восточно-Европейской равнины. Причем у каждого народа этот убор принимал своеобразную, близкую к его традициям форму. Так, например, описывая женский свадебный костюм черемисов, Я. Я. Стрейс сообщал: «Наряд невесты удивителен, украшен предметом наподобие рога в локоть вышиною, укрепленным прямо над лбом, на конце висит кисточка с колокольчиками».¹¹⁹

Говоря о высоте головного убора, можно вспомнить, например, Россию, где в XVII в. носить высокие шапки могли только бояре. Вероятно, и в нашем случае данное явление имеет социальный характер, так как, по наблюдениям Е. И. Крупнова, курхарс встречался только в богатых погребениях (хронологически не раньше XVII в.), хотя, как нам кажется, здесь вопрос более сложный.

В заключение необходимо упомянуть, что хотя и передана работа в издательство в 1988 г., закончена она была в 1982 г. С тех пор появилось много материала, которого автор по ряду причин не смогла охватить.*

Считаю, что работа над изучением одежды населения Северного Кавказа должна быть продолжена. Необходимо тщательно собирать не только материалы археологии и типы и детали еще недавно бытовавших костюмов, особенно женских, но и их названия, так как происхождения терминов в некоторых случаях уходят своими корнями в седую древность. Например, шуба аварцев носит название *сагула*. *Сага, сагула* — так назывался плащ у галлов, известный по описанию древних авторов I в. до н. э.; в X—XII вв. н. э. — название плаща в Византии, а в наше время бытует как одно из названий для плаща определенного покроя в одном из высокогорных аулов Аварии. Примеры можно было бы умножить, но я приведу только один, который еще требует своего изучения. В. С. Уарзиати, осетинский этнограф, недавно наблюдал в Осетии мужской плащ, носящий обрядовый характер. Плащ был на подкладке из гагачьего пуха и производил впечатление надутости. Название плаща на диалекте ирон звучало как *теджелла*, а на дигорском — *тегелла*. У русских ратников XVI в. существовал стеганый доспех, подбитый пенькой, судя по рисунку Герберштейна, тоже производивший впечатление надутости. Назывался он *тегилай*.

Все эти термины уточняют контакты, которые существовали в течение веков у населения Северного Кавказа.

* К сожалению, автор не смогла закончить работу над готовящейся в издательстве к публикации книгой. Т. Д. Равдоникас скончалась в июле 1989 г. после тяжелой продолжительной болезни. — *Ред.*

Примечания

К, главе 1

¹ СиЖБ; К.—W.; Марты Ю. Ю. Позднеэллинические надгробья как историко-культурный документ // СА. Т. 7. С. 31—44; Максимова М. И., Наливкина М. А. Скульптура // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 296—324; Кобылина М. М. Скульптура Боспора // МИА. 1961. № 19. С. 171—188.

² Кобылина М. М. 1) Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья // САИ. 1970. Вып. Г1-11; 2) Терракотовые статуэтки Пантикапей // Там же. 1974.

³ АДЖ. Т. 1—2; Ернштедт Г. В. Монументальная живопись Северного Причерноморья : (Общий обзор памятников живописи) // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 248—285.

⁴ Хрисостом Дион. Борисфенитская речь.

⁵ Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Кн. 3, письмо 10, § 15.

⁶ Мозалевский Б. М. Товста Могила. Кит, 1979; см., например, верхний рельеф пекторали из Толстой Могилы.

⁷ Геродот. История. VII, 67.

⁸ Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 53, 73; Василевич Г. М. Тунгусский кафтан // СМАЭ. 1958. Т. 18. С. 122—178.

⁹ СиЖБ. С. 99.

¹⁰ К.—W. Taf. 25, 302; 30, 436; 35, 500.

¹¹ Ibid. Taf. 30, 436; 35, 500.

¹² Ibid. Taf. 38, 540, левая фигура.

¹³ Ibid., правая фигура.

¹⁴ Ibid. 541, правая фигура.

¹⁵ Ibid. Taf. 25, 362; 30, 436; 35, 500.

¹⁶ Ibid. Taf. 16, 241.

¹⁷ Ibid. Taf. 35, 500.

¹⁸ Ibid. Taf. 38, 540.

¹⁹ Ibid. Taf. 16, 241; 38, 541; 39, 406.

²⁰ Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы. . . С. 53, рис. 33; с. 72—73, рис. 49. Автор дает термины для мужской и женской одежды: мужская (энцы) joddu (Gas.), jodduh (Пр.), deddy (Д.); женская (энцы) — kobeddo (Cas.); *комидо* или *комизо* (Д.); нганасаны — jakua (Cas.).

²¹ Там же. С. 53.

²² Там же. С. 53, 72; реконструкция: с. 96, рис. 69.

²³ Василевич Г. М. Тунгусский кафтан. С. 126.

²⁴ Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы. . . С. 54.

²⁵ К.—W. Taf. 29, 422; Taf. 38, 541 и др.

²⁶ Вспомним, как древние финикийцы торговлей завоевывали греков архаического периода (см., например: Тураев Б. Древняя финикийская рукопись // Византийский временник.

²⁷ Мифологический словарь / Ботвинник М. Н., Коган М. А., Селецкий Б. П. Л., 1961. С. 140.

²⁸ Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. Табл. XVIII, 13.

²⁹ Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья. Табл. 15, /; ГЭ, инв. № 1852:19; ГИМ, инв. № 695.

³⁰ Winter Fr. Die antiken Terrakoten. Berlin; Stuttgart, 1903. Bd 2. S. 316. Abb. 3.

³¹ См.: Кивокурцев Н. П. Боспорская гипсовая статуэтка Эрота // СА. 1941 Т. 7. С. 280.

124
³² Кобылина М. М. 1) Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья. Табл. 53' 2) Терракотовые статуэтки Пантикапей. Табл. 34, 3.

³³ Winter Fr. Op. cit. S. 371, 372.

³⁴ Мифологический словарь. С. 147; Кобылина М. М. Скульптура Боспора. С. 100 (примеч. 87); ГЭ, инв. № П. 975; Winter Fr. Op. cit. S. 373; ОАМ, инв. № 21090; ГЭ, инв. № П. 1886. 88; ТОАМ. 1898. Т. 2. Табл. V, /.

³⁵ Мифологический словарь. С. 30; ОАМ, инв. № 20575; Кобылина М. М. 1) Скульптура Боспора. С. 77, 99; 2) Терракотовые статуэтки Пантикапей. Табл. 28, 3.

³⁶ Кобылина М. М. Скульптура Боспора. С. 99.

³⁷ Cumont Franz. Textes et Monuments Figures reliefs aux Mysteres de Mytra. Bruxelles, 1896; Sarre F. Die Kunst des alten Persien. Berlin, 1925. Taf. 56.

³⁸ Wasmer M. Untersuchungen fiber die altersten Wohnsitze der Slaven. I: Die Iranier in Siidrussland. Leipzig, 1923. S. 73.

³⁹ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. С. 170.

- ⁴⁰ К.—W. S. 94. Taf. 37, 536; S. 65. Taf. 26, 374.
- ⁴¹ Василевич Г. М. Тунгусский кафтан. С. 127.
- ⁴² К.—W. S. 94. Taf. 37, 536.
- ¹³ Ibid. S. 65. Taf. 26, 374.
- ¹⁴ Ibid.; Корпус боспорских надписей. М., 1965. Далее: КБН. (Чтение восстановлено В. В. Латышевым. По характеру письма — первая половина I в. н. э.).
- ⁴⁵ Василевич Г. М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // СМАЭ. 1957. Т. 17. С. 152.
- ⁴⁶ Василевич Г. М. Тунгусский кафтан. С. 122—178.
- ⁴⁷ Серошевский В. Я. Якуты. СПб., 1898. Т. 1. С. 344. ¹⁸ Василевич Г. М. Тунгусский кафтан. С. 126.
- ⁴⁹ Там же. С. 145.
- ⁵⁰ Там же. С. 122.
- ⁵¹ Там же. С. 170—171. См. также: Окладников А. П. К изучению начального этапа формирования народов Сибири // СЭ. 1950. № 2. С. 40, 41.
- ⁵² Василевич Г. М. Тунгусский кафтан. С. 122.
- ⁵³ Там же. С. 137.
- ⁵⁴ СиЖБ. С. 142. Табл. 188. Текст: «Филофему, он же Леонак, вольноотпущеннику Менофила, эту стелу поставил брат Понтикион, памяти ради в 440 году» (см. также: КБН. С. 411, № 710).
- ⁵⁵ Возможно, что это не оруженосец, а младший брат Филофема-Леонака, Понтикион, поставивший стелу.
- ⁵⁶ АДЖ. С. 376—389; ГЭ. Экспозиция; Эрнштедт Е. В. Указ. соч. С. 270, рис. 19.
- ⁵⁷ Страбон. VII, 3, 17.
- ⁵⁸ Там же. II, 5, 7, примеч. 4.
- ⁵⁹ Florescu F. B. Monumental de la Adamklissi tropaeum Traiani. 1959. P. 397, fig. 200 sg.
- ⁶⁰ Ibid. P. 320, 321, fig. 176, 177 и др.
- ⁶¹ Solin G. J. 19, 9.
- ⁶² Абаев В. И. Указ. соч. С. 180.
- ⁶³ Цалкин В. И. История скотоводства в Северном Причерноморье // МИА. 1960. № 53. С. 71.
- ⁶⁴ Солин Г. Ю. 19, 9. Юлию Солину, без сомнения, можно верить, так как его описание оленей, в частности их рогов, подтвердил остеологический материал (см.: Цалкин В. И. Указ. соч. С. 72).
- ⁶⁵ Абаев В. И. Указ. соч. С. 179.
- ⁶⁶ Публий Вергилий Марон. Георгики.
- ⁶⁷ Гезихий из Александрии. Лексикон. ⁸ Там же.
- ⁶⁹ Абаев В. И. Указ. соч. С. 180. В русском языке сохранилось: «Доха (ж.) — урал. род шубы из сайгачьего меха шерстью вверх» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1913. Т. 1. С. 1206); «Даха (доха) ж. монг. — шуба, надеваемая шерстью вверх. . . бывает жеребья, оленья, козули-чья, собачья, овчинная. . .» (Там же. С. 1030). В маньчжурском языке меховая одежда с ненадставленными рукавами носила в прошлом название дэхэлэ 'меховая'. См.: Василевич Г. М. Тунгусский кафтан. С. 122.
- ⁷⁰ По-видимому, в этом случае употреблялась шерсть не оленя, а другого животного, так как, например, северяне не делают войлока из шерсти северного оленя и не прядут из нее пряжи, считая оленью шерсть непрочной.
- ⁷¹ Абаев В. И. Указ. соч. С. 180, 184.
- ⁷² Одежду из шкур делали готы (Корнелий Тацит), скифы (Геродот) и др.
- ⁷³ Василевич Г. М. Тунгусский кафтан. С. 126.

К главе 2

- ¹ Мы употребляем термин «варвар» в том же смысле, в каком его употребляли древние греки, т. е. не грек.
- ² Шульц П. Н. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество : Тр. по изуч. пробл. античности. М., 1967. С. 228.
- ³ Там же. С. 226.
- ⁴ Там же. С. 230.
- ⁵ Там же. С. 228, 229, рис. 2, 4; Спицын А. А. Археологические заметки // Тр. РАНИОН. М., 1928. Т. 4. С. 488.
- ⁶ Манцевич А. П. О скифских поясах // СА. 1941. Т. 7. С. 19—30.
- ¹ Шульц П. Н. Указ. соч. С. 229. Рис. 3.
- ⁸ Там же. Рис. 2; Passek T., Lutinine B. A. Sur la question des «Kamennye baby» Eurasia septentrionalis antiqui. Helsinki, 1929. P. 224. Fig. 1, 2; 3, a, b.
- ⁹ Маркович В. И., Мунчаев Р. М. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии // СА. 1964. № 1. С. 158. Рис. 1—4.
- ¹⁰ Миллер А. А. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом // Изв. ГАИМК. 1925. Вып. 4. С.

¹¹ Там же. С. 109. Табл. II, 7—9. По словам автора, памятник найден в предгорьях Кавказа. Более точное происхождение статуи неизвестно.

¹² Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968. С. 7—56.

¹³ Граков Б. Н. Скифы. М., 1971. С. 89.

¹⁴ Артамонов М. А. Сокровища скифских курганов. Л., 1965. Табл. 292 — фигура с клевцом в руках.

¹⁵ Там же. Табл. 22 и др.

¹⁶ Манцевич А. П. Указ. соч. С. 19—30.

¹⁷ Там же. С. 21—22. Рис. 4, 5, 7.

¹⁸ Там же. С. 27.

¹⁹ Мелюкова А. И. Каменная фигура скифа-воина // КСИИМК. 1952. Вып. 48. Рис. 39.

²⁰ Ксенофонт. Анабасис. Гл. IV-4.

²¹ Кобылица М. М. Терракоты Северного Причерноморья // САИ 1970 Вып. II —11. С. 43, табл. 15, 9, 10.

Сокольский Н. И. К вопросу о синдской скульптуре // Культура античного мира. М., 1966. С. 244—245, рис. 1;

²² Крушккол Ю. С. Древняя синдика М 1971 С. 196-201.

²³ Шульц П. Н. Указ. соч. Рис. 6 7

²⁴ Геродот. I, 135.

²⁵ Там же. IV, 111.

²⁶ Там же. 23.

²⁷ Там же. 106.

²⁸ Юлий Полидевк. Словарь.

«В Скифской земле произрастает конопля — растение, очень похожее на лен, но гораздо толще и крупнее. . . Ее там разводят, но встречается и дикорастущая конопля. Фракийцы изготовляют из конопли даже одежды. . .» (Геродот IV 74)

^o Геродот. I, 203. " Иппократ. 29, 45.

Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Кн. 3, письмо 10

³³ Геродот. VII, 64.

³⁴ Иппократ. 28.

126

³⁵ Там же. 26.

³⁶ Геродот. IV, 64.

³⁷ Степанов П. К. История русской одежды. Пг., 1915—1916. С. 18, рис. 13. [№] Геродот. IV, 107.

³⁹ Цицерон. Марк Туллий. Кн. V, 90.

⁴⁰ Геродот. IV, 109.

⁴¹ Тахтай О. К. Сюфьска статуя is с. Ольховник Донецке! области! // Археология. 1964. Т. 17. С. 205—206. Рис. 1, 2.

⁴² Шульц П. Н. Указ. соч. С. 236.

⁴³ Геродот. IV, 76, 78—80. ¹⁴ Платон. Эриксий.

⁴⁵ ГЭ. КО, № 17, 41, 65; П, № 51, 485 и др.

⁴⁶ Даже в новое время, в тех случаях, когда рукав и пройма не выкраивались, под рукавами у проймы вырезали специальное отверстие и оставляли его незащитым или вставляли в него клин-ластовицу, расширяя, таким образом, диапазон движения рук.

⁴⁷ Геродот оставил красочное описание этого обряда у скифов: «Все договоры о дружбе, освященные клятвой, у скифов совершаются так: В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом или маленький надрез ножом). Затем в чашу погружают меч, стрелы, секиру и копьё. После этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши» (IV, 70).

⁴⁸ Анфимов Н. П. Из прошлого Краснодарской области. Краснодар, 1965.

⁴⁹ Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 243, рис. 5U. ^{>0} Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 72.

⁵¹ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 318.

⁵² Платон. Законы.

⁵³ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101. С. 36, рис. 9, 3,4.

⁵⁴ Черненко Е. В. Скифские лучники! Киев, 1981. С. 122.

⁵⁵ Аристофан. Осы / Пер. Н. И. Корнилова. Казань, 1908. С. 58.

⁵⁶ Азизбекова П. А. Азербайджанская национальная одежда. М., 1972. Табл. 94.

⁵⁷ Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы. . . С. 65—68.

⁵⁸ Schefeld K. Untersuchungen zu den kertschner Vasen von Karl Schefeld. Berlin; Leipzig, 1934. Abb. 104,

151, 168, 169, 227, 336, 381.

⁵⁹ Манцевич А. П. Горит из кургана Солоха // Культура и искусство античного мира. Л., 1962. С. 114. (ТГЭ; Т. 7).

⁶⁰ У ненцев, например, ноговицы делались из 6 полос, у нганасан, тувинцев и тофаларов камусную обувь изготавливали из 4—6 полос и т. д. (см.: Василевич Г. М. Типы обуви народов Сибири // СМАЭ. Т. 21. С. 12).

⁶¹ Василевич Г. М. Типы обуви народов Сибири. С. 1, 2. Рис. 2—16.

⁶² Необычные для наших представлений вещи принято объяснять ошибками мастера. Мы мало знаем об идеологии того времени. Для наглядности приведем пример из хроники армянского историка V в. н. э. Мовсеса Хоренади: «Арташес же. . . жалуется также Аргаму. . . обещанное второе место, также венец, усыпанный яхонтами, пару серег для ушей, красную обувь для одной ноги, право есть золотой ложкой и вилкой и пить из золотых чаш» (*Мовсес Хороснаци*. История Армении. Ереван, 1891. С. 96). Может быть, что-либо подобное произошло и в данном случае?

⁶³ Армаганян А. С. Указ. соч. С. 3—38, рис. 3.

⁶⁴ Сенека Люций Анней. Кн. XX, оп. VII (124).

⁶⁵ Геродот. VII.

⁶⁶ Сенека Люций Анней. Кн. XI. Гл. 1 (80).

⁶⁷ Самосатский Лукиан. Скиф или гость. Лукиан говорит о богах, которым молятся Токсарид и Анахарсис, и называет «Меч» и «Замолксис», что явно свидетельствует о фракийском происхождении Токсариды (и Анахарсиса?); Артамонов М. И. Общественный строй скифов // Вести. ЛГУ. 1947. № 9.

127

⁶⁸ Лаппо-Данилевский А. С. Курган Карагодеуашх // МАР 1894 № 13 С. 1—60.

⁶⁹ Манцевич А. П. О пластине из кургана Карагодеуашх: (К толкованию сюжета) // Археологический сборник. Л., 1964. С. 130—131. (ТГЭ; Т. 6); Rostov-zeff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922. P. 104—105.

⁷⁰ По нашему мнению, это не «безусые» юноши, а молодые женщины или девушки в мужских костюмах (см.: Равдоникас Т. Д. К толкованию сюжета на пластине из кургана Карагодеуашх // Крат. содерж. докл. Среднеаз.-Кавк. чтений. Л., 1979. С. 15).

⁷¹ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. С. 111.

⁷² Диодор Сицилийский. Библиотека. 2, 43—6.

⁷³ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. С. 92.

⁷⁴ Бижанова М. А. Одежда узбеков Ташкента XIX—начала XX в. // Одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1979. С. 134.

⁷⁵ Устное сообщение Юсуфбековой Зиннатмо «Традиционный шугинский свадебный обряд».

⁷⁶ Бабаева Н., Бахтоваришоева Л. Саван // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 128.

⁷⁷ Шаревская Б. И. Старые и новые религии Тропической Африки. М. 1964 С. 136.

⁷⁸ Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939. С. 302.

⁷⁹ Снесарев Г. П. Указ. соч. С. 126.

⁸⁰ Геродот. IV, 64: «. . . на голове делают кругом надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи».

⁸¹ Семантика композиции и отдельных образов, изображенных на пластине, сложна и не сразу поддается расшифровке. Центральная женская фигура связана, во-первых, с миром животных, о чем говорит морда оленя, изображенная на шее фигуры, и голова коровы у согнутой в локте руки. Во-вторых, с подводным миром — на коленях у нее показаны две рыбы. Челюсть у женщины подвязана как у обычной покойницы, поэтому она, возможно, имеет отношение к подземному царству. Очевидно, эта фигура изображает владыку растений, животных и рыб, богиню плодородия — всеобщую мать, столь популярную в древности в Северном Причерноморье. По сторонам от центральной показаны две сидящие фигуры в мужских костюмах с горитами, левая с уткой на голове. Утка считалась у индоевропейцев священной птицей, так как связывала три стихии: землю, воду и воздух. Эту фигуру, вероятно, можно считать вестницей богов (см.: Раевский Д. С. Указ. соч. С. 60).

На плечевой одежде правой фигуры боковые швы отсутствуют, подол не подрублен. Мы полагаем, что здесь изображена душа умершей в ритуальной одежде без швов, чтобы в дальнейшем она могла перевоплотиться. «Душа» преподносит в дар богине морского конька, по поверьям приносящего счастье. Две стоящие фигуры пока не расшифрованы.

В легендах и поверьях осетин, которые нашли отражение в нартском эпосе, описывается путешествие в загробный мир души умершего (в эпосе солнечного божества Созырыко). После длинного пути душа приходит к развилке трех дорог: на небо, в царство мертвых и преисподнюю. По средней дороге душа (герой) попадает к царю мертвых (в эпосе — Барастыру, пирующему в кругу нартов). Царь принимает душу и предлагает ей сесть.

Можно предположить, что на пластине изображен потусторонний мир, где в окружении богинь (прообразов будущих нартов) восседает всеобщая мать — богиня плодородия. Они пьют напиток

богов, который в эпосе употребляют нарты. Богиня угощает и прибывшую, тем самым приобщая ее к загробному миру. Кстати, имя Барастыр происходит от Параскевы и связано с проникновением на Северный Кавказ христианства; таким образом, языческая богиня плодородия превратилась вначале в Параскеву, а затем, изменив пол, в Барастыра (см.: *Равдоникас Т. Д.* К толкованию сюжета на пластине из кургана Карагодеуашх. С. 15).

⁸² Для всех народов древности типичны мифы, в которых боги, жрецы, цари или герои сражаются с чудовищами, воплощающими космические силы хаоса: драконами, змеями, грифонами и т. п. Часто такие мифы были связаны с определенными календарными циклами возрождения природы и воспроизводились в виде

128
«священных битв». Один из таких мифов, по-видимому, нашел отражение в изображенной на калафе битве (см.: *Равдоникас Т. Д.* Мотив змееборства на калафе из кургана Большая Близница // Крат, содерж. докл. Среднеаз.-Кавк. чтений. Л., 1978. С. 18-19).

⁸³ Штаны из материи с тканым узором в форме ромба изображены на мужской фигуре печати перстня. работы Афинада из Керчи (IV в. до н. э.); см.: *Манцевич Н. П.* Изображения «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи. М., 1976. С. 21, рис. 1, 8.

⁸⁴ «Поршень — кусок ровдуги, кожи или камуса, выкроенной значительно больше очертаний ступни. В обуви загибается кверху сборами, огибая ступню. . . Носок — союзка в виде треугольника, покрывающего пальцы и подъем» (*Василевич Г. М.* Типы обуви народов Сибири. С. 3).

⁸⁵ *Геродот.* V, 6.

⁸⁶ *Артемидор.* V, 1.8.

⁸⁷ *Дион Хрисостом.* Борисфенитская речь.

⁸⁸ *Помпоний Мела.* II, 1.

⁸⁹ *Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 71—72.

⁹⁰ *Уварова В. П.* Памятники Северного Кавказа // МАК. 1900. Т. 8.

К главе 3

¹ *Сокольский Н. И.* 1) К вопросу о синдской скульптуре // КАМ. 1966; 2) Синдская скульптура // Античное общество. М., 1967.

² *Сокольский Н. И.* К вопросу. . . С. 243—244; *Крушккол Ю. С.* Древняя Синдика. М., 1971. С. 196. Рис. 26.

³ *Сокольский Н. И.* К вопросу. . . С. 244.

⁴ *Леей Е. И.* Терракоты из Ольвии: (Терракоты Северного Причерноморья). М., 1970. С. 35. Табл. 15, 9, 10. (САИ; Вып. Г1-11).

⁵ *Белов Г. Д.* Терракоты из Херсонеса //САИ. 1970. Вып. П-11. С. 73 (слева). Табл. 8, 3.

⁶ *Силантьева В. Ф.* Терракоты Пантикапея//САИ. 1974. Вып. П-11. С. 10-. Табл. 10, 3.

⁷ *Шульц П. Н.* Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. М., 1966. С. 233.

⁸ Там же.

⁹ См.: *Зограф А. Н.* Античные монеты Северного Причерноморья // МИА. 1951. № 16. С. 161, *слева.* Табл. 35, 17.

¹⁰ *Сокольский Н. И.* Синдская скульптура. С. 194—195; *Кобылина М. М.* Скульптура Боспора // МИА. 1951. № 19. С. 184; *Крушккол Ю. С.* Указ. соч. С. 197—198. Рис. 27; *Шульц П. Н.* Указ. соч. С. 234. Рис. 9.

¹¹ *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33. С. 144.

¹² *Руденко С. М.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. С. 105—107.

¹³ *Florescu F. B.* Monumentul de la Adamklissi Tropaeum Traiani // Academiei republici Romine! Bucuresti, 1959. P. 321 (fig. 177), 323 (fig. 179).

¹⁴ *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М., 1981. С. 65.

¹⁵ Там же. С. 66.

¹⁶ *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889. Т. 2. С. 61.

¹⁷ См.: АДЖ. Табл. XXXV, 4; *Маразов И.* Керченский ритон с протомой коня из Эрмитажа//Фрако-скифские связи. София, 1975. Т. 1. С. 214—233.

¹⁸ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лобинской // МИА. 1951. № 23.

¹⁹ *Казанов А. М.* Очерки военного дела сармат. М., 1971. С. 58.

²⁰ *Аммиан Марцелин.* Книга деяний. XVII, 12. ¹ *Казанов А. М.* Указ. соч. С. 69.

²² *Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX Астраханской обл. // КСИА. 1981.

9 Т. Д. Равдоникас

129
№ 168. С. 102—103. Рис. 2—3; *Яценко С. А.* О древних прототипах мужской плечевой одежды осетин // АИТЭСО. Орджоникидзе, 1985. С. 30. Рис. 3, а.

- ²³ *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975. С. 101. Рис. 34, 9; *Яценко С. А.* Указ. соч. С. 30. Рис. 3, б.
- ²⁴ *Яценко С. А.* Там же. Рис. 3, в.
- ²⁵ *Кузнецов В. А.* Путешествие в древний Иристон. М., 1974. С. 15; *Яценко С. А.* Указ. соч. С. 31. Рис. 3, е.
- ²⁶ *Аммиан Марцелин.* Книга деяний. XVII, 12, 2.
- ²⁷ *Геродот.* IV, 75.
- ²⁸ АДЖ. Табл. XIII; *Ернштедт Е. В.* Монументальная живопись Северного Причерноморья : (Общий обзор памятников живописи) // *Античные города Северного Причерноморья.* М.; Л., 1955. Рис. 19, 22.
- ²⁹ *Блаватский В. Д.* Античная археология. М., 1961. С. 162.
- ³⁰ *Ростовцев М. И.* Эллинизмо и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 173; *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 141 и след.
- ³¹ АДЖ. С. 234. Табл. LXIV (раскоп 1873 г.); С. 305 и след. Табл. LXXVIII, LXXIX (Стасовский склеп, раскоп 1872 г.); С. 352—353. Табл. LXXIX (склеп Ашика).
- ³² АДЖ. С. 106.
- ³³ *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 335.
- ³⁴ АДЖ. Табл. LXXX, 2.
- ³⁵ *Florescu F. V.* Op. cit. Fig. 185, 191.
- ³⁶ *Помпоний Мела.* Землеописание. II, 1.
- ³⁷ *Тацит Корнелий.* Германия. 17.
- ³⁸ *Sarre T.* Die Kunst des alien Persen. Berlin, 1923. Taf. 54.
- ³⁹ К.—W. Taf. 35. I в. н. э.; КБН. № 395. 1-я половина I в. н. э.
- ⁴⁰ К.—W. Taf. 35, 494. I в. н. э.; КБН. № 662. 1-я половина II в. н. э.
- ⁴¹ *Шилов В. П.* «Кельтские» бронзовые шлемы в степях Восточной Европы // *Проблемы советской археологии.* М., 1978. С. 109—112.
- ⁴² СиЖБ. Рис. 87.
- ⁴³ К.—W. Taf. 27, 400. I в. н. э.; КБН. № 550. 1-я половина I в. н. э.
- ⁴⁴ СиЖБ. Рис. 85.
- ⁴⁵ К.—W. Taf. 23, 355; 25, 378.
- ⁴⁶ К.—W. Taf. 39, 412.
- ⁴⁷ *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение в Соколовой Могиле: (Предварительная публикация) // *Скифия и Кавказ.* Киев, 1980. С. 168—169 и след.
- ⁴⁸ *Ламберты Арканджело.* Описание Колхиды или Мингрелии // *ЗООИД.* 1877. Т. 10.
- ⁴⁹ СиЖБ. Рис. 38. ⁵⁰ Там же. Рис. 37.
- ⁵¹ К.—W. Taf. 36, 525. I в. н. э.; КБН. № 465. Середина I в. н. э. ⁵² *Диодор Сицилийский.* Библиотека. 2, 43-6.
- ⁵³ *Страбон.* IV. 4-3.
- ⁵⁴ *Пругло В. И.* Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // *КАМ.* М., 1966. С. 206. Рис. 1, /, 3.
- ⁵⁵ *iFilip I.* Keltove ve Strednive. Praha, 1956. P. 247, 248; *Романовская М. А.* О происхождении лукашевского идола // *Древности Восточной Европы.* М., 1969. С. 188.
- ⁵⁶ *Florescu F. V.* Op. cit. Fig. 182, 204, 405.
- ⁵⁷ *Пругло В. И.* Указ. соч. С. 208—210. ⁵⁸ *Аппиан.* Митридатовы войны. III.
- ⁵⁹ *Пругло В. И.* Указ. соч. Рис. 3.
- ⁶⁰ Там же. С. 206.

К главе 4

- ¹ *Аммиан Марцелин.* Кн. 31-5, 6.
- ² *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 42 (рис.).
- ³ Там же. С. 43 (рис.); по китайским хроникам (шидзи), хунны одевались кожами домашнего скота, покрывались шерстяным и меховым одеянием» (*Бичу-рин Н. Я-* (Иакинф). Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 40).
- ⁴ *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962. С. 42 (табл.).
- ⁵ *Аммиан Марцелин.* Кн. 31-10.
- ⁶ Там же. Кн. 31-6.
- ⁷ *Прокопий* (из Кесарии). Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1960. Т. 7 (IV), 19, 8-18.
- ⁸ *Кондаков Н. П.* Очерки и заметки по средневековому искусству и культуре. Прага, 1924.
- ⁹ См.: *Иордан.* О делах и деяниях гетов (Qetica) / Пер., вступ. и коммент. Е. С. Скржинской. М., 1960. С. 223 (коммент. 122).
- ¹⁰ Там же. С. 72. Даже в IX в. некоторые племена гуннов (мадьяры) продолжали носить одежду из звериных шкур (см.: *Грот.* Моравия и мадьяры с половины IX в. до начала X в. СПб., 1881. С. 317—318).
- ¹¹ *Абоба-Плииска:* Альбом к X тому «Известий русского археологического института в

Константинополе». Вена, 1905. Табл. IX, 15.

¹² Аммиан Марцелин. Кн. 31-6.

¹³ Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1884. Табл. 1.

¹⁴ Гадло А. В. Болгарские пояса // Сб. докл. VI—VII Всесоюз. студ. конф. М., 1963.

¹⁵ Иерусалимская А. А. Аланский мир на «шелковом пути» : (Мошевая Балка — историко-культурный комплекс VIII—IX вв.) // Культура Востока : Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 152—153.

¹⁶ Jeroussalimskaia A. Le cafetan aux simourghs du tombeau de Mochtchevaja Balka : (Caucase septentrional) // Studia Iranica. Leiden, 1978. Vol. 7, fasc. 2. P. 203—206.

¹⁷ Собственно, это не разрезы, а несшитые по бокам стороны передка и спинки.

¹⁸ Jeroissalimskaia A. Op. cit. P. 203—206.

¹⁹ Иерусалимская А. А. Аланский мир на «шелковом пути». С. 159.

²⁰ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960. Рис. 116; Лобачева Н. П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи : (по данным стенных росписей) // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. Табл. III, 1, 2.

²¹ См.: Караулов Н. П. Сведения арабских географов IX и X веков о Кавказе, Армении, Азербайджане. Тифлис, 1901. С. 51.

¹² Иерусалимская А. А. Аланский мир на «шелковом пути». С. 159, рис. 2.

²³ Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973. С. 21 — объект VI/1.

²⁴ Альбаум Л. И. Живопись Афросиаба. Ташкент, 1975; Лобачева Н. И. Указ. соч. Табл. IV, 1—6.

¹⁵ Иерусалимская А. А. Аланский мир на «шелковом пути». С. 154.

²⁶ См.: Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) // МАДИСО. Орджоникидзе, 1961. Т. 1.

²⁷ Кузнецов В. А. Алания в X—XII вв. Орджоникидзе, 1971. Рис. 20 и на суперобложке.

¹⁸ Иерусалимская А. А. Аланский мир на «шелковом пути». С. 158.

⁹ Там же. Носителями салтовско-маяцкой культуры VII—X вв. считаются про-тоболгары (см.: Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. 34; Генинг В. Ф., Хапиков А. Х. Ранние болгары на Волге. Казань, 1964; Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967; Станцев С. Р. Новый памятник ранней болгарской культуры // СА. 1957. Т. 27. С. 111 — 112; Гадло А. В. Сал-тово-маяцкие (протоболгарские) памятники в восточной части Ставрополя // X Крупновские чтения. М., 1980. С. 63—64).

³⁰ Лобачева Н. П. Указ. соч. Табл. II, 7.

" Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. С. 30, 31.

¹² Цит. по: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 206.

³³ Там же.

" См.: Геродот. Кн. IV, 74.

³⁵ Веселовский Н. И. Раскопки в Кубанской области // ОАК за 1896 г. СПб., 1898. С. 1—26.

¹⁶ Самоквасов Д. Я. Могильные древности Пятигорского округа // Тр. V архе-ол. съезда. Тифлис, 1867. Т. 4. С. 41 и др.

³⁷ Рассказ генуэзца Георгия о быте и нравах черкесов, 1504 г. // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5; То же // Зап. ИРГО. 1869. Т. 2.

³⁸ Вопрос этнической принадлежности населения, оставившего Белореченский могильник, в настоящее время дискутируется.

³⁹ Веселовский Н. И. Указ. соч. С. 12, 13.

⁴⁰ Левашева В. П. Белореченские курганы // Археологический сборник. М., 1953. (Тр. ГИМ; Т. 22).

⁴¹ Там же. С. 189.

⁴² Там же. С. 190—191.

⁴³ См.: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда. Л., 1937. Рис. 18.

⁴⁴ Веселовский Н. И. Указ. соч. С. 14, 15.

⁴⁵ Левашева В. П. Указ. соч. С. 191.

⁴⁶ Веселовский Н. И. Указ. соч. С. 16.

⁴⁷ Левашева В. П. Указ. соч. С. 192. ⁸ Там же. С. 186, табл. 1—2.

⁴⁹ Веселовский Н. И. Указ. соч. Рис. 2.

⁵⁰ Курган № 10, раскопки 1896 г.

⁵¹ Левашева В. П. Указ. соч. С. 191.

⁵² См.: Ковалевский А. В. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и ком-мент, под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939. С. 59.

⁵³ Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами : Достопримечательное повествование // Гарданов В. К. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XVIII вв. Нальчик, 1974. С. 43—52.

⁵⁴ Рассказ генуэзца Георгия о быте и нравах черкесов // Записки Русского геогр. о-ва от отделения

этнографии. 1869. Т. 2.

⁵⁵ Там же. По первоначальному авторскому тексту описание одежды адыгов следующее: «Верхняя часть одежды у них делается из валяной шерсти, наподобие церковной мантии, которую они носят открытой с одной стороны, так, чтобы правая рука оставалась свободной. На голове [носят] шапку из того же войлока в виде сахарной головы по форме. Под плащом они носят так называемые *trpelicei* из шелковой или полотняной материи с широкими складками и собранные у пояса снизу, наподобие того, как носили древние римляне. Носят сапоги и ботинки, надеваемые друг на друга и очень нарядные, а также широкие холщовые шаровары. Усы носят длиннейшие. . . . Они спят с так называемым ими панцирем, т. е. кольчужной рубахой под головой, вместо подушки. . .» (*Интерриано Дж.* Указ. соч. С. 48, 49).

^{>6} *Интерриано Дж.* Указ. соч. С. 49—51.

⁵⁷ *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. М., 1974. Вып. Е4-2.

³⁸ *Мерцалова М. Н.* История костюма и искусство. М., 1972. С. 25 и след.

⁵⁹ *Кобылина М. М.* Скульптурный портрет из Фанагории // СА. 1962. № 3. С. 209—214.

⁶⁰ *Веселовский Н. И.* Указ. соч.

⁶¹ *Фехер Геза.* Одевание народов степи эпохи великого переселения народов. С. 152—165.

⁶² *Амин аль-Холи.* Связь между Нилом и Волгой. М., 1962. С. 16.

⁶³ См.: *Ковалевский А. В.* Указ. соч. С. 73, 81.

⁶⁴ *Горелик М. В.* Ближневосточная миниатюра XII—XIII вв. как этнографический источник : (Опыт изучения мужского костюма) // СЭ. 1972. № 2. С. 47, рис. 3, /.

⁶⁵ *Ковалевский А. В.* Указ. соч. С. 116. Комментарий, 530.

⁶⁶ *Вильгельм Рубрук де.* Путешествие в восточные страны : Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1967. С. 73.

⁶⁷ *Сизов В.* Восточное побережье Черного моря // МАК. 1899. Т. 2. Табл. ^{>8} *Стасов В. В.* Славянский и восточный орнамент. СПб., 1884. Табл.

⁶⁹ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно (1636—1638) / Пер., примеч. и указ. Л. М. Ловягина. СПб., 1906. С. 516 (рис.).

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 426.

⁷² *Olearius A.* Gattorphische Kunstkamer. Schleswig, 1674. Taf. 1—5.

⁷³ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 515—516.

⁷⁴ Там же. С. 426.

⁷⁵ *Dapper O.* Asia oder ausführliche Beschreibung des Reichs des Grossen Mogols. Nurnberg, 1681.

⁷⁶ *Стрейс Я. Я.* Три путешествия. М., 1935. С. 215.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ *Челеби Э.* Книга путешествий. Вып. 2: Земля Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 86.

⁷⁹ *Nicolas Nicalay de.* Quatre primieres livres de peregrinations orientales. Lyon, 1568.

⁸⁰ «Мужчины носят одежду, похожую на одежду персов — с полами (т. е. распашную? — *Т. Р.*), с завязанными внизу рукавами и высоким воротником. На голове у них колпаки из белой грубой шерстяной материи. На ноги они надевают персидские туфли. Головы у них бритые. Бороды тоже бритые. Все женщины и девушки носят шапки из грубой белой шерстяной материи, отороченные лисьим мехом. Волосы они убирают в прически и ходят с открытыми лицами. Женщины и девушки носят разнообразные облегающие их фигуры кафтаны из персидских тканей светлых тонов. Они носят такую же одежду, как и черкесские женщины» (*Челеби Э.* Указ. соч. С. 98).

" *Tavernier I. B.* Les six Voyages. Paris, 1692. Vol. 3. P. 372.

⁸² *Гарданов В. К.* Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. С. 74.

Guttenstadt J. A. Reisen diirch Russland und in Caucasischen Geburge. SPb., 1797. Bd 2. S. 14, Taf. II; *Миллер В. Ф.* Отголоски кавказских верований на могильных памятниках // МАК. 1893. Т. 3. С. 119—126. Табл. LXIII, LXVI; *Иес-сен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 33—34, табл. IX.

³⁴ *Миллер В. Ф.* Указ. соч. Табл. LXIII, LXVI.

⁸⁵ *Захарова И. В., Хаджиева Р. Д.* Казахская национальная одежда XIX— начала XX в. Алма-Ата, 1964. С. 43—45.

⁸⁶ См.: *Кузнецов В. А.* Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья // КСИА. 1961. Вып. 85. С. 111.

Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. 1941. № 3. С. 33, 34.

¹⁸ *Guldenstadt J. A.* Op. cit. Bd 1. Taf. XII, XIII.

³⁹ *Жан Лукка де.* Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жака де Лукка, монаха доминиканского ордена (1625 г.) // ЗООИД. 1879. Т. 2. С. 490; см. также: *Гарданов В. К.* Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. С. 71.

¹⁰ Цит. по: Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

" Эмиддио Дортелли д'Асколи (префект Кафы, Татарии и пр.). Описание Черного моря и Татарии (1634) / Пер. Н. Н. Пименова // ЗООИД. 1902. Т. 24. С. 126. См. также: Гарданов В. К. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. С. 63—64.

¹² Челеби Э. Указ. соч. С. 58—59.

⁹³ Там же. С. 61.

⁹⁴ Allen W. E. D. A History of the Georgian People. London, 1932. P. 126.

К главе 5

¹ Klaproth I. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle; Berlin, 1812—1814. 577 s; Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1877. Ч. 3. С. 112—116; Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. С. 260 след.; Алексеева Е. П. Археологические разведки у аула Жако в Черкесии // КСИИМК. 1955. Вып. 60. С. 73—78; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. № 106. С. 62—63.

² Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработка в конце медно-бронзового века // МИД. 1951. № 23. С. 124; Крупное Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 385; Смирнов А. П. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным // Учен. зап. КНИИ. 1948. Т. 4. С. 65; Анфимов Н. В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958. С. 25; Абаев В. И.

1) Осетинский язык и фольклор. С. 45, 79; 2) Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 380; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. С. 62—75.

Байчоров С. Я. Северокавказский регион древнетюркской рунической письменности // Этнические и историко-культурные связи тюркских народов. Алма-Ата, 1976. С. 164; Кузнецов В. А. Надписи хумаринского городища // СА. 1963. № 1. С. 304; Яковлев Н. Ф. Языки и народы Кавказа : Краткий обзор и классификация. [Тифлис, 1930]; Материалы науч. сес. о происхождении балкарцев и карачаевцев. 1960; Кузнецов В. А. Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА. 1964. Вып. 99; Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963; Биджиев Х. Х. Погребальные памятники Карачая XIV—XVII вв. // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979. С. 63—146.

⁴ Фелицын Е. Д. Западнокавказские дольмены // МАК. 1904. Т. 9. С. 85. Рис. 39. Табл. X; Tallißen A. M. Сиг Iез тогштеп^з те^аНИПциез ей Саисазе оссЫеп-Ы // ЕЗА. 1934. Т. 9. 5. 15. Киу. 16; Кузнецов В. А. 1) Средневековые дольмено-образные склепы Верхнего Прикубанья // КСИА. 1961. Вып. 85. С. 106—117;

2) Алания X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971. Рис. 20 и на суперобложке.

⁵ ОйIаен\$Шал I. A. КеIзеп сШгсБ КизIапсI ипс! Iт СаисазI5спеп ОеЫг^е. 5РЬ., 1787. Вел I. ТаI. XI, XII; Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. 1941. № 3. Рис. 9; Кузнецов В. А. Алания X—XIII вв.

⁶ Горелик М. В. Ближневосточная миниатюра XII—XIII вв. как этнографический источник : (Опыт изучения мужского костюма) // СЭ. 1972. № 2. С. 47. «Высокие сапоги с расширяющимися кверху голенищами. К верхнему завышенному спереди краю голенищ пришивался широкий кант» (Там же. С. 45, табл. 4).

Описание каменных крестов, столбов и статуй, собранных Е. Д. Фелициным и Г. И. Куликовским // МАК. 1898. Т. 7. Табл. XIII, 6.

⁸ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. С. 74, 75.

Миллер А. А. Новый источник по изучению связи Скифии с Кавказом // ИРАИМК. 1925. Т. 4. С. 99.

¹⁰ Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА 1952. № 24. С. 108.

" Кузнецов В. А. 1) Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 27 и след.; 2) Раскопки на Нижнем Архызе // АО 1971 г. М., 1972. С. 166.

¹² Древнехристианские храмы и св. Александрo-Афонский монастырь в Зелен-чукском ущелье Кавказского хребта. Одесса, 1904.

¹³ Вейс Г. Внешний быт народов с древнейших времен до наших дней. М., 1875. Т. 2, ч. 1. С. 56. Короткие штаны, чулки и башмаки попали в Византию в результате «варварского» влияния.

' Владимиров И. А. Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области // ИАК. 1902. Вып. 4. С. 1—14, рис. 1—8, табл.

¹⁵ Дьячков-Тарасов А. Н. Сентийский храм и его фрески // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5. Табл.

⁶ Там же. Рис. 16.

¹⁷ Кусаева С. С. Аланский катакомбный могильник XI—XII вв. у станицы Змейской : (по раскопкам 1953 г.); Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник : (по раскопкам 1957 г.) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.

Равдоникас Т. Д. О некоторых типах аланской одежды X—XII вв. // КЭС. 1972. Вып. 5. С. 198—208.

¹⁹ Кузнецов В. А. Очерки по истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 238.

²⁰ Сизов В. Восточное побережье Черного моря // МАК 1889 Т. 2 Табл. XIII; XIV, 1.

²¹ Уварова П. С. Могильники // МАК. 1900. Т. 8. С. 257, рис. 206. Таким образом, т. е. из двух одинаковых половин, был шит имеющий другой покроем хун-нский головной убор из Ноинулинского кургана первых веков нашей эры.

134

²² Рунич А. П. Катакомбные могильники в районе Кисловодска // СА. 1963. № 3. С. 241, 242.

²³ Кузнецов В. А. Очерки истории алан. С. 238.

²⁴ См. • Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 68, 69, 171, 172. Копушки найдены в женских погребениях половцев и бывают изображены на половецких женских статуях.

²⁵ Берладина К. А. Народная вышивка Северной Осетии // Изв. Североосетинского НИИ. Орджоникидзе, 1960. Т. 22, вып. 4 (история). С. 124.

²⁶ Извлечение из отчета В. И. Долбежева об археологических поисках в Нальчикском округе Терской области // ОАК за 1863 г. СПб., 1895. С. 102.

²⁷ Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. С. 31, 32

(рис.).

²⁸ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 37.

²⁹ Альбом полк. Д. А. Вырубова с рисунками жилищ, могильных памятников, одежды и украшений (МАЭ, кол. № 693, № 3, с. 6).

³⁰ Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в. // КЭС. 1969. Вып. 4. С. 104 (рис.).

³¹ Иерусалимская А. А. Аланский мир на «шелковом пути». С. 1Б4.

³² Зеленин Д. К. Женские головные уборы // 51ауоа. Ргада, 1926. Кос. 5, зез. 2; 1927. Кос. 5, зез. 3. По мнению Биджиева Х. Х., венчики украшали женские головные уборы карачаевцев (болгар?) (см.: Биджиев Х. Х. Указ. соч.).

³³ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 37.

³⁴ Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье : (по материалам археологических раскопок в Аварии). Махачкала, 1963. С. 113.

³⁵ Уварова П. С. Указ. соч. С. 257-258. Табл. СХ.

³⁶ Буш Н. А. По скалам Андийского Дагестана // ИРАО. 1905. Т. 10, вып. 3; МАЭ, кол. № 6748-1 (лакцы).

³⁷ Путешествие в Восточные страны Платона Карпини и Вильгельма Рубрука. М., 1957. С. 27, 99.

³⁸ Клапрот Г. Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807— 1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. Т. 1. С. 161.

³⁹ Мизиев И. М. Средневековый могильник «Баирым» у селения Верхний Чегем // Сб. студ. работ Кабардино-Балкарского ун-та. Нальчик, 1964. С. 16—22.

⁴⁰ Там же. С. 21.

⁴¹ См.: Уварова П. С. Указ. соч. С. 172.

⁴² Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник. С. 123.

⁴³ Фехер Г. Исследование по одеянию народов степи периода Великого переселения народов // Агспаеolo\$la еглезло. Вийарез!, 1956. Р. 152—164.

⁴⁴ Бар-гольд В. В. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963. Т. 2. С. 295; см. также: Горелик М. В. Ближневосточная миниатюра XII—XIII вв. как этнографический источник. Табл. 3—17.

⁴⁵ Уварова П. С. Указ. соч. С. 256—262.

⁴⁶ Там же. С. 262.

⁴⁷ Там же. С. 263. Найден только в одном погребении.

⁴⁸ Там же. С. 257, рис. 206.

⁴⁹ Веселовский Н. И. Раскопки в Кубанской области // ОАК за 1896 г. СПб., 1898. С. 55.

⁵⁰ Уварова П. С. Указ. соч. С. 201.

⁵¹ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния // САИ. 1974. Вып. Е4-2. С. 38, табл. 58, № 1099, 1129; табл. 67, № 1175; табл. 72, № 1234, 1236 и т. д.

⁵² Левашева В. П. Белореченские курганы // Археологический сборник. М., 1953. С. 103. (ГИМ; Т. 22).

⁵³ Биджиев Х. Х. Указ. соч. С. 89—97.

⁵⁴ Левашева В. П. Белореченские курганы. С. 190—191; Веселовский Н. И.

⁵⁵ Самоквасов Д. Я. Могильники Пятигорского округа // Тр. V АС. 1867. Т. 4. С. 41 и др.

⁵⁶ Там же. Рис. 1.

⁵⁷ Минаева Т. Городище Адиох в Черкесии // КСИА. 1956. Вып. 60. Рис. 49.

⁵⁸ Биджиев Х. Х. Указ. соч. С. 93.

135

⁵⁹ Сизов В. И. Указ. соч. С. 83, табл. XIII; XV, 1.

⁶⁰ Мизиев И. М. Могильник у с. Ташлы-Тала // Археологический сборник КБНИИ. Нальчик, 1974. Вып.

1. Рис. 4, 1—5.

⁶¹ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно (1636—1639) / Пер., примеч. и указ. Л. М. Ловягина. СПб., 1906. С. 516; *Клапрот Ю.* Указ. соч.

⁶² *Штедер.* Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 36.

⁶³ *Рейнеггс Я.* Общее историко-топографическое описание Кавказа // Осетины глазами русских и иностранных путешественников.

⁶⁴ *Потоцкий Я.* Путешествие в астраханские и кавказские степи // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1971. ⁶⁵ *Клапрот Г. Ю.* Указ. соч. ¹⁶ ГМЭ, кол. № 33461—33479, 33481—33486.

⁶⁷ *Тменов В. Х.* «Город мертвых» : (Позднесредневековые склеповые сооружения). Орджоникидзе, 1979.

⁶⁸ ГМЭ, № 33461—33486.

⁶⁹ См.: *Тменов В. Х.* Указ. соч. С. 120, 121, 125.

⁷⁰ ГМЭ, № 33479, 33481.

⁷¹ *Тменов В. Х.* Указ. соч. С. 120.

⁷² *Клапрот Г. Ю.* Указ. соч. С. 161.

⁷³ *Potocki J.* Voyage dans les steps d'Astrakhanet du Caucase. Paris, 1829. Т. 1. Р. 126 (?).

⁷⁴ *Тменов В. Х.* Указ. соч. С. 120.

⁷⁵ *Клапрот Г. Ю.* Указ. соч. С. 161.

⁷⁶ *Guldenstadt J. A.* Op. cit. Taf. VIII.

⁷⁷ *Мизиев И. М.* Отчет об археологической экспедиции КБНИИ // Арх. КБНИИ, д. 1829-а; цит. по: *Тменов В. Х.* Указ. соч. С. 120.

⁷⁸ *Тменов В. Х.* Указ. соч. С. 117, 119. *Штедер.* Указ. соч. С. 36. *Клапрот Г. Ю.* Указ. соч. С. 153. *Тменов В. Х.* Указ. соч. С. 119. *Штедер.* Указ. соч. С. 36.

⁸³ *Тменов В. Х.* Указ. соч. С. 125.

⁸⁴ *Pallas P. S.* Op. cit. Т. 1. P1.

⁸⁵ *Potocki J.* Op. cit.

⁸⁶ *Guldenstadt J. A.* Op. cit. Taf.

⁸⁷ ГМЭ, № 33486.

⁸⁸ ГМЭ, № 33484.

⁸⁹ *Тменов В. Х.* Указ. соч. С. 125.

⁹⁰ *Штедер.* Указ. соч. С. 36. ГМЭ, № 33465, 33467, 33468. ГМЭ, № 33466.

ГМЭ, № 33461, 33462, 33470, 33485. ⁸⁴ *Штедер.* Указ. соч. С. 36. ¹⁵ *Тменов В. Х.* Указ. соч. С. 124.

⁹⁶ *Магомедов А. Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968. С. 272.

⁹⁷ *Клапрот Г. Ю.* Указ. соч. С. 162.

⁹⁸ *Тменов В. Х.* Указ. соч. С. 132.

⁹⁹ ГМЭ, № 33483; *Тменов В. Х.* Указ. соч. С. 124—125.

¹⁰⁰ *Саваитов П.* Описание старинных утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположения. СПб., 1836. С. 144.

¹⁰¹ *Клапрот Г. Ю.* Указ. соч. С. 266. ² Там же. С. 163.

¹⁰³ *Мизиев И. М.* Могильник у с. Ташлы-Тала. Рис. 4.

¹⁰⁴ *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963.

¹⁰⁵ Там же. С. 51.

¹⁰⁶ *Крупное Е. И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 94, 95.

¹⁰⁷ *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания. . . С. 51.

¹⁰⁸ Там же. С. 52.

¹⁰⁹ *Крупное Е. И.* Средневековая Ингушетия. С. 93—94.

¹¹⁰ См.: *Полиевктов М.* Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615—1640 гг.). Тбилиси, 1937. С. 251.

¹¹¹ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 515.

¹¹² Там же. С. 510.

¹¹³ *Дьячков-Тарасов А. Н.* Указ. соч.

¹¹⁴ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 516.

Цит. по: *Полиевктов М.* Указ. соч. С. 251. *Клапрот Г. Ю.* Указ. соч. С. 161 — 162.

Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания. . . С. 51. *Семенов Л. П.* Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Изв. Чеч.-Инг. ин-та ист. яз. и лит. Грозный, 1959. Т. 1, вып. 1.

¹¹⁹ *Стрейс Я. Я.* Три путешествия. С. 183.

Список сокращений

- АДЖ — *Ростовцев М. М.* Античная декоративная живопись. СПб., 1914. Т. 2 АС —
Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории. М.; Л.
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов
СССР
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия археологической комиссии. СПб.
ИИНИИ — Известия Ингушского научно-исследовательского института
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры. Пг.—Л.
ИРАО — Известия Русского археологического общества
КАМ — Культура античного мира: Сборник. М., 1966
КБН — Корпус боспорских надписей. М., 1965
КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КЭС — Кавказский этнографический сборник
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты археологической комиссии
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
- РГО СА САИ СиЖБ - Русское географическое общество Советская археология Свод археологических источников *Иванова А. П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961
СМАЭ - Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР
СЭ - Советская этнография
ТГЭ - Труды Государственного Эрмитажа
ТИЭ - Труды Института этнографии АН СССР
ТОАМ - Труды Одесского археологического музея
Тр. АС - Труды археологического съезда
ТСА РАНИОН - Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
АИА ESA - *Amerikan Journal of Archeology Eurasia Septentrionalis Antiqua Kieseritzky G., Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Sudrussland. Berlin; Leipzig, 1909

Оглавление

Предисловие

Глава 1. О древнейшем типе одежды коренного населения Северо-Западного Кавказа

Глава 2. Одежда скифского времени (V—III вв. до н. э.)

Глава 3. Одежда обитателей Прикубанья (IV в. до н. э.—V в. н. э.)

Глава 4. Одежда народов предгорий Северо-Западного Кавказа в эпоху средневековья (IV—XVII вв.).

Глава 5. Одежда населения горного Кавказа (IX—XVII вв.)

Примечания

Список сокращений

Татьяна Дмитриевна Равдоникас ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ОДЕЖДЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА (V в., до н. э.—конец XVII в.)

*Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
(Ленинградская часть)*

Редактор издательства *З. В. Гришина* Художник *Г. В. Смирнов* Технический редактор *М. Н. Кондратьева* Корректоры *Г. Н. Мартынова* и *А. Х. Салтанаева* ИБ № 44251
Сдано в набор 23.11.89. Подписано к печати 5.04.90. Формат 60X90/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9. Усл. кр.-от. 9.12. Уч.-изд. л. 10.42. Тираж 2550. Тип. зак. № 2138. Цена 1 р. 60 к.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». Ленинградское отделение. 199034, Ленинград, В-34, Менделеевская линия, 1. Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, Эриния, 12.